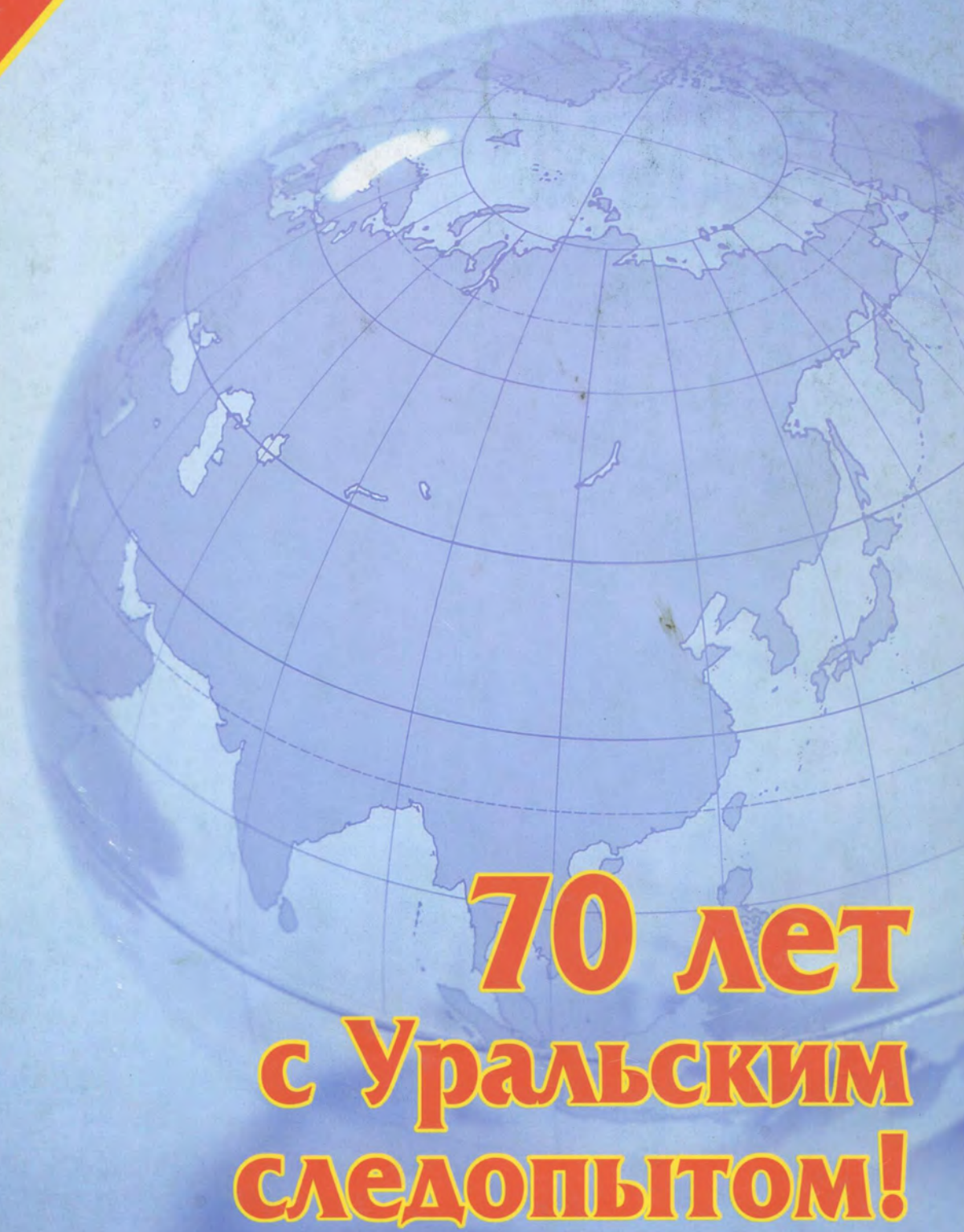

У Р А Л Ь С К И Й №1 (571), 2005

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

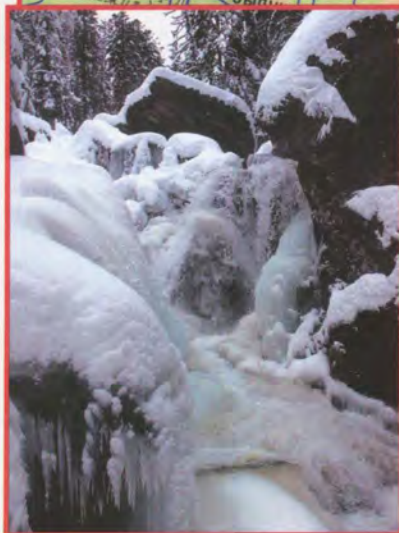
РЕКА ВРЕМЕНИ · АЭЛИТА · ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

**70 лет
с Уральским
следопытом!**

Маршруты Уральского следопыта

Сегодня мы уезжаем в Североуральск... В лыжный поход I категории сложности. У нас довольно интересный маршрут: Североуральск - хр. Кваркуш - г. Вогульский камень (1066 м) - р. Вагран - г. Казанский камень (1034 м) - Североуральск. Должно быть интересно...

О лыжном походе на хребет Кваркуш читайте в этом номере журнала

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов
Юний Горбунов,
Александр Челноков,
Андрей Наседкин,
Дизайн, верстка
Черепанов Игорь
Художник

Ирина Овсянникова
Дизайн обложки
Андрей Бордаков
Набор

Валентина Кадочникова
Корректор

Юрий Виноградов

Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:

ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Юрий Казарин

Станислав Мешавкин

Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор

заслуженный врач России

издано при поддержке
министерства физкультуры,
спорта и туризма Свердловской
области

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотип и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 шт. по 60 знаков в строке, 28-30 строк
на странице. Каждая страница рукописи
должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматриваются
рукописи, дополненные электронной версией
(E-mail, дискета, CD).

Рукописи не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62
Подписано к печати 9.01.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 1, 2005
Издается с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X

следопыт

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 1'2005 (571)

РЕКА ВРЕМЕНИ

Юбилей

С. ПАНИНА *Под эгидой госпожи Удачи* 2

Тропой поиска

Ю. КЛЮШНИКОВ

«ЕРМАК» — неосуществленный замысел Пушкина 16

Портреты

А. КОЗЫРЕВ *Харбин о-шанхайские кировградцы* 28

Краеведческая копилка

И. КОПЫТОВА *Горнист с «Варяга»* 80

Версия

А. ЛЕШКОВ

О заблудшем человечестве и Великом правителе 70

Родословная

О. ОЖГИБЕСОВА *В поисках Родины* 60

Музей фотографии

О. ШАБАРШИНА *Тагильская капуста* 27

Занимательная нумизматика

В. ПУРОНЕН *Червонец вместо империи* 8

Возвращение из Леты

В. ГОЛДИН *Кому я эти песни посвящаю...* 34

Легенды и были

Е. Лысенко *Дети снега* 76

Писательницы России 29

АЭЛИТА

Современная поэзия Урала

Лариса РАТУШНАЯ 11

Современная проза

И.ЖИВЕТЬЕВА *Закон сохранения* 72

Наш гость

Дж. ГЛЮК *Рассказы* 24

Фантастика

В. НИКОРА *За гранью* 36

Дебют

Александр ЛУКЬЯНОВ 65

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Экспедиция

В. МИХАЙЛЕНКО *В краю заповедной Печоры* 18

Советы специалиста

Личное снаряжение туриста-лыжника 68

Колонка редактора

Поиски уральских пещер 58

Туристские байки

Байки 32

Уральские тропы

О. МАРУЩЕНКО *Дневник одного похода* 66

Заповедные земли Урала

А. ПИЧУГИН *Веселые горы* 5

Под эгидой госпожи Удачи

(К 125-летию археологических исследований
восточного склона Урала)

Друзьям, коллегам

Верхнего, Среднего и Нижнего миров

Уральским археологам сказочно повезло с памятниками. Стоянки, поселения, городища, древние шахты, места литейных производств, каменоломни, писаные камни, святилища пещерные и на вершинах скал, культовые холмы, торфяниковые памятники и даже могильники (грунтовые и чуть-чуть курганных)... Их разнообразие и необычность рано привлекли внимание исследователей, путешественников и конечно корыстных людей.

Первые сведения о «чудских копиях», писанных камнях и других древностях, с рисунками курганов и находок, уже содержатся в книге «Описания Уральских и сибирских заводов» В.И.де Геннина.

Во время «Второй академической экспедиции» академики И.И.Лепехин в 1771 г. и П.С.Палас в 1770 и 1772-м осмотрели и описали часть уральских пещер со следами пребывания в них древнего человека, а также несколько памятников старины в окрестностях Екатеринбурга.

Самые первые раскопки в России были предприняты именно в Екатеринбургском уезде в 1837 г. Их провел преподаватель выйской гимназии Иродион Матвеевич Рябов на стоянке Полуденка. У него в 1845-м принял эстафету главный кассир Нижнетагильского завода Дмитрий Петрович Шорин. При раскопках он обнаружил «каменное копьцецо» и «орудие из твердого зеленого камня, с одной стороны заостренное, похожее на широкий нож».

С момента основания в Екатеринбурге в 1871 г. Уральского общества любителей естествознания, интерес к антропологии, этнографии и археологии (именно в такой последовательности) становится постоянным.

Первоначально — это лишь упоминания о случайных находках. Но уже в середине семидесятых годов на заседаниях УОЛЕ было сделано несколько сообщений от действительного члена Д.И.Висковатова; общее описание курганов, могил и надписей в Восточной Сибири Н.Н.Новокрещенных; рисунок и описание «Писанного камня», что у с. Писанца Ирбитского уезда Н.П.Бульчева.

С какого времени вести отсчет археологическим исследованиям на восточном склоне Урала? С экспедиции П.С.Палласа? А может быть, от раскопок И.М.Ря-

бова?

Есть точная дата рождения археологии на Восточном склоне Урала — 16 ноября 1879 г. В этот день на IX годовичном собрании УОЛЕ обсуждались первые раскопки в пещере близ Сухого Лога, которые провел горный инженер Ю.Ф.Гебауэр в 1878 г. (позже, этот интереснейший памятник войдет в научную литературу под названием «пещера Гебауэра»). О.Е.Клер «вспомнил» (или никогда не забывал?) о каменном топоре, найденном учеником реального училища Иваном Брюхановым на I Карасьем озере близ Екатеринбурга в 1873 г. и продемонстрировал его собравшимся. Господин помощник председателя А.А.Мис-

лавский сообщил, что видел древние предметы, найденные около Нейво-Рудянского завода (первые находки на Шигирских приисках). Вот такой «букет» открытый!

С этого момента начинается планомерное и осознанное изучение древностей восточного склона Урала.

Если говорить о памятниках, раскопанных до 20-х годов прошлого столетия, то, безусловно, прославили Екатеринбургский уезд в мировой археологии находки в пещере Гебауэра, много-

тысячные сборы (керамика, каменные орудия, медные птицевидные идолы, железные предметы), сделанные на правобережных и левобережных Палкинских стоянках, и коллекция деревянных и костяных орудий собранная на приисках Шигирского торфяника (история появления этой коллекции опубликована в «Уральском следопыте» за 1998 г № 9).

Многие члены УОЛЕ занимались археологическими изысканиями. О.Е.Клер и его сын Модест Онисимович; внук знаменитого архитектора Малахова — Михаил Викторович (его считают первым профессиональным археологом на Урале); Владимир Яковлевич Толмачев — русский офицер, археолог, ботаник, энтомолог...

Уникальность уральских памятников, необычность находок (богатство каменного инвентаря, для изготовления которого использовались уральские яшмы, халцедоны, горный хрусталь, культовые изделия из меди, бронзы) привлекали внимание не только исследователей. В конце XIX — нач. XX века увлечение археологией сделалось повсеместным. Не из-

бежали этого увлечения и Д.Н. Мамин-Сибиряк, а позднее В.П.Бирюков.

К самым значительным памятникам, раскопанным на восточном склоне Урала в 20 – 40 гг относятся могильник Калмацкий Брод, памятники Горбуновского торфяника, стоянка в гроте Медведь-камень. Некоторые из них исследовали столичные археологи, приехавшие на Урал не по своей воле: сотрудники ГИМа Д.Н. Эдинг, В.М. Раушенбах, П.А. Дмитриев, Института археологии – О.Н. Бадер. Такое было время.

Александр Александрович Берс в 1926 г в качестве научного сотрудника УОГМ (так тогда назывался наш краеведческий музей) производил раскопки на поселении и могильнике Калмацкий Брод, позже к нему присоединился Павел Алексеевич Дмитриев. Тогда впервые в Среднем Зауралье был найден могильник с останками пришлого населения эпохи средневековья.

В захоронениях были погребены люди с искусственно деформированным черепом (по-видимому, еще в юном возрасте на голову накладывались тугие повязки). Умерших сопровождал погребальный инвентарь: глиняные круглодонные сосуды, котелки, ножи, кельты, зеркало из золотистой бронзы, бубенчики – украшение, нашитое на одежду.

На стоянках Горбуновского торфяника с 1926 по 1939 гг. проводит исследования Дмитрий Николаевич Эдинг. На стоянках «Стрелка», I, II «Береговые», «VI разрез» были найдены уникальные коллекции деревянных изделий, антропоморфные идола, деревянные и костяные изображения лосей, уток, лебедя, змеи. Материалы раскопок позволили по-новому оценить истоки уральского искусства.

В 1942-46 гг. Отто Николаевич Бадер проводит разведки ранних памятников (от палеолита до бронзового века) в нижнетагильском регионе. Он обследует памятники и составляет археологическую карту тагильского края. Найденную стоянку в гроте Медведь-камень датирует эпохой верхнего палеолита.

В следующем десятилетии (50-е – нач. 60-х гг) изучение археологии восточного склона Урала связано с именами Елизаветы Михайловны Берс и Константина Владимировича Сальникова. Начинается сплошное археологическое обследование и раскопки на территории горно-лесного Зауралья в верховьях р. Исеть (Е.М.Берс) и на территории Южного Урала (К.В.Сальников).

Очень важно, что при раскопках памятников верховьев Исеты, литейного производства на горе Думной, Аятских древних поселений и могильника Елизаветы Михайловны в своих книгах не только вводила в научный оборот новые памятники и новые археологические культуры, но и давала реконструкции жилищ человека, обитавшего в разные эпохи на острове Макуша, описывала как проходил процесс плавки меди (г. Думная, Петрогром) и варки железа (Пет-

рогром). Как наши предки хоронили своих сородичей у озера Ая в эпоху энеолита и раннего средневековья.

К.В.Сальников в эти годы работает в Башкирии, на Южном Урале. Его научные интересы – памятники эпохи верхнего палеолита, бронзового века. Многочисленные поселения и могильники культур бронзового века, их периодизация, историческая линия развития дана в его книге «Бронзовый век Южного Урала». Ею до сих пор пользуются археологи, исследующие Поволжье, Северный Прикаспий, Казахстан и Западную Сибирь.

В 1961 году в Свердловск приезжает молодой археолог, ученик О.Н.Бадера – Владимир Генинг. С этого момента начинается новый этап в истории археологических исследований на восточном склоне Урала. Его особенность в том, что появилась и стала динамично развиваться свердловская школа археологов. Их полевые исследования, а также область научных интересов лежат не только в горно-лесном и степном Зауралье, но и в Сургутском Приобье, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах, Западной Сибири.

В начале 60-х гг молодая ученица К.В.Сальникова Валентина Викторовна по заданию В.Ф.Генинга отправляется в междуречье Туры и Тавды для разведки и составления археологической карты этого района. В результате были открыты и исследованы памятники, которые вошли в «золотой фонд уральской археологии» и стали классикой. Чего стоят, например, бронзовые и серебряные украшения из Ликинского могильника (X-XIII вв) или антропоморфные идола из Туманского I святилища, или каменная птица – упор для добывания огня с селища Тыня.

С 1967 года Уральская археологическая экспедиция работает на Андреевском озере под Тюменью.

В течении 20 лет на южном берегу Андреевского озера проводят раскопки добрая половина свердловского отряда археологов: В.Т.Ковалева, В.Д.Викторова, Л.В.Казимирова, Н.А.Алексащенко, В.Ф.Кернер, а рядом на р. Дуван – В.И.Стефанов, Н.К.Стефанова и др.) Вскрыто много памятников, датировка которых колеблется от неолита (VI-IV тыс. до н.э.) до X-XIII вв.

Это потом, когда будет открыта Барсова Гора под Сургутом, такое скопление памятников на сравнительно небольшой территории не будет казаться грандиозным. Но тогда в 1968-м дух захватывало от обилия жилищных впадин. Действительно, в период от каменного до позднего железного века на Андреевском озере жили древние люди. Ловили рыбу, пасли скот, защищались от врагов, хоронили сородичей.

В конце 60-х гг. начинается разведка нефтяных месторождений Сургутского Приобья, вырастают поселки строителей. Требуется археологические исследования на новых территориях. В одно из таких мест под Сургутом и посылают молодую археологиню Наташу Алексащенко. За год до ее появления были открыты городища на коренном берегу реки. Наташа

подтвердила эти находки. Но по возвращении в поселок к вагончику строителей ее ждали удивительные сюрпризы. Цитирую ее текст: «И вдруг! Что такое? Маленький ровик вокруг площадки прямо под вагончиком. И еще один, и еще один, и еще...». Так была открыта Барсова гора. Огромное скопление древностей: несколько тысяч жилищ на стоянках, городища; могильники, святилища... И все это — на сравнительно небольшой территории... В течение 7 тысячелетий здесь селились древние охотники и рыболовы. Потом здесь долгое время работали свердловские археологи Ю.П.Чемякин, Г.В.Бельтикова, Н.В.Федорова, В.П.Викторов, Л.Л.Косинская, С.Ф.Кокшаров, В.М.Морозов, А.Ф.Шорин и многие другие.

В самом начале раскопок гора «подарила два клада». Первый в 1973 году. Серебряное блюдо с позолотой и изображением двух львов в геральдической позе (Волжская Булгария XIII в) принес с городища Барсов Городок 1/6 Вася Коротаев, когда сургутский отряд садился ужинать. Весть о его находке разносилась по раскопам. Кто хоть раз испытал сладкий миг, когда Госпожа Удача спускается с небес и садится напротив тебя, тот поймет, что он чувствовал, обнаружив предмет похожий на обыкновенную суповую тарелку.

Второй клад был найден в 1975 г на поселении Барсов городок 1/31. Это 6 височных подвесок, 2 нашивные бляшки, цепь, серебряное блюдо с чеканным орнаментом, на котором изображена сцена нападения оленя на волка (Волжская Булгария XII-XIII вв), орудия труда и быта из железа, камня, глины, штамп для нанесения узоров... «Уральский следопыт» рассказал об этих кладах, найденных Н.В.Федоровой. (УС 1978, N4).

Параллельно с Андреевским озером и Барсовой горой в Челябинской области велись раскопки на озере Аргази, где свердловскими археологами (В.Т.Петрин, А.Ф.Шорин и др.) было открыто и частично исследовано 140 археологических памятников от палеолита до XVIII века (стоянки, поселения, могильники, наскальные рисунки).

В середине 70-х гг начинаются раскопки на р. Синташте. В переводе с тюркского Синташта — река с могильными камнями. Это еще один «куст» памятников. Там, наряду с укрепленными поселениями, грунтовыми и курганными могильниками (II четверть II тыс. до н.э.) был раскопан Большой курган с храмово-погребальным комплексом, оставленным индоарийским населением, жившим в это время на Южном Урале.

Со многим в процессе раскопок археологам приходилось сталкиваться впервые. Во всех учебниках по археологии написано, что первые укрепленные поселения-городища возникают на рубеже бронзового и раннего железного века. А тут в сибирской

тайге обнаруживается такое чудо — мысовое, двухплощадочное городище с двумя рвами — внешним и внутренним и датируется оно ... концом IV — началом III тыс. до н.э. (эпоха неолита — энеолита). Это теперь стало ясно, что открыто древнейшее укрепленное поселение Северной Евразии — Амня I, ломающее все привычные, устоявшиеся каноны в уральской археологии. А тогда...

Палеолитические памятники на Урале встречаются нечасто. То есть почти не встречаются. Их надо упорно искать, сделав это занятие смыслом жизни. К открытию Игнatieвской пещеры археологи шли долго: разведки и раскопки в гротах Среднего и Северного Урала, затем Шикаевка — кладбище мамонтов, на которое приходил древний человек в поисках сырья для изготовления орудий. И только потом была обнаружена Игнatieвская пещера с палеолитической живописью в Большом и Дальнем залах — уникальный памятник мирового значения.

Наряду с изучением пещерной живописи продолжаются исследования наскальных рисунков — уральских писаниц, начатое еще Ф.И.Страленбергом, Г.Ф.Миллером, продолженное В.Я.Толмачевым на рубеже XIX — XX веков, В.Н.Чернецовым в середине XX века. Сегодня открыто и описано около 70 пунктов наскальной живописи по рр. Реж, Нейва, Ирбит, Исеть, Серга, Уфа, Ай, Юрюзань, Зилим, Вишера, Тура, Тагил).

В 80-е годы Л.М.Тереховой, Н.В.Федоровой и др. были открыты и исследованы Сайгатинские могильники в Сургутском Приобье. Пряжки, женские украшения,

предметы вооружения, наперстки, пронизки, культовое литье VIII-XIII вв найдены в таких количествах, которые могут присниться только в самом счастливом археологическом сне.

На Среднем Урале тоже было сделано несколько значительных открытий: исследовано межплеменное святилище Камень Дыроватый на р. Чусовой. При раскопках обнаружено более 10.000 наконечников стрел (кремневых, костяных, медных, бронзовых, железных), которые использовались в качестве жертвоприношений. Открыто и исследовано погребение шамана в гроте Дождевом на той же р. Чусовой.

Продолжаются раскопки на Кокшаровском холме, уникальном и во многом еще не познанном памятнике горно-лесного Зауралья.

Каждый год приносит удачи. Кто не слышал про салехардские мумии? Погребения, закрытые фрагментами медных котлов, благодаря которым сохранились не только одежда, обувь, украшения, но даже выражение лица погребенных.

К сожалению, перечислить все интересные памятники, исследованные уральскими археологами, не позволяют размеры этой статьи.

Блюдо, найденное при раскопках Барсова Городка

Андрей ПИЧУГИН
фото автора

Веселые горы Незнакомый Урал

Вид с Белой горы

В юго-западной части Пригородного района Свердловской области выделяется с небольшим возвышением горный лесистый массив, с красивым названием — Веселые горы. В меридиональном направлении Веселые горы протянулись на 30 километров, от реки Чауж на севере, и до верховьев реки Сулем на юге. По гипсометрической классификации Веселые горы считаются низкими горами. Только несколько горных вершин превышают высоту 700 метров над уровнем моря.

Самой высокой горной вершиной в Веселых горах является Старик-Камень, высота его 755 метров. В километре от него гора Голая — 738 метров. Затем следуют горы: Широкая — 746 метров, Билимбай — 723 метра, Дикая — 719, урочище Веселки — 718 и замыкает этот перечень знаменитая гора Белая — 712 метров.

Веселые горы — типичный уголок горной тайги Среднего Урала. Они относятся к Выйско-Ревдинскому низкогорному-кряжевому ландшафтному макрорайону и занимают северную и самую высокую часть. Живописные развалины скал изрезанные трещинами из более прочных горных пород — прямое свидетельство продолжительного разрушения Уральских гор. Тектонические поднятия в неоген-четвертичное время определило их современный вид.

Издали вершины гор кажутся покрытыми лесистыми массивами, но на самом деле большинство вершин увенчаны причудливыми скалистыми останцами, обычно называемыми — шиханами. Шиханы напоминают полуразрушенные каменные стены и башни.

В возвышенной части гор и на крутых склонах, сосредоточены каменные россыпи-курумники. Курумники представляют собой, хаотичное нагромождение мелких каменных глыб, размером до двух — трех метров. Постепенно сползают вниз по

склону под влиянием силы тяжести, углубляясь в границы леса. В тени поверхность каменных нагромождений покрыта разноцветными мхами и лишайниками.

В лесах, на ближних подступах к горам, сохранилось множество еланей и прогалин от заброшенных покосов местного населения.

Темнохвойные леса и незамаскированные следы вырубок поднимаются до высоты 600 метров над уровнем моря и выше переходят в редколесья, чередующихся с каменными осыпями и курумниками. В зоне горных вершин деревья низкорослы, стволы их искривлены ветрами, слабостью почв и тяжестью снежного покрова. На карнизах скал и в расщелинах укореняются стланиковые деревца кедра, сосны, березы, но не из-за высотной поясности, а только из-за скудности почв.

Животный мир не многочисленный, в основном в горах водятся обитатели тайги: лось, медведь, рысь, изредка забегают волки.

В горах уже в сентябре образуется постоянный снежный покров. Весной происходит позднее таяние его. На фоне горных склонов и вершин белые вкрапления снега виднеются вплоть до июня. В расщелинах скал зернистый снег остается до середины июня.

В долинах гор берут свое начало шумливые горные речки: Егорова Каменка, Аблейская Каменка, Максимова Каменка, Дикая Шайтанка, Полуденная Шайтанка, Змеева, Осиновка, Кузька впадающие в бассейн реки Тагил. По западному склону Веселых гор берут свое начало речки: Мартьян, Шумиха, Шайтанка и Сулем, и впадают они в бассейн реки Чусовой.

Все горные речки имеют каменистое русло. Они хорошо обводняются весной, когда тают снега и летом в период ливневых дождей. Мелкие прито-

ки горных речушек в засушливое лето местами полностью пересыхают, образуя песчано-каменистые отложения.

Несмотря на горный рельеф Веселых гор, здесь есть и болота. Одно из них перспективно для биологических исследований, находящиеся около горы Оборотной. В нем берет свое начало речка Болотная, впадающая в Дикую Шайтанку.

Вдоль Веселых гор проходит условная граница двух частей света Европы и Азии. Она протянулась по водоразделу, через горные вершины: Белой, Поперечной, Киришкина-Камня, Билимбай, Голой, Старик-Камень.

Украшением гор является Черноисточинский пруд. От Острой горы, горные увалы как бы расступаются уступая место водной глади Черноисточинского пруда. Начинается вторая цепь гор, которые ниже главного водораздела. Это горы: Кириков, Ермакова, Аблей, Юрьев Камень, Журавлева, Березова, Абрамова, Змеева.

На территории Веселых гор находятся два геоморфологических памятника природы Свердловской области, это гора Старик -Камень и Белая гора.

На Веселых горах пребывали многие знаменитые путешественники и исследователи. Так в 1770 году немецкий ученый П.С. Паллас во время своего путешествия по Уралу высказался: «Уральский хребет в сей местах узок и весьма высок, а расстояние Черного озера, (в настоящее время Черноисточинский пруд) от лежащих на той стороне к Чусовой, ручьев Висима и Шайтанки столь не вешко (рядом) что кажется, сие есть единое из всех способов сих мест, где бы возможность сибирских рек с Российскими испытать надлежало».

В 1829 году был здесь еще один немецкий путешественник А. Гумбольдт. Он даже измерял высоту горы Белой. Осматривал платиновые россыпи вблизи границы Европы и Азии.

Мамин-Сибиряк так воспроизводит незабываемую природу гор: «Ближайшая гора, тянувшаяся невысокой грядой, называлась Путиной горой, за ней зеленой островерхой шапкой поднималась красавица Шульгиха, вправо от нее виднелось Седло, еще правее — Осиновая и т.д. Из-за этих гор чуть-чуть синела вершина сомой высокой горы — Белой». Именно от впечатляющих красот Уральских гор Д.Н.Мамин-Сибиряк вбирал неисчерпаемое вдохновение литературного творчества.

Первые геологические исследования были проведены еще в начале XIX века, в связи открытием платиновых россыпей. В 1890 году горный район был кратко описан А.А. Краснопольским. Геолог Н.К. Высоцкий в 1904 году в 1904 году составил геологическую карту северной части Веселых гор. Здесь выявлено несколько залежей железных руд черемуховых зарослях в пойме реки Дикуя Шайтанка.

Район Веселых гор интересен и в историческом плане. Еще в начале XVII века, здесь в глухих таежных местах и отдаленных от основных торговых путей, находились стойбища манси — древнейших

аборигенов Урала. Вблизи горы Старик-Камень было найдено их жертвенное место. Как точно сказал Н. Рерих: «Горы многое помнят».

Местность вокруг Веселых гор была окружена непроходимыми топями. В течении долгих веков эти дикие места стали надежным убежищем для старообрядцев, скрывающихся от жестоких религиозных преследований, после церковного раскола. Сюда стали проникать и пришлые люди в основном беглецы с демидовских заводов. Здесь в скитах и кельях нашли приют многие уцелевшие от плаха и виселиц. Среди пришельцев были и стрельцы, и бояре, и духовенство, и крепостное крестьянство. Так в таежной глуши Урала столкнулись люди разной веры: идолопоклонники манси и раскольники староверы. К святым могилам вели дороги из Верхнетагильского, Невьянского, Черноисточинского, Висимо-Шайтанского заводов. Раскольники приходили на моления и поклон к «святым отцам»: Павлу, Григорию, Иовы, Гурию, Максиму, Герману, ежегодно между 25 и 30 июня

За свою непревзойденную красоту Веселые горы получили такое название, значит «красивые, радующие глаз». Названий со словом «веселый» на Руси очень много. Местные жители часто называют эти горы — Веселки. Многие вершины гор названы по внешним признакам и по фамилиям первых поселенцев. Названия сохранились и до наших времен, передаваясь из поколения в поколение в виде преданий и просто запоминающихся географических названий гор.

Грациозность и недоступность гор, источник многих легенд и преданий. Одно из преданий о Старике-Камне гласит: «Этот камень лежал в самой чаще леса, и о нем никто не ведал. А когда Люди вырубили вокруг него лес, то увидели его старый, весь покрытый мхом и люди назвали его Стариком».

Названия гор, явно выражающие формы и внешний вид: Скалистая, Острая, Широкая, Каменка, Дыроватик. А кто же те первопоселенцы, в честь которых были названы горные вершины: Лазарев, Опахнин, Кириков, Ермаков, Ипатов, Соловьев, Блинов, Палачев, Юрьев. Сколько еще безымянных горных вершин ждут своих достойных географических названий. К сожалению, из-за ложной секретности и отсутствия географических карт в продаже, некоторые горы теряют свои названия даже среди местного, становятся безымянными. Кто в настоящее время скажет, где находятся горы: Мохнатенькая, Седло, Варламиха, Кузина, Петра и Павла, Яшкин-Камень?

В 2004 году Уральской Картографической компанией выпущена туристская карта окрестностей Нижнего Тагила с масштабом 1:100000, это так называемая километровка. Картографические материалы обновлены по космическим снимкам и данным наземного обследования. Издание не предназначено для проведения измерительных работ, но характеризуется наглядностью подробного обозначения населенных пунктов, дорог, рек и водоемов.

Подробно и полно нанесен рельеф местности с основными горизонталями, скал и обрывов. Карта сопровождается текстом о достопримечательных местах гор и прилегающей территории. Последний раз подобное издание, подготовленное Уральским аэрогеодезическим предприятием в 1991 году, но с более мелким масштабом.

Но все равно на вышедшей топографической карте обозначены не все географические природные объекты. Обозначение и название природных объектов, даст возможность сохранить в народной памяти географических названий: урочищ, гор, рек, водоемов и островов.

Одна из небольших вершин Веселых гор носит весьма любопытное произвольное название — Поперечный Веселко. Истолкование происхождения названия горы Билимбаи исходит из разноязычия живших здесь народов. Билимбаи означает «Богатый знанием». В южной части гор в названиях часто употребляется урочища: Веселки, Спор, Кресты, Шарова, Дворики, Костина Пашня.

Во второй половине 18 века на смену названию гор: «Поясовой Камень», «Камень» появляется название — Уральские горы. А термин — Камень сохраняется лишь в некоторых названиях горных вершин: Юрьев Камень, Лазарев Камень, Старик-Камень, Опахнин Камень, Кирюшкин Камень.

Как сохранить в народной памяти географические названия природных объектов, хотя бы в той местности, в которой вы проживаете.

С 1946 года по 1951 год к югу от Веселых гор находился Средне-Уральский заповедник по охране животного и растительного мира. Еще в 1930-х годов в горах начались лесозаготовки, появилось много вырубок. Вследствие продолжавшихся в этом районе порубок общий вид лесов претерпел заметные изменения и не в лучшую сторону. Только один Черноисточинский лесопункт ежегодно заготавливал 60 — 70 тысяч кубометров древесины.

В 1971 году Висимский заповедник был восстановлен на не полной части территории. Не потерявшей природоохранного значения, по сохранению этого уникального в географическом отношении района, но уже меньшей площади. Для более полной охраны природных комплексов заповедника создана охранная зона с режимом заказника. В настоящее время Висимский заповедник получил статус «Биосферного».

Ежедневно в отроги Веселых гор, на территорию Черноисточинского охотхозяйства уходят на свои участки и обходы лесники, егеря по охране флоры и фауны, этого удивительного уголка природы Уральских гор.

Вот уже 14 лет работает егерем Верхотуркин Сергей Александрович, житель поселка Черноисточинск.

На территории Веселых гор находятся два ландшафтных памятника природы областного значения, это горный массив Старик-Камень и гора Белая, где природные комплексы отчетливо выраже-

ны и отражают зональные особенности гористой местности. В связи со строительством горно-спортивного комплекса, гора Белая будет выведена из охраняемых памятников Свердловской области.

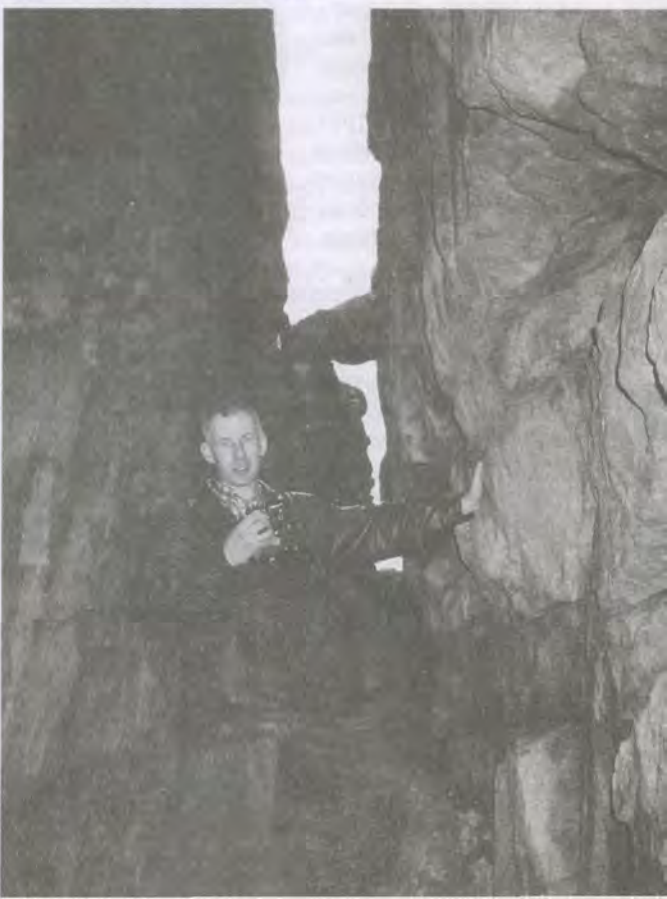
В поисках пейзажей для фотосъемки, мне пришлось покорить почти все горные вершины Веселых гор. Иногда поднимаемся вместе с детьми из географо-краеведческого кружка, который работает при Черноисточинском Доме детского творчества.

В будущем необходимо выявлять и сохранять ландшафтные памятники природы, хотя бы на местном уровне. Сейчас к ним можно отнести: Юрьев Камень, Опахнин Камень, Поперечную гору, Дикую гору, Острую гору, которые имеют необыкновенно-экзотическую форму скал и могут стать конечными целями туристских маршрутов.

Горы в жизни людей играют определенную положительную роль. Покоряя горные вершины, человек всегда испытывает физические нагрузки и вознаграждается созерцанием живописного ландшафта и безграничных далей. Бесконечно-прекрасные виды Веселых гор, скалистые вершины, заповедные места, чистый воздух, ягодно-грибные и охотничьи угодыя всегда будут манить сюда человека.

Существует проблема сохранения красоты гор, от разбрасываемого мусора, оставляемого туристами и отдыхающими. Как сохранить скалы от всякого рода надписей и автографов?

Ущелье на горе Юрьев Камень

Червонец вместо империала

Первые советские монеты — серебряные рубли, полтинники, двугривенные, пятиалтынные, гривенники, а также медные пятаки, монеты достоинством в две и три копейки — в обиходе их часто называли «двушками» и «трешками», копейки и полукопейки были выпущены в обращение в Москве в феврале 1924 г. Но тут сколько-нибудь опытный коллекционер может меня «уличить»:

— Как же так? Я собственными глазами видел советские монеты с датой «1921г.» Да и в коллекции моей есть монеты РСФСР, отчеканенные гораздо раньше 1924 года!

Все верно. Но «пустить в обращение» и «отчеканить» — понятия далеко не равнозначные. Действительно, изготовление советских монеты началось еще в 1921 году, но декрет ЦИК и СНК СССР о выпуске их в свободное обращение подписан лишь 22.02.1924 г.

Но почему советские монеты появились столь поздно — только через несколько лет после победы Октябрьской революции?

Причин было несколько. Первая мировая война и последовавшая за ней война гражданская сильно подорвали экономику страны. Одним из следствий стала инфляция — обесценение бумажных денег. Собственно, инфляция началась задолго до Октября, еще при царском правительстве. Исчезли из свободного оборота золотая и серебряная монеты — чеканка денег из драгоценных металлов прекратилась, а уже отчеканенные население припрятало до лучших времен.

Временное правительство звонкой монеты не чеканило, зато в изобилии стало выпускать бумажные деньги, наводнившие рынок и быстро падавшие в цене. Цены на все товары стремительно росли, и разменная монета просто-напросто стала не-

нужной. Советское правительство вынуждено было временно признать денежные знаки дооктябрьского периода — в том числе и «керенки» Временного правительства.

Советские бумажные деньги появились лишь летом 1918 г. Официально они именовались «дензнаками», но в обиходе их чаще называли «совзнаками». Единица их измерения оставалась прежней — рубль, вот только один рубль практически ничего не стоил.

А еще через пару лет мало что можно было купить и на миллион рублей. (Миллионы в народе получили прозвище «лимоны».) Дензнаки выбрасывались на рынок в таком количестве, что в иных случаях их считали на вес — фунтами. Бывало, что крестьянин привозил на рынок мешок картошки, а домой увозил мешок денег. Поэтому государственный бюджет тех лет составлялся в ус-

ловных дореволюционных рублях. Для сравнения: в октябре 1922 г. на «дензнаки» в сто тысяч рублей можно было купить то же, что и на копейку в 1913 г.

В 1921 г. появились первые единые почти для всей страны денежные «расчетные знаки» РСФСР. Попытка в 1922 г. провести деноминацию, заменив 10000 «старыми» на 1 рубль «новыми», не сделала рубль устойчивым — «новые» стали быстро обесцениваться. Казалось бы, о какой разменной монете может идти речь в таких условиях?

Но ее уже готовили, предвидя лучшие времена. В конце 1922 г. учрежденный годом раньше Госбанк РСФСР выпустил банковские билеты достоинством в десять рублей золотом. Официально они назывались червонцами. И не случайно. В отличие от «совзнаков» червонцы разменивались на золото — монеты царской чеканки.

Более года советские червонцы ходили одновременно с «совзнаками». Устанавливать размен-

Первые советские денежные знаки (совзнаки) с геральдическими атрибутами Российской Федерации (1919 г.)

ный курс червонцев на «дензнаки» не имело никакого смысла — последние постоянно обесценивались. Это обстоятельство затрудняло внедрение в оборот червонцев. Например, получив зарплату в червонцах, трудящиеся часто не могли на новую валюту ничего купить — у продавцов не хватало «дензнаков» на сдачу. Вновь появилась настоятельная потребность в монете металлической.

Решение о начале чеканки звонкой монеты было принято за год до выпуска червонцев. Номиналы, размеры и проба новых денег в точности соответствовали монетам царской чеканки. Это было необходимо, чтобы вернуть доверие населения к новым деньгам. Даже название монеты достоинством в 50 копеек осталось прежним — полтинник. Однако изображения на монетах стали другими. Место двуглавого орла занял герб РСФСР, после 1924 г. — герб СССР. Царский портрет уступил место изображениям трудящихся: рабочему и крестьянину — на рубле 1924 г. (ранее — пятиконечная звезда), кузнецу — на полтинниках.

Но почему же монеты не были пущены в оборот сразу, с момента чеканки? Или хотя бы одновременно с червонцами?

До появления устойчивой валюты выпускать на рынок серебряную монету не имело никакого смысла — население сразу бы ее припрятало, как это произошло с монетой царской чеканки. А в 1922 г. советских монет было еще очень мало. Разруха коснулась и монетного дела. Ленинградский (до 1924 г. — Петроградский) монетный двор на первых порах не мог справиться с выпуском необходимого количества металлических денег, поэтому полтинники и пятаки частично чеканились в Англии: полтинники в Лондоне, пятаки в Бирмингеме. На гурте полтинников можно прочесть: «Чистого серебра 9 грамм» и две

буквы — «А.Г.», «ПЛ» или «ТР», «АГ» и «ПЛ» — инициалы А.Гартмана и П.Латышева, руководивших чеканкой полтинников в Петрограде. Полтинник с инициалами «ТР» — иностранец. Он изготовлен на

Лондонском монетном дворе под наблюдением Томаса Роуза. Мелкая медная монета чеканилась и на некоторых крупных заводах, где для этого были подходящие условия.

В 1923 г. отчеканены первые золотые червонцы из золота 900 пробы весом 8,6 г. На их аверсе — герб РСФСР, на реверсе — изображение сеятеля, выполненное по скульптуре И.Шадра. Кстати, по работам Шадра выполнены изображения на некоторых бумажных почтовых марках. Однако большинство золотых червонцев пошло на внешнеторговые операции, на внутреннем рынке их практически не было.

Вторично золотые червонцы чеканились в 1925 г. — уже с гербом СССР. Сейчас это, пожалуй, самая редкая советская монета.

Однако почему советская монета (и банкнота) достоинством в десять рублей получила старинное название «червонец»? Ведь в прошлом так называли двух- или трехрублевые золотые монеты? А монеты десятирублевые назывались «империалы» — название для советских денег совершенно неприемлемое.

Точности ради, следует отметить, что самые первые советские монеты отчеканены из меди в Хиве, которая с апреля 1920 г. именовалась Хорезмской Народной Советской Республикой.

Все первые советские монеты украл лозунг:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

После 1924 г. прекратилась чеканка серебряных рублей. После перехода народного хозяйства СССР

Расчетный знак 1921 г.

Государственный денежный знак 1922 г.,
выпущенный при подготовке к первой
деноминации

на метрическую систему мер и весов появилась необходимость и в реформе монетного дела. Народный комиссариат финансов принял решение начать выпуск монет в соответствии с метрической системой, одновременно разработать новый сплав и изменить рисунки.

Был объявлен конкурс, на который поступило великое множество проектов.

Но так как художественные достоинства проектов оказались невысоки, приняли решение рисунки оставить прежними. Вес и размеры новых монет выражались теперь удобными метрическими величинами: 1 копейка имела диаметр 15 мм и весила 1 г, 2 копейки — 18 мм и 2 г, 3 копейки — 22 мм и 3 г, 5 копеек — 25 мм и 5 г.

Материалом для монет утвердили алюминиевую бронзу — 95% меди и 5% алюминия. Выпуск монет нового образца начался с 1926 г.

После 1928-го прекратился выпуск монет в полкопейки — в обиходе их иногда называли «советский грош» или просто «грош». Годом раньше перестали чеканить полтинники. В 1931 г. «серебряные» монеты начали чеканиться из никелевых сплавов. Последний раз серебряные двадцатикопеечные монеты в небольшом количестве выпущены в 1934 г.

Рисунок новых монет заметно изменился: появилось изображение рабочего с молотком в руке, поддерживающего щит с цифрами номинала, исчезло сокращение «С.С.С.Р.», и название страны теперь читалось в круговой легенде полностью. В таком виде монеты просуществовали до конца сороковых годов. Правда, в зависимости от изменения числа союзных республик менялось число лент в гербе.

В годы Великой Отечественной войны Монетный двор был частично эвакуирован из Ленинграда, и в связи с этим монеты выпускались с некоторыми перебоями. Бронзовые монеты в 1942 г. чеканились штампами 1941 г., в 1943 г. чеканились только номиналы в 3 и 5 копеек. Не найти бронзовых монет и образца 1944 г. В 1947-м, в связи с предстоящей денежной реформой, чеканку прежних монет приостановили. После реформы появились монеты нового типа: изображения на них заметно упростились, был убран лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», название страны вновь стало сокращенным. Дореформенные монеты из обра-

ния не изымались и ходили наравне с новыми.

Однако вновь рублевые монеты — теперь уже в медно-цинковом сплаве — появились лишь после денежной реформы 1961 г., одновременно с монетами достоинством в 50 копеек. Впрочем, последние, по традиции, продолжали называться полтинниками.

Во время реформы 1961 г. монеты белого металла и пятаки, выпущенные ранее, обменивались на новые из расчета 10:1, монеты желтого металла достоинством в 1, 2 и 3 копейки остались в ходу по номиналу. Но попытайтесь отыскать эти монетки 1958–1959–1960 гг. чеканки!

Рубли и полтинники 1961 г. имели гладкий гурт, с 1964 г. на гурте монет такого достоинства чеканились номинал, год выпуска и звездочки.

И уже к концу 60-х гг. встретить рубль или полтинник с гладким гуртом было не просто, хотя официально из обращения они не изымались.

Первые юбилейные советские монеты отчеканены к двадцатилетию Победы в Великой Отечественной войне. Второй юбилейный выпуск был посвящен пятидесятилетию Октябрьской революции. Если к годовщине Победы была изготовлена только монета рублевого достоинства, то на сей раз в обращение поступила целая серия монет номиналом от десяти копеек до рубля. Эта серия знаменательна еще и тем, что на этих монетах впервые отчеканены изображения В.И.Ленина. В дальнейшем выпуск юбилейных рублей стал традицией и в иные годы выпускалось по несколько таких монет.

Самым урожайным, безусловно, был выпуск олимпийских монет 1980 г. К XXII Олимпийским играм в Москве вновь, после многолетнего перерыва, в нашей стране отчеканены монеты из драгоценных металлов достоинством в 10, 100 и 150 рублей. Десятирублевые монеты чеканились из серебра, сторублевые — из золота, монеты в сто пятьдесят рублей — из платины. Олимпийские монеты из благородных металлов выпущены ограниченным тиражом и в свободном денежном обращении не встреча-

лись. Все они либо осели в коллекциях, либо хранятся у любителей сувениров (для чего эти монеты и предназначались). А всего различных советских олимпийских монет было выпущено сорок пять.

Три копейки 1924 г.

Пятнадцать копеек
1931—1934 гг.

Один рубль 1965 г.

Лариса РАТУШНАЯ

Ратушная Л.П. Совсем недавно этого человека не стало среди нас. Не хочется говорить штампами, но это огромная потеря для уральской поэзии. Можно долго перечислять заслуги и достижения этой поэтессы, пересказывать ее сложную и интересную жизнь, но, наверное, будет лучше, если о ней скажут стихи – дети ее дум и переживаний.

Что такое поэт?
 Это значит – ты мыслишь строкою.
 Что такое поэт?
 Это значит – не видишь того, что
 лежит под ногою.

Это значит – глаза повенчались навеки
 с облаками,
 И следят, как они уплывают куда-то скользко.
 Это значит, что все, что стоит между нами,
 Пусть стоит – это трогать и рушить нельзя.

Ну, а я еще раз улыбнусь облакам и березам,
 Искупаюсь в закате, пересилю и боли, и ночь.
 Что такое поэт? Это счастье чужое и слезы.
 Это сердце, что хочет охватить
 целый мир и помочь.
 05.09.03.

Чем больше дней живу на этом свете,
 Тем меньше слов. К чему теперь слова?
 За окнами гуляет белый ветер,
 Зима до бесконечности права.

Она теперь хозяйка и колдунья,
 И простыни кидает, не скупясь.
 И возраст мой сравним с ее безумьем,
 Вступившим в неосознанную власть.

Но все конечно. Жаль, пройдет и это.
 Не дай мне только, Бог, сойти с ума!
 Так хочется еще увидеть лето,
 И чтоб еще, еще пришла зима.
 26.12.01.

Э. Бояршиновой

Пройдут года.
 Газет истлеет ворох,
 Что красил черной краской наши дни.
 И выйдут равнодушные весы
 На первый план свершившейся истории.
 На тех весах уравновесят век,
 Где было все: и счастье, и грехи...
 Об этом лучше всех,
 Вернее всех
 Расскажут неподкупные стихи.
 23.05.2003

Наверно, до самых последних минут
 Ты будешь со мной в подсознании где-то...
 И даже, когда все минуты уйдут,
 Останешься тонкой полоскою света.

Мы прожили порознь. Но встреча была
 Под ветром, что холод нам нес с океана,
 Оазисом жарким в сердцах расцвела
 Зимой в пересыльной тюрьме Магадана.

На день выводили нас с разных сторон,
 Мы были артистами в аде кромешном,
 И людям в бушлатах несли свой поклон,
 Чтоб жизнь, что была бездуховной и грешной
 Казалась светлей им хотя бы на час –
 И нам отвечали сиянием глаз.

И может быть выжили мы потому,
 Что были святыми для них в том аду.

Беснуется ветер, и снег, и пурга...
 И в судьбах у нас никакого просвета.
 Но все преходяще...

И тают снега,
 И все же приходят свобода и лето.

26.12.01

«Постелите мне степь,
 Занавесьте мне окна туманом...»
 Ярослав Смеляков

Постелить бы мне степь и поставить
 звезду в изголовье,
 И забыть навсегда о негнущихся старых ногах,
 И сорваться, как раньше, в тайгу
 за бедой и любовью,
 Оставляя уют за спиною, и страх.

Ах! Как хочется вновь, по весне
 за весенним потоком,
 Грязь месить и не знать то,
 что скажется это потом.
 Ты идешь с рюкзаком. Твое сердце
 как небо высоко,
 И заветная песня летит над таежным костром.
 апрель 2003

Канут в бездну и письма, и мысли,
Неоконченных строчек редут.
Как он хрупок мой мир, как зависим
От тяжелых и горьких минут.

Вот сознание на легких качелях,
И вокруг тишины благодать...
Но качнулись весы – и недели,
Что копили тепло, полетели –
И осколков уже не собрать.

И опять из горячих слезинок
Собираю я жемчуг тепла,
Чтобы жизнь, что толкается в спину
Напрочь сбить меня с ног не смогла.

1.01.02

Окунула глаза в небеса,
А быть может, в твоих утонула.
Светло-серого неба краса
Над безбрежностью белого гула.

Так и сыплет хрустящей крупой,
Засыпая бараки по пояс.
Я стою над застывшей рекой,
Я и ты – в целом мире нас двое.

И незначим «колючки» запрет,
И не видно на вышках конвоя.
Мы смеемся – и эхо в ответ
Голосит: в целом мире вас двое.

Все больше тех, о ком никто не плачет,
Им целый мир чужбиной был всегда.
Так для чего всходила их звезда,
Коль смысл их жизнью был не обозначен?!

И сердце билось, для чего, скажи!
Ведь для чего-то в мир они входили?
Вот лист упал, на нем слеза дрожит...
О ком? О них ли? Ждали, жили, были.

8.09.01

Не я пишу – во мне сквозят причалы
Моих отцов, оставшихся в веках.
Не я пишу – их души и печали
Вдруг настигают наяву и в снах.

Не я пишу, не я слагаю строки –
Они приходят сами, торопя.
А у меня лишь пыль дорог, и сроки,
Что ничего по сути не щадят.

6.11.2003

(Читая Ю. Казарина)

Закрытый мир упрятан прочно
И непонятна вертикаль,
Что под ноги кидает сочни,
Скрывая в воздухе печаль.

Что небо, как зрачком на Землю,
Недвижно смотрит на тебя.
Земля ворчит, но все же внемлет,
Пусть для порядка – не любя.

А ты как будто непричастен.
И смерть, и жизнь идут сплетаясь,
Где места нет беде и счастью,
Где лишь предметов твердых власть.

Закрытый мир. Но вдруг – прозренья,
Как вспышка ярости войны,
Одна из лучших строк творенья:
«Жизнь у бессмертия взаимы»...

2002

И если на земном пиру
Твоей мне не досталось доли
Я отыщу в земной юдоли
Другую долю и игру.

Я у другого, пусть он занят,
И пусть он найден – мне равно,
Жар-птицы выдерну перо,
Другую жизнь зажгу в тумане.

И новой жизни новый свет
Меня пред всеми оправдает:
Я не ищу земного рая,
Я жизнь дарю на много лет.

5.10.2002

Осенний свет и неба цвет – едины
Перед зимой красуются без сна;
И горький вкус, и яркий цвет рябины
Мне дарят грани красного вина.

Но не дано губами прикоснуться
К весёлым искрам драгоценных вин.
Не потому ли в памяти несутся
Года ушедших чистых белых зим?

Мои года уже за гранью века,
А век другой не понят и не мой.
Мои года упрямые, как вехи,
За гранью века встали на постой.

Но, погоди! Не всё ещё пропало.
И виночерпий где-то впереди,
Ещё стоят и ждут ещё вокзалы
На бесконечно радостном пути.

6.11.2003

1.
 Всё, что было, увы! Не случайно.
 Не случаен был лагерный ад.
 Я не знала, что значит отчаяться
 И брести в пустоте наугад.

Даже там, где снега запредельны,
 Лето кратко, как будто глоток,
 В основном же пурга и метели,
 Даже там был восход и восток.

Никогда я не видела Азии,
 Но в душе расцветал Андижан.
 Я встречала рассветы, как праздники
 Компас счастья в наследство был дан.

Я не знаю – за что меня выбрали?
 Может быть, чтоб потом рассказать
 Обо всех, что безвременно выбыли
 Из живых – и остались лежать.

2.
 И сколько их зарыто в мерзлоте?
 Без отчества, без имени – не знаю.
 Но и сегодня на большой земле
 О них метели зимние рыдают.

А там, на северах, скулят снега,
 Поют снега, укутывая мёртвых.
 Беснуется колючая пурга,
 Не веря, что они второго сорта.

Им не дано, как нам, в земле истлеть,
 Они навечно стынут, как живые.
 И даже смерть их не смогла стереть.
 Стереть и истребить. Заплачь, Россия!
 20.12.2003

Не будет меня. Только кто-то мой голос
 услышит.
 Услышит его и достанет из строчек и слов,
 Что грели меня под заплатанной, старую
 крышей...
 И вырвется духом в созвездье далёких миров.

А может быть, просто вздохнёт о забытой
 печали,
 Что я уронила в те строчки, мечтая тайком
 О том, чтоб из снежного плена вернулись
 скрижали,
 Вернулись, любовью мой высветив дом.

Не будет меня. Не меня – просто старого тела,
 Душа же взовётся и вырвется птицею ввысь.
 Последняя песня, что я до конца не допела,
 Прольётся неспешно в какую-то новую жизнь.
 13.03.2004

Посмотрела вперёд – и увидела синюю птицу,
 Облака над землёй. И, как в сказке,
 волшебная даль.

Оглянулась назад – и в снегах утонула синица,
 Над промерзшей землёй разлилась
 и застыла печаль.

И вселенская боль, и тоска заскулили позёмкой,
 Заюлили, кружась, и запели о чём-то снега...
 А Любовь и Надежда, что жили
 в упрямой девчонке,
 Где-то вместе с синицей остались
 в утеранных днях.
 29.12.2003

Вот и всё. Призывает к ответу Всевышний.
 Его слуги стучат, говорят: собирайся скорей.
 Только как я оставлю под старой,
 заплатанной крышей,
 На кого я оставлю моих своенравных зверей?

Бобик сразу поникнет – и будет
 скулить вечерами,
 У кровати моей безнадежно тепла ожидать...
 Осмелеют соседи: и милых мне кошек с котами
 Со двора неизвестно куда будут гнать.

И впитают в себя стены запах кошачьего горя,
 И застынет беда по углам и у старых дверей.
 О, господь! О, Всевышний! С тобою не спорят.
 Только дай мне ещё и терпенья и дней.

А я их просто-напросто вычеркиваю.
 Ну, Боже мой, подумаешь – жена!
 Они мне надоели все до чертиков –
 Иду к тебе Богинею – одна.
 И жалкий вид измен за мной не тащится,
 И виноватость сердце не скребет.
 Иду к тебе – не друг и не обманщица:
 Меня совсем никто нигде не ждёт.
 Я жду сама и радости, и ласки,
 Я жду сама и света, и тепла...
 И мне плевать, что ты от сказки к сказке,
 От света к свету, просто так, без зла.
 Мое тепло – ему ведь выход нужен,
 Моя любовь – ей радость так нужна,
 Что я иду, спешу к чужому мужу,
 Перечеркнувши намертво – жена!
 Средина 70-х гг. XXв.

И срываются снова слова на бумагу,
И зовут меня в мир неслучившихся грез,
И к концу, как к венцу, подбирается сага,
Оставляя открытым все тот же вопрос:

Для чего? Для кого?! И кому стало легче,
От того, что годами толкла я беду?
Подари на прощанье мне сказочный вечер.
Подари! И тогда я спокойно уйду.

Только нет. Это все ничего не меняет.
Не случилось. А значит? тому так и быть.
Я ждала! Я жила! И других согревая,
Научилась тебя беззаветно любить.

03.04.04.

Вот и зимы короткими стали.
Оглянулась – не снег, а ручьи.
Зажурчали, спешат, побежали...
И уже на подлете грачи.

Истончается Время, струится
И спешит утянуть за собой...
И уже за оградой лица,
Что смеялись вчера над тобой.

Ну, а ты, понимая, что скоро,
Все же длишь свое Время, и длишь.
Новый день, он еще не распорот,
Не раскроен на Вечность и Жизнь.

06.04.04.

Еще в моем бокале не время
Выпито до дна,
Я здесь еще, еще я с теми,
К кому не раз придет весна.

Еще не подступила Вечность,
И мнится - где-то за горой...
Но знаю я - не бесконечен,
Он слишком краток, путь земной.

И оборвется вдруг. А жаль!
Как все, уйду, не долюбя.
Со мной уйдет моя печаль,
Не отыскавшая тебя.

10.07.2000

Все никак не кончается - длится.
Длится, длится надежда и риск.
Ну, а сердце? Отчаянной птицей
Все срывается, падая вниз.

На минуту затихнет - и снова
Вместе с жаждою счастья взлетит,
Чтоб, взорвавшись, обычное слово
Превратить в нерушимый гранит.

9.02.2001

Не хлебом единым, не хлебом единым,
Хоть я о насущном все время пекусь.
А чем-то таким дорогим и любимым
Хотелось бы выстлать оставшийся путь.

Хотелось бы вырваться в дали и выси!
Хотелось бы зряшным, что есть, пренебречь...
Но суетность давит - и гибнут в ней мысли,
И вязнут слова, прерывается речь.

Но все же! Но все же! Не хлебом единым -
Подспудно душа в тишине воспарит -
И ты недоступный, далекий, любимый!
И сердце, не выдержав боли, сгорит.

31.10.2000

Не седлай мне коня!
Не гони мое время!
Не гаси этот белый безоблачный свет!
Мне нельзя оставлять мое кошачье племя,
Мне нельзя предавать и собачий привет.
Ждут меня за дверьми,
Словно манны небесной...
И с ладоней берут благодарно еду.
Льется солнечный свет, и опять легковесно
Я на призрачный зов, улыбаясь, иду!

Конец ноября 1999

Судьба с судьбой никак сойтись не могут.
И пристани как расстани. А жаль.
Зовет судьба другую на подмогу,
Не дозвется - между ними даль.

А вот беда к беде, беда с бедою
Сливаются, как струйки в ручейках,
Их не рассечь и не разлить водою,
Чуть зазевался - и беда в руках.

А я хочу, я так хочу иначе...
У бед моих, хоть черпай, нету дна.
Но я живу, живу - смеюсь и плачу
И, как всегда, за все плачу сполна.

Нет, не я, не меня выбирает эпоха.
На обочине старых разбитых дорог
Я стою и молчу, оттого, что мне плохо,
И никто в этот миг мне никак не помог.

Затерялись слова и застряли в гортани.
Белый пар по утрам застилает глаза,
И теперь мне не смочь поглотить расстоянья,
Хоть не здесь – стороной полыхнула гроза.

Видно каждый приходит к концу безутешным.
Облетели слова, разлетелись друзья...
На земле не бывает, наверно, безгрешных,
На луну бы завывла – да скулить мне нельзя.

17 июля 2002

*В. Британишскому,
поэту и геофизику*

Тебе ни к чему мои письма и память.
Давно мы на разных вершинах живем.
А юность и детство остались словами
С огромным прекрасным
Свердловским Дворцом.

Давно раскидала нас жизнь от порога,
Хоть оба вписались мы в племя бродяг.
Над нами лишь небо, под нами дорога,
Дорога! Дорога! И больше никак.

7 июля 2002

Мы только стихотворцы – не поэты,
Поэзия – она сродни Богам!
Она везде разлита, тут и там,
Она, как зной, что обжигает лето.

Поэзия – восторг и маята,
Она порыв и взлет, и шорох ветра,
Ее не развернуть на километры,
Ее не влить профессией в уста.

Поэзия великая, прости!
Ты и меня порой едва касалась,
Но я не разглядела эту малость,
И мне пришлось замолкнуть и уйти.

19 августа 2002

Хочу опять, как много лет назад
Сорваться с места и идти куда-то
Куда идти? Куда глаза глядят,
Вдыхая краски праздничных закатов.

И ни о чем не думать, не гадать
Быть вновь свободной от всего на свете.
Дорога, пыль, а в небе солнце светит.
Я и земля – какая благодать!

29.08.2002

Алексею Решетову

Отпевают сегодня поэта,
Чтоб Душа, оторвавшись от пут
Бестолкового белого света,
Унеслась в свой невидимый путь.

Унеслась, улетела, распалась
На десятки незримых частиц,
И в пути – из попавшихся лиц
Лишь с одним бы опять обвенчалась.

Чтобы вновь вызревала строка,
И звала за собой в поднебесье,
Подбирая, как зерна, слова
И слагала бы новые песни.

2.10.2002

Совсем не думала – дожить
И в двух веках оставить память,
Что бы непорочной связи нить
Утяжелить еще словами.

И эта вязь, и эта связь
Как непорочное зачатье
На наши жизни пролилась
Простым неповторимым счастьем.

В просвете моего окна
Другая жизнь в домах томится,
И легкий-легкий свет струится,
Пытаясь вычерпать до дна
Всю темень уходящей ночи,
Что б снова стала непорочной.

29.04.2002

Придавило меня, придавило
Целой жизнью. Я вечно ждала
И любви, и тепла – были силы!
Но дождаться, увы, не смогла.

Все казалось – лишь горе осилить
И за тем поворотом – весна.
Только снова дороги месили
Сапоги, прилагая усилья,
Я опять оставалась одна.

Новых бед на дорогах без счета,
И за каждой березой, сосной
Поджидала, спасая, работа,
Что была настоящей весной.
Исчерпала надежды и силы,

И стою я на самом краю...
Придавило меня, придавило.
Только нет, до конца не убило
И надежду, и веру мою.

15.12.2002

И срываются снова слова на бумагу,
И зовут меня в мир неслучившихся грез,
И к концу, как к венцу, подбирается сага,
Оставляя открытым все тот же вопрос:

Для чего? Для кого?! И кому стало легче,
От того, что годами толкла я беду?
Подари на прощанье мне сказочный вечер.
Подари! И тогда я спокойно уйду.

Только нет. Это все ничего не меняет.
Не случилось. А значит? тому так и быть.
Я ждала! Я жила! И других согревая,
Научилась тебя беззаветно любить.

03.04.04.

А по малому заброну Ермак, добрыми же и по большому заброну, и в. Митрофан Офица что поворот
мне паша по зачине сибирь, в Сибирь, владения Ермака по Кочуму Кочуму и в то же время до
до сего помышляется азать, и наживаются сибирскими рудами, и в то же время по сему (стор.)

Юрий КЛЮШНИКОВ

«ЕРМАК» — неосуществленный замысел Пушкина

«ТЫ ЗАТЕВАЕШЬ ПОЭМУ ЕРМАКА...»

Мысль достойно увековечить народного героя в русской литературе не раз мелькала у Пушкина. Упрек забывшим свои исторические корни за то, что «отреклись» от Ермака «прямого просвещения ради», содержит пушкинская сатирическая поэма «Родословная моего героя». Но поездка в Оренбург по следам Емельяна Пугачева и работа над «Историей Пугачева», занятия в архивах и с библиотекой Вольтера в Эрмитаже не оставляют времени для нового замысла. В конце концов неважно, кто его осуществит: он ли или кто-то другой. Лишь бы цель была достигнута. Вот только этот «другой», кто справился бы, и не находится. Рассчитывал на Николая Ивановича Гнедича, переводчика гомеровой «Илиады». 23 февраля 1825 г. в письме из села Михайловское намекал ему: «Я жду от вас эпической поэмы», предлагая в качестве темы Ермака. Но никак не откликнулся на предложение маститый стихотворец.

Вторая кандидатура — Алексей Степанович Хомяков, поэт, драматург, публицист, с задачей не справился. Его трагедия «Ермак», написанная прекрасными стихами — произведение более лирическое, чем драматическое». «В нем все чуждо нашим нравам и духу, даже самая очаровательная прелесть поэзии», — так сказано Пушкиным в рецензии на альманах «Денница» 1830 г. и в предисловии к «Борису Годунову».

Что ж, придется, видно, приниматься самому.

Еще не взялся, а уже слухи пошли по Москве. В письме от 5–20 января 1826 г. собрат по поэтическому цеху Евгений Абрамович Баратынский писал Александру Сергеевичу из Москвы: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака. Предмет истин-

но поэтический, достойный тебя. Благослови тебя бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг». А Пушкин всего-то и сказал в статье «Воображаемый разговор с Александром I», что написал бы поэму «Ермак или Кочум (Кучум)» в Сибири, если бы император сослал его туда. Но сибирская ссылка автору «Медного всадника» не грозит. Пока, во всяком случае. А вот замысел воспеть Ермака по-прежнему волнует.

«ВОСКРЕСИТЬ МИНУВШИЙ ВЕК»

Александр Сергеевич пока не решил окончательно, сделать ли центральной фигурой поэмы предводителя Ермаковой дружины или правителя Сибирского царства хана Кучума, с тем чтобы раскрыть величие победы Ермака через противостояние грозному, опасному и хитрому противнику — личности тоже могучей и неординарной. Отсюда и колебания: назвать поэму Ермак или Кочум (Кучум). Но основная цель поэмы «воскресить минувший (XVI век) во всей его истине». На первом плане повествования будут смелые сподвижники Ермака, «сквозь неимоверные препятствия и опасности устремившиеся посреди враждебных диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на них ясаки и бесстрашно селились между ними в своих жалких острожках». Лучше всего, считал поэт, для такой поэмы подходит жанр эпический. Если уж писать, то «русским размером с рифмами», в духе былинного русского эпоса. Ради этого Пушкин изучал древние российские стихотворения, собранные в конце XVIII века на Урале скоморохом-импровизатором Киршей Даниловым. Для этого собирал «уральский материал»: читал былинку «Ермак взял

Сибирь» — из сборника Кирши Данилова, где прослежен уральский путь Ермаковой дружины, штудировал 9-й том «Истории государства Российского» Н. Карамзина, кто, по словам поэта Иванчина-Писарева, «Ермака воспел божественно во дни минувшей славы». Из 9-го тома поэт узнал подробности сражения Ермаковой дружины с войском мурзы Епанчи (Япан дзы) возле села Усениново, а также о разорении казаками Епанчин-городка (Епанчин-юрта) на месте нынешнего Туринска, о пленении кучумова сановника Таузака в устье реки Тавды.

«ПРЕДМЕТ, КОНЕЧНО, ЛЮБОПЫТНЫЙ»

В поисках материала для будущей поэмы в 1835 г. Пушкин просил Владимира Дмитриевича Соломирского собрать для него в Тобольске легенды, воспоминания старожилов, архивную информацию, послать результаты поездок по следам легендарного казацкого атамана. Обратиться к нему рекомендовал брат последнего — Павел Дмитриевич Соломирский, корнет лейб-гвардии Гусарского полка, с которым сочинитель «Пиковой дамы» в лицейскую пору своей юности «любил подчас, тайно от своего начальства, приносить некоторые жертвы Бахусу» (участвовать в гусарских пирушках).

С Владимиром Дмитриевичем Пушкин сблизился на московских вечерах у князя Александра Михайловича Урусова и княгини Екатерины Павловны

Урусовой. Но однажды у них дело дошло до дуэли, которую, однако, друзьям удалось предотвратить. (См. «Ур. след.», 1998 №8).

Все же Пушкин сомневался, согласится ли Соломирский выполнить его просьбу. Как-никак, но в Тобольск, где, бесспорно, удобнее собирать материалы о Ермаке, офицера перевели из столицы из-за злополучной дуэли. Однако тот, к радости стихотворца, согласился.

В тобольском архиве В.Д.Соломирского мы находим записи о посланных офицером поэту исторических заметок П.А.Словцова о сражении дружин Ермака с войском Епанчи и сожжении Епанчин-юрта, с добавлением характеристики этого мурзы. Судя по записям того же Соломирского, Владимир Дмитриевич в последующих письмах поделился с Пушкиным впечатлениями от своей поездки по местам Ермака, включая посещение села Усениново и Туринска в 1835 г. Со слов Соломирского (*письмо Пушкина к нему не сохранилось. — Авт.*) Александр Сергеевич нашел образ смелого и коварного мурзы Епанчи достойным персонажем своей будущей поэмы, и сражение возле села Усениново расценил как яркий пример воинской доблести и отваги обеих враждующих сторон, отводя ему место в первой части задуманной поэмы «Ермак».

От замысла поэмы в 1826 г. Пушкин перешел к интенсивной работе над историческим материалом о Ермаке в 1835-м. Но «Ермак» так и не был написан.

Виктор МИХАЙЛЕНКО
фото автора и Александра СВЕШНИКОВА

В краю заповедной Печоры

Часть 3.

Из дневника Саши

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАНЬПУПУНЬЁР

21 июля, пятница. Мы разделяемся. Витя М. дальше не может. Пойдем вдвоем с Витей Ф. Вот такие пироги! Договорились, что вернемся дней через шесть, т.е. приблизительно 27-го. Еды явно не хватает. Тянем с трудом. Дай бог всем нам дожить до лабаза перед устьем Ёлмы.

...Прошли с Витей километров восемь, но поняли, что дали маху — слишком по безлесым холмам ушли на север (даже на северо-запад). Прошли ручей Подкопённый (классический вариант истока — завтра хочу снять), который, по-видимому, был в описании. Пришлось к нему возвращаться (лишние 1,5 километра туда и обратно в горах — немалая ошибка).

Было две встречи: с волком — нос к носу; сумели снять на видео — он долго, не торопясь и оглядываясь на нас, пошел своей дорогой; вторая — у ручья с бурым медведем. Мы не сразу его заметили и переходили ручей в 10 метрах от него. Он, видимо, стоял в оцепенении и выжидал, что делать. Но когда мы остановились, чтобы набрать воды — ломанулс через кусты. Мы так были измучены жарой и переходом, что даже не догадались на всякий случай вытащить камеру. И зря. Минут через пять метрах в шестидесяти он опять вышел к ручью, но увидев, что мы не ушли, неторопливо скрылся в редколесье.

... Много незабываемых встреч! Поход совсем непростой, но вспоминать мы будем его, я думаю, всю оставшуюся жизнь.

На месте разворота (когда мы поняли, что «перебрали» на север) я с трудом в дымке увидел столбы Маньпупуньёра (наконец-то!). Ориентироваться в горах, имея только пятикилометровую карту и компас, очень сложно. Если мы всё же пойдём дальше, надо будет вернуться еще километра на полтора назад и по склону преодолевать возвышенность с тайгой не менее 4–5 км. (в отличие от 2 км в описании); короче, дойдем ли — не знаю.

22 июля, суббота. Утро посвятил съемкам сюжета «...Так начинаются реки» и на болотце у ручья снимал белые пушцы. На глаз красиво, на видео — не уверен...

Мы углубились в тайгу. Путь нелегкий. Проблема с ориентированием. По азимуту 30 градусов, потом 75 градусов. Вышли в итоге к впадению одной речушки в другую Но направление течения реки — с севера на юг. Ничего похожего на карте мы не нашли. Это очень нас насторожило. Где мы — определить точно не могу. Надеюсь, что все же Маньпупуньёр (его первая вершина) где-то на северо-востоке (азимут 70 градусов). Завтра решили совершить последнюю попытку восхождения на Мань. Если мы не преодолеем его и не увидим в обозримом пространстве столбы — придется сворачивать экспедицию. Еды нам и так не хватит — её дня на 2–3. По пути много медвежьих лёжек и помёта. Край медведей!

23 июля, воскресенье. Тяжелейший переход! Преодолев вброд речку в 10.00, мы топаем до 18.30,

с одним лишь перерывом минут на 40. Тайга еще продолжается. Мы вначале поднимались, потом начали спускаться. Хотел бы я посмотреть на тех, кто составлял описание маршрута («тайги всего 2 км.»). Её в итоге оказалось километров 7–8!!! И причём непролазной!!! Сплошные звериные тропы в густой высокой траве. И лежбища медведей, и буреломы, и заросли кустарника. В конце концов, Виктором, а заодно и мной, начало овладевать отчаяние. Мы были истощены. Утром на «завтрак» выпили лишь по стакану чая и съели по горсти мюслей. Нагрузка же у нас колоссальная! Мне кажется, что даже я сбросил килограммов 5 сегодня, зато прыгал, как «горный козел». Витя мучается с сердцем и камнем. Его это очень беспокоит. До Москвы и до больницы нам еще не менее месяца. Постоянные Витины реплики типа «...Значит, это судьба, здесь я и останусь...» — становятся невыносимыми. В конце концов, я решил залезть на дерево и оглядеться: если Мань не видно — значит, мы поворачиваем назад. С трудом найдя подходящее дерево, я тут же увидел первую вершину Маня, на которую мы выставили азимут. Она была практически точно по нашему направлению (сбились мы всего градусов на 10, но в целом продвигались правильно!). И тут, к счастью, мы набрали на тропу, даже не на тропу, а на какую-то узкую древнюю двухколейную «дорогу», хоженую, как мы потом поняли, лишь зверьями (прим. — 2 колеи от нарт). Дорога привела нас прямо к подножию первой вершины Мань, но в конце мы с нею все же сбились, она совсем заросла травой. Хорошо бы найти эту тропу на обратном пути. Это было бы нашим спасением!

Хребет Маньпупуньёр оказался еще более трудным для передвижения — сплошные каменные развалы и курумники. «Старая дряхлая гора», как выразился Витя. Идти тяжело. Мы по ней проползли всего километра 2,5. Нужно было вставать и искать воду.

Решили разбивать лагерь на восточном склоне, где был слышен журчащий внизу у подножия ручей. Я «сходил» за водой — спускался минут 10, поднимался час. Заодно нашел шесть ояг и собрал кружку голубики.

Рисовый отвар (1 пакетик риса «Анкл Бэнс») с грибочками «для виду» и чесноком, а также полкружки голубики — вот весь наш дневной рацион! Негусто. Чай будет лишь завтра утром (это я мечтаю — чая тоже осталось дня на три!).

Хочу оставить базу здесь. И завтра только с аппаратурой двинуться к столбам. Ночью холодно.

24 июля, понедельник. Сегодняшний пеший выход закончился полнейшим крахом! Пройдя километров 6 (мы напали на идущую по хребту тропу), никаких столбов мы не обнаружили. Долго размышляя и сопоставляя факты, мы пришли к выводу, что река, где мы стояли прошлой ночью — не что иное, как Печора. То, куда мы сегодня дошли — остатки стоянки манси у истока Печоры под горой Печорья-Толях-Чахль и, соответственно, хребет, по

которому мы проползаем никакой не Маньпупуньёр, а главный хребет Северного Урала — Поясовый камень! Т.е где-то в тайге мы дали маху и выскочили на Печору уже в первый ходовой день по тайге... Немного поспивав стоянку манси и исток Печоры, мы двинулись обратно. К палатке пришли вконец измочаленные... Изголившись с двумя пакетиками вермишели, Витя сварганил подобие супа...

25 июля, вторник. Ночью гроза и ливень. Все влажное. Утром беспросветный туман. (Видимость метров 30–40). Думаем, что делать. Еды — дня на 2–2,5. Надо продвигаться, но как — непонятно. Никаких визуальных ориентиров, надежда на тропу — но она очень старая, заросшая, сбиться с нее ничего не стоит. К тому же неясно, куда она нас выведет. Понятно, что общее наше направление — запад. Единственное — мы обязательно должны пересечь Печору. И всё...

Попали мы в переплёт... Хотели (вернее, я хотел) сделать сегодня день отдыха, но поджимает всё, в первую очередь — еда и Витины болячки. Надо идти. В 12.00 всё же выползли. Сделав крюк в сторону тропы, пошли по ней. Она вскоре спустилась вниз к подножию западного хребта. Ночной дождь был некстати: «ожили» все ручки, и мы шли по заросшему густым кустарником болоту, едва различая направление тропы. Туча опять села еще ниже, и около часа в пути шел хороший дождь. Но потом вдруг всё прояснилось (уж не знаю, ангел-хранитель ли, Господь Бог — прямо знамение какое-то!), и мы вдруг четко увидели на юго-западе Койп, на 270 градусов — Яныпупуньёр, на нем Заячий камень, исток «нашего» ручья. Сориентировавшись, мы поняли, что тропа уже увела нас в сторону (она как видно, так и идет вдоль Поясового камня). Пришлось с полкилометра вернуться, взять азимут 275 градусов и двинуться напролом в тайгу! Это не ради «красного словца», но до Печоры мы доползли в буквальном смысле! Причём опять какое-то чудо — практически в то же место, где мы стояли, размышляя, что же это за река и куда нам идти (на островке у впадения в Печору «нашего» Подкопённого ручья). Так что встали мы на нашем «благоустроенном месте» около 22 часов (уже темно). По пути спасались красной смородиной. А на ужин (он же обед) — пакет риса («бэнсовского») с собранными по дороге десятками оягами, — пир горой! Суп этот даже оставили на утро.

Все мышцы болят, еле передвигаемся. Но теперь я уверен, что мы вернемся.

26 июля, среда. Прошли тайгу. Вышли к Яныпупуньёру, почти точно к истоку Подкопённого ручья (опять повезло!!!). Набрали воды и двинулись на гору, чтобы уже по вершине пойти на юг к тропе.

В горах, на камнях, огромное количество куропаток, в кустах — рябчика, в зарослях олени и волчки тропы. Чтобы не встретиться нос к носу со зверем (их топот и возня постоянно слышны) — идём, громко разговаривая, говоря всякую чушь, чаще просто громко матерясь — чтобы нас было слышно.

Причем, говорим голосом громким и уверенным (на это уходят последние силы). Когда мы выходили из тайги, перед нами взлетел огромный глухарь, красивый, как чёрт! Конечно, не сняли. Всё произошло за несколько секунд. Самое интересное в нашей экспедиции, как всегда, за кадром!

...Стало страшно холодно. Ледяной ветер. Зуб на зуб не попадает. Градусов 8–10, не больше. И поэтому воздух прозрачный, ясный. Все горы прорисовались, как на ладони. Все наши пути-дорожки, ошибки в расчетах стали явными и понятными. Отчетливо вырисовался Маньпупуньёр и столбы на его северной окраине. Если бы такая видимость была до нашего «погружения» в тайгу, мы бы точно не промахнулись. Иными словами, мы рано свернули в тайгу. Первоначально, когда мы проскочили ручей, мы двигались правильно. Но дымка и туман не позволили нам точно понять, какой по счету хребет от нас — Мань, и мы ошиблись буквально на какой-то километр. Пойдя по тому же азимуту чуть севернее, мы бы точно уткнулись в Мань.

Столбы Маньпупуньёра мы сняли издалека на фото и видео. На этом аккумулятор «приказал долго жить». Таким образом, как говорится, судьба сама подсказала, что пора нам обратно.

Вечер был ледяной и зловещий — с малиновым закатом и низкими быстро бегущими тучами. Ночью разразился настоящий ливень. Лил всю ночь и утро. Холодно, мокро. Но надо настраиваться на движение вперед.

27 июля, четверг. Туча села на горы. Ледяной ветер. На остаток немного восстановившегося за ночь аккумулятора сняли столбы, которые были над стоянкой манси. Видимость 20–30 метров, чуть ниже, в распадах, тумана меньше. Взяли азимут 210 градусов, но много забирали вправо и, как мы предполагали, слишком ушли на запад. Настроение — 0. Перемещаемся, как слепые котятка. Никаких ориентиров. Витя грустно шутит, что мы «пропавшая экспедиция». В шутке много правды. Если в

ближайшие 2 дня (еды уже не осталось даже на один день!) мы не выберемся с Янов на тропу к избе, нам, объективно говоря, каюк! Похоже, погода завернула всерьёз и надолго. Ночью около 5 градусов. Борьба за выживание в полном смысле этого слова. Всё очень серьёзно. Несмотря на наше положение, больше переживаю за Витю М. — как он там один (Алесенковы, видимо, уже уехали), без еды и, главное, даже без палатки. Надежда только на хариуса, которого он ловит. Короче, все мы на грани ...

Костёр Витя разжечь не смог: очень сыро. Туча влажная и холодная. Я, полчаса помучившись, решил «подлить масла в огонь» — постепенно дело пошло. Доели вечером последнюю растворимую картошку с двумя малюсенькими, заныканными предусмотрительным Витей кусочками сала (НЗ). Осталось две ложки заварки — и всё.

28 июля, пятница. Холодная ночь с редким морозящим дождиком и беспросветное, в смысле нашего настроения и тумана, утро. Ориентировочно мы стоим у долины, в которую мы спустились после Заячьего камня. Но где конкретно — неизвестно. Будем всё же двигаться в южном направлении. Приблизительный азимут — 190–200 градусов. Огибая восточный склон Янов, мечтаем дойти до каменных россыпей в виде холма, от которого мы по пути сюда ориентировались на Заячий камень. Это только мечты.

Сдаваться нам нельзя. Мечта добраться до избы — сегодня из области буйных фантазий. Но всё же... Мы верим в неё. Господи, уповаю лишь на тебя: как бы нам покинуть побыстрее эти замечательные горы и оказаться на родной Печоре!

Витя пытается развести огонь для нашего последнего чая...

...Дождь льёт безостановочно. Уже второй час дня. Но надо собираться. Всё мокрое и холодное. Идти не зная куда, чтобы прийти полностью изможденными и в воде, плюхнуться и дрожать очеред-

ную ночь в ожидании завтрашнего дня. А вдруг? Чего ждать? Надо ли ждать? Идти — вопреки всему, в том числе здравому смыслу. Наверное, это правильно. Стоять и тихо замерзнуть нельзя. Движение — это жизнь. Пока хоть такая! До избы мы сегодня не дойдём. Чудес не будет...

... Видимость 15—20 метров. Пронизывающий ветер. Вышли в ливень (соревнование по скоростной разборке палатки в экстремальных условиях — не более 3-х минут). Доверяясь компасу и интуиции, через 500 метров лоб в лоб наткнулись на Заячий камень. В сердце — радость и маленький кусочек надежды на то, что мы спасемся. Далее — каменные россыпи восточного склона. Я дважды лечу в трам-тарары с аппаратурой и рюкзаком, но всё цело (на удивление, в том числе и я!). Камни с лишайником стали ужасно скользкими. Передвигаемся крайне медленно. И тут — опять цепочка везений. Не знаю, кто там за нас молился и вёл по правильному пути, но мы точно приходим к «каменному холму» (он на секунду вдруг приоткрывается в неожиданном облачном проёме, как в кино...), а затем находим оставленный Витей М. кусок полиэтилена, повешенный на дерево. Затем проходим нашу первую стоянку (всё — в густейшем молоке, практически на ощупь!!!). И когда уже спускаемся по южному склону Янов (где я доснимаю последние фотокадры, так как вижу на равнине солнце, а тучи, как оказалось, лишь закрывают и висят на горах), мы попадаем, с точностью до одного метра, на тропу, которая через километр выводит нас к избе с Витей М.

Всё просто лишь на словах. Описать везение невозможно. Я говорю об этом Вите М. — он кивает, но ни черта понять не может. Это понимаем лишь мы вдвоём, но всё больше молчим — понимаем «про себя». Не знаю, стоит ли об этом вообще кому-нибудь рассказывать? Ведь рассказы будут лишь о каких-то конкретных моментах, встречах и т.п. О

том, что мы «совершили маленький, но Поступок», мы лучше промолчим. Это — для себя!

Вечером мы обжирались — суп харчо, гречневая каша с соленым хариусом, чай до отвала. Спали в избе на оленьих шкурах. Вернее, спали Витьки. Я не спал. Вообще не могу. Объяснить тоже не сумею. Хочу сделать фильм. Этот. Жаль, что мало материала...Всё.

29 июля, суббота, утро... Возвращаемся к устью на Большой Порожной.

Дошли до Большой Порожной за 2,5 часа (8,5 км.). Путь по тропе через тайгу, казавшийся нам вначале непостижимо трудным, сейчас оказался лёгкой прогулкой; правда, к Большой Порожной он, в основном, идет на спуск.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

30 июля. Сегодня начинаем сплав и наш обратный путь. Взглядом прощаюсь с горами, со всем, что здесь вижу. Мысленно — с тем, что здесь прожито. Прибывшая вода без задержек несет мою лодку. Вите с Сашей вначале ещё приходится идти впроводку — киль задевает камни. Но ниже, на перекатах, мы уже, в основном, несемся по ускорившейся после дождей воде. На быстрине успеваю вытащить четырех хариусов. Через 13-14 километров — мы у нашей стоянки, что примерно в двух километрах выше устья реки Елмы. Тут ведь у нас лабаз. Только причаливаю к берегу, начинается сильнейший ливень — на полтора часа, без перерыва, с громом и молниями, а потом надолго — дождь. И никаких просветов. Ощущение, что обложило весь Урал. Из вещей наших кое-что уже подмокло. Разбирать лабаз, грузить всё и плыть дальше нет смысла. Ночевать придется здесь. Наш берег только на 10 сантиметров выше над уровнем реки. Противоположный — до 40. Мы переправляемся на тот берег и ставим палатку. От воды она метрах в 17. Сразу забрались в палатку и в спальники. А утром...

31 июля. Ребята вскочили часа в три и чего-то задвигались. Я сначала не понял, только чувствую, что мягко лежать стало.. Ребята что-то говорят, и до меня доходит, что под палаткой вода. Рука непроизвольно отмечает — сантиметров 10. Часть вещей уже намочка. Витя крикнул:

— Лодки!

Сашка, выглянув, большую не увидел. Кинулись искать. Ее отнесло ниже, хорошо не унесло. Моя — неприкаянно дрожит на сильном потоке почти на середине вдвое расширившейся реки. Хорошо, что надежно привязал ее за камень. Мы начинаем выбрасывать из палатки все вещи наружу. Саша облегченно вздыхает:

— Как хорошо, что я не вынул из мешков (непромокаемых) и ящиков аппаратуру. Как чувствовал.

Зрелище, конечно, мы представляли преинтересное. Действительно, соответственно картине стихийного художника Печорского «Приплыли». Подстать ей и возгласы:

— Второй сапог не нашел!

— Унесло, наверно!

Постепенно, всё собрав, мы перебрались к месту с лабазом, забрали его и, вооружившись байдарочными веслами, буквально полетели по реке. Километра через 4 мы встали на острове. Тут мы развернули целый лагерь из просушиваемых вещей. Погода все-таки пару часов нам выделила. К тому же и сухих дров нарубили много.

После завтрака ребята успели посмотреть скалу и виды сверху высокого обрывистого берега. Я тоже уже собрался все это посмотреть, но тут неожиданно увидел лодку, спускающуюся сверху. В ней двое.

Подплыли к берегу. Мы здороваемся, узнаём друг о друге. Собеседники мои из Первоуральска, что по ту сторону главного хребта. Оттуда и путь держат. Пожилому где-то под 60, молодому 20 с небольшим. Скорее, отец и сын. Разместились в маленькой резиновой лодочке, один на корме с коротким веслом, второй на носу — свесив ноги в сапогах в воду, он гребет лопатками. Всё это у них самодельное, изготовленное, очевидно, с подходом к воде. Всех вещей — по небольшому рюкзаку. Брали минимум. Даже теплой одежды маловато. Мёрзнут. На мои слова о тёплой одежде отшучиваются:

— У нас грелка — вёсла.

Всё становится понятным, когда узнаю их путь: от Первоуральска до Визжая автобусом, дальше сколько-то попутной машиной по бывшей лесовозной дороге, проложенной эсками («сейчас там зон нет»). Остальной путь — 80 км. пешком по тайге. Поясовой камень пересекали через перевал Дятлова.

— Там хорошая тропа. И сверху видно всё как на ладони, где какой исток...

Жалеют, что не смогли поспиннить: что-то с фотоаппаратом. Вспомнили фильм Михаила Заплатина «Унья — красавица». Хотят посмотреть вживую.

Рыбу-то ловили? — спрашиваю я.

— Да мы как-то не приспособились. На удочки не брало. Спиннинга не было.

Когда мы уже попрощались и их лодка уже была на расстоянии, я спохватился: люди-то голодные, а я им ничего не предложил...

Я задумался: вот эти люди перемахнули через Урал, мёрзли, скудно питались, они забудут эти тяготы, а останется другое, как осталась раньше в их памяти речка Унья в Заплатинском фильме...

Я заметил, что имя Михаила Заплатина в разговорах разных людей вспоминалось здесь не раз. И всегда очень уважительно. И в Якше, и в Шежиме... Он был дружен с Поликарпом Григорьевичем. Сближало их, конечно, и то, что оба фронтовики, оба служили в авиации. Михаил Заплатин после войны закончил институт кинематографии в Москве, а здесь, на Урале, исходив его вдоль и поперек, создал до полутора десятков фильмов о неповторимой и заповедной природе этого края. А ещё — книги очерков, непосредственных живых впечатлений. Вот только видят ли это всё люди сейчас?

Мы продолжаем сплав. Навстречу нам открываются уже знакомые места. Понемногу что-то меняется в пейзаже, но уже в обратной последовательности..

Погода «несъёмная», хмарь, активности двигаться не ощущаю, но лучше все-таки плыть. Вообще есть ощущение, что из-за более высокого уровня воды мы сплаваемся уже по другой реке.

По пути в бору я пособирил чернику, бруснику, а Саша в стороне под елочкой нашел несколько подосиновиков и подберезовиков.

8 августа. Что-то вновь не спится ночью. Тут или мне брать тайм-аут, или нам начинать сплав

на моторе. Витя принимает второе. Я заготавливаю несколько жердин для жесткой связки лодок, и вскоре винт мотора заменяет нам весла. Вскоре мы у первого кордона. Разговариваем с Павлом. Прощаемся и с ним, и с главной территорией заповедника. Обратный путь быстрее. Сидишь или работаешь веслами в какой-то задумчивости и только отмечаешь: река стала пошире, больше плесовых участков, обрывистых песчаных берегов, выше ростом ольха, ива, всё мельче размером галечник... Стоянка километрах в 12 от Усть-Уньи. Здесь покос. И сено в деревню потом возят на лошадах.

9 августа. Утром из палатки слышно, как рябчики что-то клюют на столе косцов.

В Усть-Унье покупаем у местной жительницы буханку черного хлеба (в магазине его нет). Буханка в полтора раза больше обычной. У Евдокии Тороповой — она работает на связи (рация) — получаем оставленную канистру с бензином. Спрашиваем, можно ли купить хлеб.

— *Хлеб мы печем сами, но на продажу сейчас нет. Вообще, если будут ездить коммерческие машины (сейчас приезжают один раз в месяц с города Ухты), будем с мукой, а так — не знаю.*

Евдокия приносит белый полотняный мешочек и отдает мне больше килограмма белых сухарей. Это она для внуков готовила. Они летом приезжают. И вот нам отдает. От денег отказывается. Тихо произносит:

— *Ради Христа...*

Усть-Унья. Отсюда мы начинали подъём по реке. С высоты деревни видно, как Печора здесь своим левым рукавом в километре дальше соединяется с Уньёй. Как же не взглянуть на «Унью-красавицу».

До впадения Уньи в Печору мы проходим мощный перекат, и после этого река точно успокаивается и становится похожей на равнинную.

Вскоре мы вливаемся вновь на территорию заповедника (Якшинский участок).

Вечером по берегу видим тетерок. Проплываем рядом. Не улетают. Ходят да щиплют траву, как курицы. Саша снимает их с довольно близкого расстояния.

15 августа. До Якши остаётся километров 18. Пару часов хода... И вот мы снова у знакомого спуска к реке от дома Ирины и Сергея. Вроде всё то же, но ощущение чего-то изменившегося. Видимо, это понимание: «путь пройден», но ведь он пройден каждым и внутренне. Значит, что-то менялось и в нас...

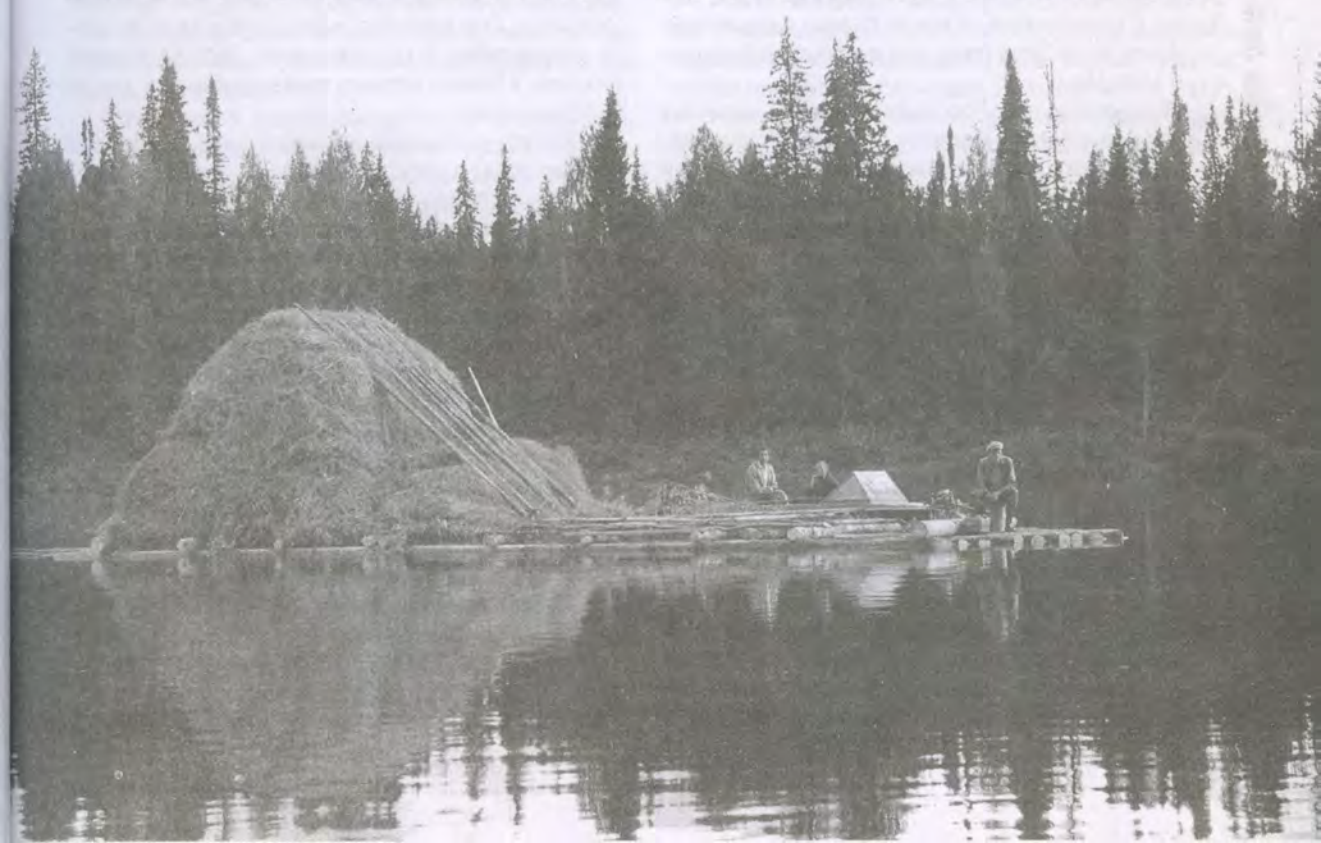
Мы оставляем эти места. Но не случайно нам дано было пройти их, что-то узнать, открыть, понять...

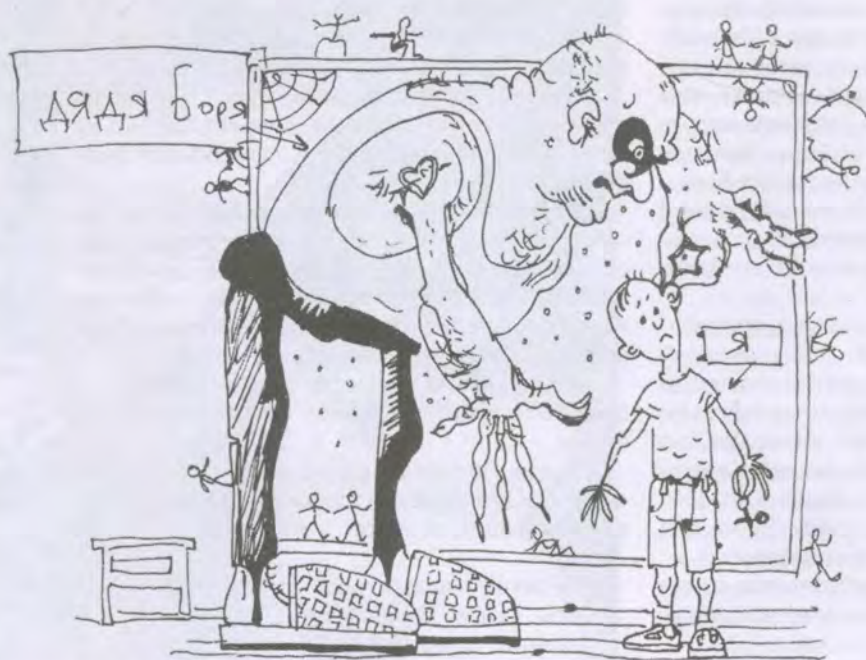
Отъезд. Последний взгляд на Печору... Дорогой складываются какие-то строчки. Записываю, меняю, в конце концов, остается:

Где реки рукава, острова,
Горы, камни, тайга без троп,
Я мечтою давно шел сюда,
Где, как в сказке, прозрачность вод.

Их исток в горах — наш исток.
Там душа спасена, где чиста.
И из множества в жизни дорог
Выбираем одну неспроста.

Не знаю, стал ли я лучше, но в том, что этот край, его люди помогают сохранять лучшее в нас — уверен. И я благодарен судьбе, ребятам за пройденный путь.

ЧУЛАН

...И еще там стоял отвратительный запах. Как будто мокрые тряпки, облепленные скорлупой подсолнуха и дохлыми мухами, жарили на сковороде. Среди мешков со старыми пальто я свил себе гнездо. Сюда я, заплаканный мальчик, прибежал всякий раз, когда дядя Боря, подвыпив, принимался стегать ремнем свою жену. Он хватал меня за ухо и шипел, как ненавидит всех, живущих в коммуналке. И еврея Исаака Самуиловича, и его жену тетю Розу, и машинистку Дашеньку, и мою маму.

Иногда мне удавалось вывернуться из мясистых щупальцев, и тогда я прятался в чулане. Я становился недостижим для этого свистящего шепота и вони гниющих зубов. Здесь было мое царство, полное тайных кошмаров. Но самый странный из них являлся лишь в особенные минуты.

В чулане жили черные человечки. Я никогда не видел их в обычные дни. И только когда дядя Боря принимался ловить меня и шептать, как ненавидит всех нас, живущих с ним рядом, появлялись они. Из сундука с продавленной крышкой выползала одна темная фигурка, за ней другая... Я несколько раз пытался сосчитать их, но всегда на сто двадцать первой или сто двадцать второй засыпал.

Человечки начинали водить хоровод вокруг меня, они пели протяжные песни. Иногда спрашивали о том, как живется нам, не вернулся ли из далекой командировки дашенькин жених, или что подарила мне на день рождения мама? О дяде Боре они не спрашивали, словно знали о нем все. Но каждый раз, посмеиваясь, приглашали: «Пусть приходит к нам, пусть. Мы его тут давно ждем».

Однажды я рассказал ему о человечках и о том, что они говорят. Дядя Боря шархнул от меня, точно это я ему прижег палец окурком «Примы». С тех пор он стал очень внимательно смотреть в мою сторону, если нам случалось столкнуться на кухне. Так продолжалось две недели: дядя Боря оставил меня в покое, и даже когда бывал трезв, просил вынести ему из чулана лыжи или банку с вареньем. Сам он старался туда не заглядывать.

Но через две недели на заводе не дали получку. Дядя Боря осатанел. Он вернулся откуда-то весь в снегу и принялся крушить нашу вешалку. Потом отстегал жену ремешком и, схватив меня за плечо,

вновь стал шептать страшные слова про то, как он ненавидит нас. Мама хотела увести меня, но пьяный дядя оттолкнул ее, а я убежал в свой чулан.

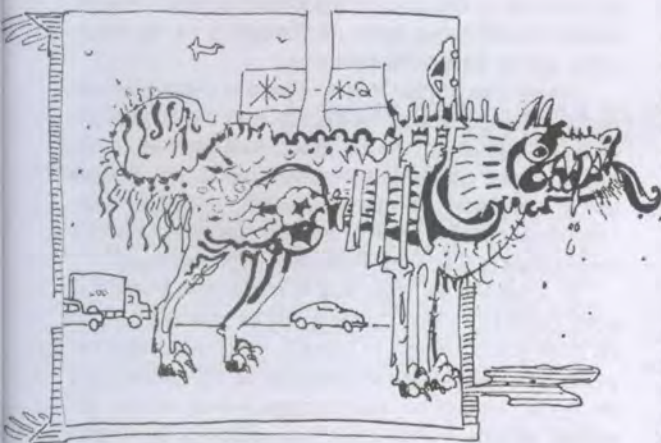
Я видел, как они появились. Сто двадцать один, сто двадцать два... А дядя Боря что-то кричал в коридоре, и кричала мама. Грохнула лампочка. Потом он ввалился в мое царство, как сарделька в ковш с кипятком. Я зажмурился, а человечки были уже здесь. Они смеялись и пели о чем-то. «Мы давно ждали тебя», — говорили они. Дядя Боря начал визжать, я боялся открыть глаза, но слышал, как он бьется о стены.

Помню, что меня вывели из чулана. Люди в белом вынесли на носилках Дядю Борю — он был весь в крови, из горла его торчали почему-то мамины маникюрные ножницы. Я-то думал, что потерял их, когда клеил бороду Деду Морозу в прошлом году. Меня увезли в больницу, поили какими-то горькими микстурами. Наступила весна...

Человечки в чулане больше не живут. Они ушли, испугавшись криков и крови. Я теперь все реже играю в своем царстве, потому что дядя Боря не хватает меня и не бьет больше ремнем жену. Она уехала от нас, когда растаял снег, и скоро в комнате поселился новый жилец. Он работает на грузовой машине. Его зовут дядя Семен.

СОБАКА И СМЕРТЬ

Собака была мертва. Из открытой пасти вывалился наружу распухший язык, по нему сновали взад-вперед муравьи. Лапы застыли в стремительном беге, казалось, пес и после смерти продолжает нестись куда-то сквозь поток гудящих машин. Не-

Но куски тушеного мяса, щедро рассыпанные на полу, так и остались лежать. Собака не притронулась к пище, она не отходила от хозяйки. А та глядела ее большую, расколотую стальным бампером голову и повторяла на все лады: «Ах, ты, Жужа, Жужа моя! Что, досталось тебе? Ничего, такая уж наша жизнь. Как-нибудь переживем ее. Переживем...»

ДОЖДЬ

Чудовища на улицах города. Идет дождь, а это самое для них время. Вижу, как они выползают из канализационных люков. Вода стекает по мерцающей шкуре, морды скалятся в предчувствии легкой добычи. Сегодня тысячи людей вглядываются в окна. Они ждут возвращения трамваев. Последних трамваев из темных районов города. Трамваи везут любимых — тех, с кем хорошо по вечерам, с кем не страшно вглядываться в окна, залитые дождем.

Видимо, простыл. Холодно. Чудовища крадутся во тьме. А помнишь, прошлым летом мы собирали росу с луговых цветов! Наш маленький домик с окнами на лес и на озеро... Старики, должно быть, уже умерли. Помнишь, какие истории рассказывал нам по ночам дед-охотник. Но ты не верила ни в Анчутку, ни в озерных русалок — только хохотала, падая мне на колени.

Черт, как холодно! Этой осенью в городе настоящая эпидемия. Как называется эта болезнь, я забыл? От нее в груди начинает что-то сжиматься. Сводит пальцы, чтобы они не писали твое имя на мутном стекле. Завтра мы проснемся, а на улицах будут лежать трупы. Трупы в постелях: смятые простыни, мокрые от пота пододеяльники...

Никто не пойдет завтракать, одеваться, не будет спешить на работу. Люди останутся дома, как в самые светлые праздники. Ты ведь знаешь, как у нас любят праздники. Весь день на кухне что-то пекут, льют сироп в шкворчащее тесто. Барабаны зывают народ на площадь — там кружатся карусели и

радивый дворник только плюнул и даже не подумал убрать труп с обочины дороги. Теперь на него пугливо косились спешащие на свидания выпускники. Старик-нищий, проходя мимо, ткнул палкой в обнажившиеся ребра.

Собака была мертва или только делала вид, что мертва, пытаясь измерить своим запредельным инстинктом всю глубину человеческого равнодушия. Какие-то мальчишки присели над трупом и принялись со смехом бросать в него кусками кирпича, пес поднял голову и, коротко взвыв, вцепился в загорелую ногу ближайшего своего мучителя.

Мальчик продолжал орать и после того, как друзья его бросились врассыпную. Он никогда раньше не видел мертвых и не мог представить себе, что издохший пес может так больно кусать. Тем временем собака, шатаясь, встала на лапы, медленно двинулась через дорогу. Дважды ее вновь сбивали сверкающие авто, но смерть, уже раз поселившись в этом грязном разлагавшемся теле, заставляла подниматься и труситься по раскаленному асфальту все дальше и дальше.

Мужчина в заштопанном плаще остановился, глядя на разыгравшуюся у обочины драму, и теперь пристально следил за странной собакой. Та, смерив прохожего взглядом из остекленного своего нутра, заскулила, словно позвала за собой. Он пошел. Но на перекрестке потерял ее из вида, смешно закрутил головой. Тут же налетевший желтый автобус с нарядными, улыбающимися детьми, смял его. Вокруг закричали, резанула по стеклам домов трель милицейского свистка.

Мертвая собака обнюхала тело, тронула языком каплю крови на лбу. Человек не двигался. Она вернулась на тротуар и побежала. Пересекла сквер с чугунными оградами и статуями на гипсовых тумбах, шумный стадион, повернула во двор и остановилась у подъезда старого, с облупившейся штукатуркой, дома. Долго скребла лапами двери знакомой квартиры, пока далекий голос изнутри не позвал: «Жужа, Жужа! Нашлась-таки, моя умница! Нашлись мои глазки, а то ведь я уж и не знала что делать!» Слепая впустила пса внутрь и, ощупывая стену, направилась к кухне.

сыплются звезды сказочных фейерверков. Бывают и представления. На картонные башенки спускается ужасный дракон, и принцесса снова кричит, просит, чтобы кто-нибудь спас ее. А верный рыцарь уже в пути, он примчится на белоснежном коне и убьет дракона, распоров мечом его ватное брюхо.

Но сегодня нет праздника — на улицах дождь. Дождь и чудовища. Вижу, как они блуждают в ночи, ищут опоздавших на последние трамваи прохожих, взбираются на столбы и с ненавистью грызут провода. Их пронзают электрические разряды, они падают и вновь карабкаются вверх, невзирая на боль. Чудовища уничтожили уже километры проводов, их тошнит стальными опилками. Но они грызут их, грызут... И падают, и снова карабкаются...

Впрочем, может, я и ошибаюсь — нет никаких чудовищ. Но тогда, прости, я даже не знаю, почему ты не приходишь ко мне и не звонишь...

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Когда мы все были счастливы, когда в плюшевых джунглях водились добродушные львы, а на страницах потрепанных книг еще встречались драконы и злые волшебники, когда время текло поиному, разворачиваясь лентами серпантина в пору новогоднего торжества, только тогда, может быть, и мелькнула перед нами тень того первозданного рая, места которому больше нет на земле. Там навсегда остались наши трогательные переживания, первые слезы и насыщенные ароматом открытий нехитрые детские тайны.

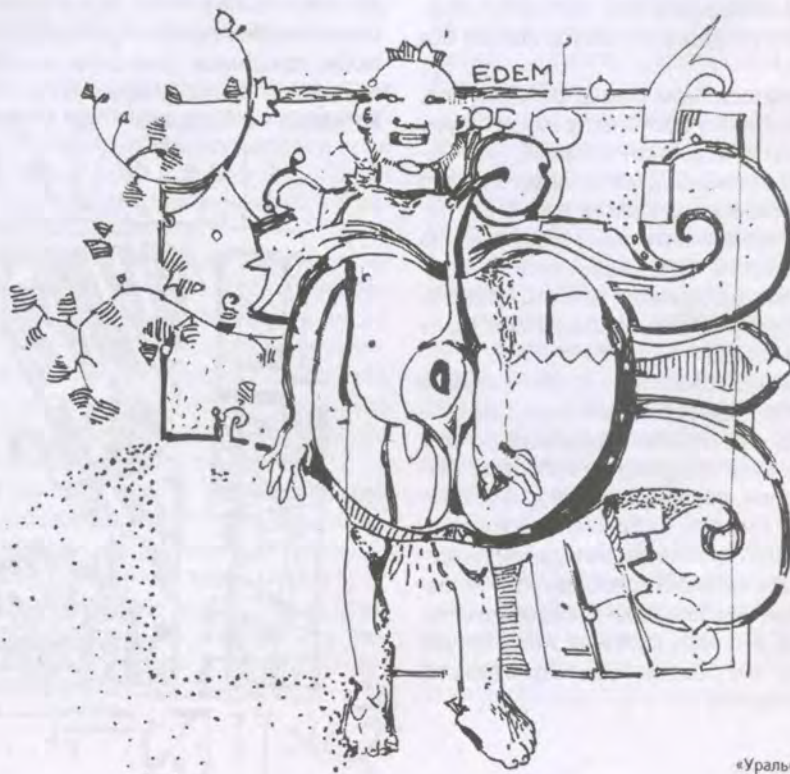
Я еще не забыл дороги туда — в мой прекрасный и солнечный мир с его извилистыми лесными тропинками, туманами над уснувшей рекой и сочными краснобокими яблоками. Мне кажется иног-

да, что где-то там до сих пор играют в пятнашки веселые беззаботные дети, не боящиеся на свете ничего, кроме разве что темноты.

Таким был когда-то и я. Замирая следил за наползающей на забор тенью грозовых облаков, а извлекая из земли длинных дождевых червей, предвкушал уже радости вечерней рыбалки. В этом мире, похожем на удивительный, залитый таинственным светом нескончаемый сон, все казалось таким знакомым, устойчивым и соразмерным.

И, конечно же, там, как и положено в каждом раю, была своя Ева. Снова вижу ее: как она бредет по пояс в золотистой от солнца, тяжелой траве, окруженная бабочками и стрекозами. На самом деле ее звали, наверное, как-нибудь иначе, но это неважно теперь — для меня она навсегда останется Евой. Я даже не могу вспомнить, каким было ее лицо... Так, что-то смутное: нежный изгиб шеи, ямочка у щеки, розовая мочка уха под непослушными прядями. Она протянула мне налитой соком тайной опасности плод, и с этого момента мир, коим я всегда знал его, перестал для меня существовать. Тропинка, ведущая в сад, заросла лопухами и папоротником, чудеса первозданного рая осыпались с пожелтевшей листвой, и на земле не осталось уже ничего, что могло бы заслонить от меня свет ее упрямых смеющихся глаз.

С тех пор я научился любить тишину и гулять в старом парке под липами. Иногда слышу, как с балкона дома напротив плещется неугомонный волнующий смех. И мне кажется, что среди тысяч женщин, встречающихся на пути, я по-прежнему жадно ищу ту, чьи наполовину забытые уже черты когда-то заменили мне разноцветный чарующий мир, где мы все были счастливы...

Тагильская капуста

На рубеже XIX-XX вв. в жизни тагильчан органически сочетались элементы городского и крестьянского быта, чему в значительной степени способствовала специфика горнозаводского поселка. Приусадебное хозяйство являлось отличительной особенностью домашнего быта жителей Нижнего Тагила.

В.Ю.Крупянская и Н.С.Полищук в своей монографии «Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.)» отмечали, что приусадебный участок использовался в основном под огород. На нем «возделывались картофель, овощи и в значительных количествах капуста, выращивание которой было в Нижнем Тагиле очень развито. Тагильская капуста весьма ценилась окрестными крестьянами, закупувавшими ее в некоторых хозяйствах еще в грядках»(1).

Когда и как появилась капуста в Нижнетагильском заводе, скорее всего, навсегда останется тайной. Но можно предположить, что иностранцы, часто посещавшие Нижний Тагил, или «заграничные» (так называли демидовских крепостных, получивших образование за границей) могли привезти эту овощную культуру на уральскую землю.

Родина капусты, как говорят энциклопедии, Старый Свет, но точное место происхождения неизвестно. Древнейший и шире всего разводимый культурный вид – капуста огородная (*Brassica oleracea*) – родом с запада Англии. Культура эта холодостойкая и не требовательна к почве.

Наши предки, видимо, были умельцами не только в железном деле. Приручив «иностранную гостью», они на всю округу прославили тагильскую капусту. Несмотря на зону «рискованного земледелия», выращивали ее в больших количествах не только для собственных нужд, но и продавали деревенским жителям. Готовить блюда из капусты тагильчане тоже умели. Ее квасили впрок, а зимой пекли пироги и использовали как начинку для пельменей (любимое кушанье тагильчан в конце XIX – начале XX в.).

В том, что капуста была «царицей» в огородах тагильчан, убедитесь сами, приглядевшись к открытке, выпущенной в начале прошлого века московским издателем М.Кампелом, с надписью: «Н.Тагил. Северная подъемная шахта Рудянского рудника». Капустные гряды на переднем плане обязательно обратят на себя ваше внимание.

Харбино-шанхайские кировградцы

«Даже птице не годится жить без Родины своей», а уж человеку без Отечества никак нельзя.

Владимир Сергеевич Грякало родился в городе Харбине, который находится в северо-восточной части Китая. Двадцатые годы были периодом расцвета Харбина — большая часть его жителей состояла из русских эмигрантов. Здесь осело купечество, перебравшееся в Маньчжурию накануне революции, остатки белогвардейской армии, интеллигенция, бежавшая из красной России, рабочие и служащие Китайской Чанчуньской железной дороги (КВЖД).

Дед Владимира Сергеевича был родом из Нижнего Новгорода. В российском купечестве занимал не последнее место и поскольку издавна вел торговые операции с Харбином, то не дожидаясь октябрьских событий, перевез семью и оставшуюся часть товаров в Китай, купил дом и основал собственное дело.

В семье было пятеро взрослых детей, от одной из дочерей и родился Владимир. Однако через четыре года его мать умерла и внука (отец уехал жить в Пекин) взял к себе на воспитание дед, у которого впоследствии появилось еще двое детей от второго брака. Продолжая работать, купец первой гильдии один вынужден был кормить огромную семью.

Дом стоял на улице Короткой — если склады, жилые помещения, контору, магазин и прочее можно считать одним домом. Дед постоянно держал двух коров и двух свиней колоссальных размеров, из мяса которых самолично готовил вкусные блюда. В погре-

бе стояли бочки с квашеной капустой и емкости с солеными огурцами. Кроме этого, он умел готовить балыки из рыбы, которые пользовались спросом в лучших ресторанах города. Крепкие устои семьи основывались на порядке и дисциплине, против воли хозяина не принято было возражать.

Дети учились в школах разного уровня, гимназиях, старший сын — в английском колледже закрытого типа в Шанхае, женщины занимались хозяйством — никакой политики. Собственно это и помогло выжить. Русские эмигранты быстро разорялись и становились нищими в чужой стране, где кроме них жили люди со всего света. И коммерческие дела деда шли все хуже и хуже.

Вскоре дед был вынужден продать свой большой дом, и на этой сделке его впервые в жизни обманули, уговорив взять не золотом, а царскими ассигнациями (они потом так и остались тлеть в больших деревянных ящиках).

В начале тридцатых годов японцы создали на северо-востоке Китая государство Маньчжоу-Го, к которому и отошел Харбин, и жить эмигрантам стало еще хуже. А в 1932 году дед неожиданно умер. Наследство было поделено на равные доли, одна из них досталась Владимиру Грякало, однако по причине малолетства распоряжаться он ничем не мог. На семейном совете опекушкой ему назначили родную тетку.

Через год тетка переехала в Шанхай, к другой тетке, где ее муж открыл магазин, и одиннадцатилетнего племянника устроили в английскую школу, где ему довелось учиться шесть лет. Между китайцами и иностранцами часто вспыхивали опасные конфликты, и в 1939 году юноша вступил волонтером в муниципальный русский корпус, обеспечивающий порядок в местах проживания иностранцев. Контракт подписывался на 13 месяцев, после чего волонтеры получали солидное денежное вознаграждение в китайских долларах, равноценных юаням. Но деньги так и не пришлось получить: после одиннадцати месяцев уехали с другом отдохнуть на морской курорт в Цынтяу, где базировался американский флот, да там и остались. Молодость есть молодость.

В далекой России, которую Владимир никогда не видел, шла большая война. Патриотически настроенные русские не по разу ходили в консульство СССР, но всегда получали вежливый отказ — Роди-

Харбин. Китайская улица. Начало XX века. Пристань.

Харбин. Водная пристань
Нового спортивного общества

не они были не нужны. Владимир устроился в Шанхайскую водопроводную компанию и проработал там три года.

Случайно услышал, что отец живет в Пекине, узнал адрес и поехал к нему. Тот жил у китайки мадам Цу в большом доме с прислугой и личным шофером. Конечно, особой любви к юноше отец и мадам не испытывали, но на время была оказана поддержка. Богатая жизнь требовала и нужных знакомств, а в этом Владимир был не очень разборчив, поэтому и решил вернуться обратно в Шанхай. Да и у отца дела пошли хуже, поскольку в его характере присутствовала авантюрная жилка. Мог быть хозяином кофейной фабрики, а через неделю простым служащим. Падения и взлеты постоянно чередовались.

В Шанхае пришлось мыкаться на временных работах, а когда пришли американцы, то устроился в тыловое подразделение армии США рабочим по установке газолиновых печей. В 1946 году вернулся в Пекин, где взяли кладовщиком на американскую военную базу. Работали там не только русские, а итальянцы, англичане, поляки, португальцы.

Американцы тогда выступали в роли миротворцев (подобие Косово) и по сути дела занимались не поддержанием порядка, а распродажей военного имущества через посредничество китайцев. Извлекая выгоду, продавали форму, одеяла, кольты, винтовки, консервы, топливо и все остальное. Этот период пришелся на гражданскую войну между коммунистами и гоминьдановцами.

В 1947 году Владимир Сергеевич опять встретился с отцом, но уже в Мукдене, где полным ходом шла гражданская война. Там и застала его весть о репатриации: наконец Советский Союз разрешил лицам, имеющим российское гражданство, возвратиться на родину. У Владимира таковое имелось с 1943 года — получил в консульстве, когда просился в Россию, чтобы воевать с немцами.

Здесь надо сказать, что желающие покинуть Китай русские в то время разделились на два лагеря: одни, как истинные патриоты, решили ехать в Россию, вторые оказались поклонниками Запада и попросили гражданства в Австралии.

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

С этого номера мы начинаем публикацию материалов для словаря «Писательницы России». Последняя попытка в этом направлении была предпринята в конце XIX века, когда вышел в свет «Словарь русских писательниц» князя Н.Н.Голицына (СПб., 1889). Сознательно оставим в стороне рассуждения о полезности и нужности подобного справочника — ради экономии журнальной колонки. Хронологические рамки нашего Словаря достаточно широки — от зарождения в России изящной словесности, но ограничены первой половиной XX века — женщины-писательницы, родившиеся после 1900 года, просим прощенья, уже не наш «контингент». Зато практически не имеет границ принадлежность обитательниц Словаря к жанру: прозаики и поэтессы, журналистки, мемуаристки, переводчицы, деятельницы науки, издательницы, держательницы лит. салонов, все, так или иначе причастные к миру печатного слова — от широко известных имен до обладательниц хотя бы одной газетной заметки. Назовем самые солидные источники, которыми пользовался составитель помимо уже названного «Словаря русских писательниц»: Русские писатели — новейший и пока самый полный биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917». Тт. 1–4. М., 1989–1999; Венгеров — все 15 выпусков известного исследователя «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» проф. С.А.Венгерова, включая 1-й том его новейшего указателя «Русская интеллигенция» СПб., 2001; Масанов — 4-томный «Словарь псевдонимов» И.Ф.Масанова. М., 1956–1960; ИДРДВ — 5-томный солиднейший справочник «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» М., 1976–1988; Русские писатели XVIII в. — Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1, 2. Л., 1988; Кн. рус. заруб. — «Книга русского зарубежья в собрании Российской гос. библиотеки. 1918–1991. Библиогр. указатель». СПб. 1997; Смирнов-Сокольский — Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965; Голубева — Голубева О.Д. Литературно-худож. альманахи и сборники. 1900–1911 годы. М., 1957. Не называем других источников, т.к. ряд их очень велик.

По нашему глубокому убеждению Словарь подобного рода не может быть завершен: его всегда будет сопровождать вдохновляющее многоточие, и цель нашей публикации, во-первых, привлечь к увлекательной поисковой работе широкий круг любителей литературы и ее исследователей, а во-вторых, дать возможность всем интересующимся воспользоваться хотя бы и не созревшими еще плодами нашего труда. Будем признательны за любого рода дополнения, замечания и поправки.

Юний Горбунов.

Харбин. Китайская лавка на базаре. Новый город.

Советский Союз приготовил для репатриантов огромный комфортабельный пароход. Надпись на борту немецкого судна, по условиям репатриации отошедшего к СССР, быстро замазали и большими буквами написали «Ильич». Отход был назначен на 21 августа, но что-то не сладилось, и срок перенесли. Владимир ждать не хотел, желание быстрее поехать на родину было велико, и взял билет на неудобный старый пароход «Горький», который отплывал из Тяньцзиня.

Чувства, охватившие молодого человека при виде берегов Родины, словами передать нельзя! Пароход пришвартовался в порту Находка, и репатрианты сошли на берег. Некоторые ступили на русскую землю первый раз в своей жизни — по сути сделали шаг в неизвестность.

Сразу пришлось привыкать к новой жизни. В фильтрационном пункте им выдали направления в города, где разрешалось проживать. Большею частью такие оказались на Урале. Владимир получил предписание выехать в Верхнюю Пышму, там и познакомился впервые с горно-металлургическим делом. А через два года оказался в Кировграде, да так и остался в нем навсегда. Некоторые не понимали его: «Зачем приехал, ведь у тебя такие возможности были! А здесь в лучшем случае будешь рядовым инженером с мизерной зарплатой». Конечно, мог Владимир остаться в Китае, мог уехать в далекую Австралию, позднее приглашали родственники в Америку, но понятие Родина для него было свято, и никакие блага не могли ее заменить. На чужбине и мед не сладок.

В лице репатриантов из Китая Советский Союз приобрел образованную интеллигенцию, многие имели высшее образование, получив его в Харбинском политехническом училище, где преподавала еще старая русская профессура. Люди в совершенстве знали иностранные языки, имели опыт ведения и организации дел. Однако радушие родины коснулось не всех, некоторые попали в ГУЛАГ за неосторожно сказанное слово, порой даже за внешний вид, отличающий их от советских граждан. Ничего с этим поделать нельзя — таким было время.

Владимиру пришлось заново учиться в школе, закончил техникум. От старой жизни осталась только любовь к теннису и знание английского языка, да, пожалуй, еще хорошие манеры.

Не только «русскими китайцами», но и «шанхайскими птенцами» называли парней в возрасте двадцати трех — двадцати пяти лет, вернувшихся на свою историческую родину из далекого Китая в 1947 году. Впрочем, почему вернувшихся, ведь они там родились? Вернее будет сказать: обретших родину. Среди сошедших с трапа парохода в дальневосточном порту Находка был и Владимир Всеволодович Киркор, красивый молодой человек спортивного телосложения, про таких говорят: «Все девки — его».

Так уж было судьбой начертано Владимиру — родиться «за кордоном», а не в какой-нибудь российской крестьянской избе или богатой городской квартире. Никто из его родных не бежал за границу от красных, просто дед еще задолго до революции обосновался в Шанхае и работал там начальником русской почты, куда его назначило правительство России. Естественно, был он семейным человеком, вот от дочери-то его и родился Владимир.

Не будем вдаваться в перипетии семейной жизни Киркоров, однако после Октябрьской революции в России дед оказался не у дел: почтовая связь с Китаем стала не нужна молодой советской республике. Считалось, что за рубежом могут жить лишь враги Страны Советов.

Владимира воспитывал отчим, помог ему закончить колледж и получить в Китае аттестат Кембриджского университета и степень бакалавра естественных наук. Полученное образование было достаточно высоким и давало возможность преподавать в любой стране, поскольку на руки выдавалось два диплома: один на китайском языке, другой — на английском. Владимир Всеволодович раскладывает чудом сохранившиеся дипломы, и они занимают половину стола — отпечатанные английской рубленной вязью и крупными китайскими иероглифами на плотной, отличного качества бумаге. Впечатляет! И здесь же приседелась простенькая машинописная копия диплома за номером 1103 в переводе с китайского на русский, заверенная: «Генеральное консульство СССР в Китае свидетельствует о подлинности печати Российского отдела Народного Правительства в г. Шанхае и подписи начальника иностранного отдела Ю. Пэй-Веня».

Здесь мы немножко забежим вперед. Когда Владимир, уже прибыв в СССР, сказал, что у него высшее образование и показал диплом, чиновник повертел в руках диковинную для него бумагу и ответил, что, дескать, такой документ на территории СССР силы не имеет и что, по сути дела, у его владельца образование нулевое. Не знал видно чиновник, что в Шанхайском университете давали в то время более качественные и глубокие знания, чем в советских вузах. Как правило, его выпускники владели не только своими родными языками, но и — в совершенстве — английским.

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

Так или иначе, пришлось «необразованному» бакалавру поступать в вечерний горно-металлургический техникум на общих основаниях, чтобы получить еще один диплом с отличием, на этот раз — «правильный».

Еще в годы Второй мировой войны русские ребята подавали заявления в Советское консульство с просьбой, чтобы им разрешили приехать в СССР и отправили на фронт воевать с фашистами. Но — получали отказы. Причину этого Владимир Всеволодович понял позднее.

Четыре года работал он в Шанхайском отделе интуриста. И вот однажды в советской газете появился Указ Сталина о разрешении выехать из Китая в СССР трем тысячам русских семей. Одновременно за русскими уцепились и австралийцы, которым нужны были хорошие, грамотные специалисты. К слову сказать, отец Владимира имел два высших образования, и уехать в Австралию для семьи Киркоров проблемы не составляло. Однако предпочтение опять-таки было отдано родине, далекой, неизвестной и манящей — с грустными березами, искрящимся под луной снегом, светлыми речками. Стране, где, как считали русские китайцы, нет места несправедливости, бедности и насилию. Но не всех принимала историческая родина — только трем тысячам семей разрешил приехать Иосиф Виссарионович, для остальных не нашлось уголка у матушки России.

В порту Находка репатриантов, кроме соответствующих служб, встречали и «покупатели», в частности, представители крупных предприятий Свердловской области. Уж они-то знали, что среди «шанхайцев» есть много высококлассных специалистов. Многих увезли с собой вербовщики с Уралмаша, а семей двадцать, в том числе и Киркоровы, поехали в Кировград, на родину первой советской меди, где «новым русским» обещали приличные заработки и даже меблированные квартиры. К своей чести, тогдашняя администрация медьзавода практически выполнила свои обещания.

Владимир Всеволодович поступил в техникум, устроился работать плановиком в железнодорожный цех, а через пять лет его перевели начальником планового отдела. Обзавелся семьей.

Мой собеседник высыпал на скатерть стола из железной банки кучу медалей на ленточках и без оных. Оказалось, что все эти знаки и медали получены им еще в Китае за спортивные достижения, рекорды и прочее. Я насчитал 43 награды. Никогда не встречал человека с таким количеством отличий за спорт. Человек-легенда да и только!

В маленьком уральском городе Кировграде осталось только два «русских китайца», остальные приказали долго жить или сгинули в лагерях. Сколько осталось в живых по всей стране — неизвестно, как неизвестны и их судьбы. Возможно, останься они в Китае, жизнь многих сложилась бы по-другому, не пришлось бы в преклонном возрасте считать пенсионные копейки, но родина есть родина — последнее святое слово.

- А., поэтесса.

В моск. журн. «Сын отечества» (1819, ч. 55) напеч. ее стихотв. «Мои надежды».

Слов. рус. писательниц.

А., авт. воспоминаний.

Авт. воспоминаний «Светлой памяти дорогой сестры Софии Ивановны Видинской». - В кн.: Венок на гроб С.И.Видинской. Одесса, 1912. С. 63-74 (1860-е гг. - 1911. Детство. Взаимоотношения в семье Видинских).

ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 4376.

А., авт. воспоминаний.

В моск. газ. «Русская речь» (1861, № 99-101) напеч. «Прошлое. Пансионские воспоминания».

Слов. рус. писательниц.

А - А П - а, авт. воспоминаний.

Учительница церковно-приходской школы в Самарской губ. Оставила воспоминания «Шамордино в 1894 году. (Жен. монастырь Козельск. уезда Калужск. губ.). - Томские епарх. вед., 1905. № 4. С.27-35 (Июнь 1894. Поездка в монастырь. Быт монахинь. Церковная школа при монастыре).

ИДРДВ. Т. 3. Ч.1. № 242.

А. А., поэтесса.

В сб. стихотв. «Грешницы» (Лодзь, 1911) напеч. стихотв. А.А. «Перед судом» («Смотрите все: я хороша...»).

Голубева.

А Надежда, переводчица.

Пер. с франц. ром. Ксавье де Монтепэн «Изабелла блондинки» (СПб., 1876).

Слов. рус. писательниц.

А.К., авт. воспоминаний.

«Рассказ о деятельности сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в минувшую войну». (С 1-го мая 1877 г. по авг. 1878 г.). - В кн.: Сборник военных рассказов... Т.6. СПб., 1879. С.356-367 - подпись: Со слов участницы А.К. (Отъезд из Петербурга. Работа в госпиталях, Зимнице, Адрианополе).

ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 3760.

А.К., авт. воспоминаний.

Дочь управляющего пароходством «Кавказ и Меркурий». Оставила «Воспоминания о холере 1891 года». - Ист. вестник. 1908. Т.114. № 11. С.570-575

Байки

Иваныч спросил: «Где этот-то, как его там?», имея в виду Трофима. Трофим еще по пути к избушке отстал от нас, захотел подстрелить что-нибудь. «Так и заблудился, что ли?» — улыбнулся Иваныч. Я подал ему разделанного зайца. Иваныч недолюбливал Трофима за неразговорчивость и не скрывал этого. «У него на все вопросы: да, нет, да, нет. Я, конечно, понимаю, краткость — сестра таланта. Но не до такой же степени!» — пошутил он как-то, когда Трофима не было с нами.

Я лежал на скамье, сделанной под нары, и выстругивал дудочку. Когда-то этому научил меня друг покойного отца. «Да сейчас он придет, поди.» — сказал Сергей. И правда, зашел Трофим и показал всем подстреленного глухаря. Колька подскочил на месте: «Ух ты!». Он оттянул крыло, и на перьях заиграли отблески огня.

Мы сели ужинать, на столе откуда-то появилась бутылка самогана. Я не любитель, поэтому отправился заканчивать обещанную племяннику дудочку. За столом шутили — до меня долетали обрывки анекдотов, хохот. Серега, как обычно, говорил больше всех. Трофим молчал. Шли охотничьи небылицы (при Кольке никто не манерничал). Начались споры: «Да, ты брось Серега, — кричал Иваныч, — как маленький. Все равно не попадешь». «Коля!, — позвал Серега, — иди сюда, бери бутылку, будешь бросать, а я в неё попаду с первого выстрела». «Хорош!» — рявкнул Иваныч. Серега оставил ружье на месте и сел.

От третьей Трофим отказался, вылез из-за стола и вышел. «Что это с ним?» — удивился Иваныч. Серега опять разгорячился и начал что-то доказывать. Вдруг Трофим вернулся: «Небо звездное — завтра мороз будет». Он глядел в одну точку, куда-то в глубину избы, и вдруг произнес: «А я в прошлом году, когда в лесу заблудился, Дару видел. Она мне дорогу показала, из глухомани вывела» — «Кого-кого ты видел?» — засмеялся Иваныч. «Дару — так она назвалась. Лесную жительницу». «Это белая горячка была, Трофим» — пошутил кто-то. «Их много таких в лесу живет. Они это, с природой в гармонии», — продолжал Трофим. Споры за столом прекратились. «Она за руку меня взяла. В глаза посмотрел. Синие-синие

Все чаще говорят о лесных жителях. Мол, живет в наших леса народ, преисполненный мудростью и природной чистотой.

В тот раз мы, как всегда, набрали провизии на несколько дней и пошли на лыжах к охотничьей избушке, построенной еще летом. Нас было пятеро. Двое — Иваныч и Сергей — городские, и трое деревенские — Трофим, я и мой племянник Колька. Колька давно упрашивал взять его с собой загонять под выстрел диких коз.

Иваныч по пути проверил петли на зайцев, которые ставил в прошлый раз. Седоватый, полный милиционер на пенсии, он всю жизнь проработал в органах. Закалка была видна — двое зайцев попались. Еще бы, в этой науке Иваныч силен.

Обычно охоту мы начинали на следующее утро. Но здесь компания подобралась чудная. Трофим угрюмый и малоразговорчивый был крупного телосложения с огромными руками. Жил он на окраине нашего села один. Мать его умерла несколько лет назад. Жена бросила, уехав куда-то в город вместе с сыном. Сергей — мой ровесник, среднего роста и худощавый, он всегда умел найти подход к пожилым людям. За это его любил Иваныч.

В избушке каждый занялся привычным для себя делом. Распаковали рюкзаки. Сергей с Колькой затопили печь. Иваныч начал готовить ужин — это получалось у него отменно. Натаскали дров, когда

у неё глаза, бездонные (у меня мурашки по телу пробежали) и сила от неё исходила. Ведет меня и рассказывает, а речь у неё такая складная».

«Я знаю, Трофим, — говорит она, — ты этим живешь, своей охотой, и любишь природу. Но есть такие, которые истребляют зверей и птиц ради развлечения. Так нельзя».

Иваныч и так не улыбался, а тут его глаза стали большие, как у совы. Никто не ожидал от Трофима такой лиричности. Он замолчал и впал в свою обычную угрюмость. Я же, напротив, привстал и сел на скамейке

В избушке воцарилась тишина. За окном ветер тербил ветки деревьев. Разные бывают сказки. Например, лесные на ночь.

Рассказал Алексей СМИРНОВ.

Как-то Степа Каюров предложил встретить Новый Год в пещере. Название уральской пещеры намеренно оставлю в тайне, так как боюсь, что нас могут побить спелеологи из СГС. А начиналось все хорошо: небольшой вход в основании огромной известковой скалы, затем короткий коридор, а далее просторный зал и множество ледяных сосул, которые причудливо свисали с потолка и торчали из каменного пола. Красота да и только. Одна крупная сосулька уже срослась с той, что стремилась к ней навстречу снизу. Вот ее-то мы и нарядили как новогоднюю елку, только вместо игрушек там висели карабины, восьмерки, жумары, репшнуры и другое туристическое снаряжение. Фонари с цветными стеклами, а также свечи расставили по сторонам за ледяными творениями природы. Врубили кассетный магнитофон. Пещера наполнилась звуками классической музыки (что-то из Баха). Получилось очень необычно — смесь средневековья и древнекаменного века. Накрыли праздничный стол — нашелся большой плоский камень, на котором уместились все наши разносолы, шампанское и другие напитки. Время подходило к двенадцати и тут.... А я еще забыл сказать, что Степа у нас был химик, вернее студент химфака третьего курса... Так вот он изготовил самодельные

бенгальские огни, которые отличались от фабричных размерами в большую сторону и продолжительностью горения... а еще он приготовил самодельный фейерверк. Но об этом мы узнали после. Свои боеприпасы он продуманно оставил у входа, подальше от свечей. За пять минут до наступления Нового года Степа объявил, что пришло время большого сюрприза и удалился к входу. Появился, вернее, прибежал минутки через три с криком «Все пропало! Спасайся, кто может!». Мы подумали, что это театральная часть сюрприза и спокойно ждали продолжения. И оно не заставило себя долго ждать... Взрыв прозвучал оглушительно, и потрянуло нас основательно. Потухли все свечи и фонарики. Сосульки оторвались от свода, полетели вниз, разбиваясь на тысячи осколков. Досталось хорошо и нам — синяков и шишек не сосчитать — не знаю, как в живых-то остались. Упала и наша наряженная «елка», причем прямо на стол, разбив все бутылки. Брызги шампанского — в темноту. Получилось, как потом сказали «Здравствуй, Степа ... Новый год...!»

Вдобавок ко всему со скалы слетел весь снег и завалил выход из пещеры снаружи. Пришлось еще два часа копать тоннель, чтобы выбраться на волю. Остаток ночи провели у костра, зализывая раны и матеря Степу.

Рассказал Алексей КРУТИКОВ.

Как-то шла одна наша уральская туристская группа на Саянскую реку пешком. Спускаются с перевала по тропе. Реку хорошо видно внизу. Три человека, несмотря на уговоры руководителя, решили срезать путь сквозь заросли кедрового стланика. Остальная группа потихоньку спустилась по тропе. Пообедали, а любителей срезать все нет. Организовали поиски. Оказалось, что все они провалились сквозь стланик со скалы и повисли на лямках рюкзака. Двоих мужиков нашли сразу и сняли. Долго искали женщину. А когда нашли, спросили: «Ты почему нам не откликнулась, ты же слышала и видела нас?» — «А я вам кивала...»

Рассказал Леонид СКРИПОВ.

«Кому я эти песни посвящаю...»

Елизавета Васильевна Виноградова, одна из первых поэтесс на Урале, которая начала публиковать свои стихи в периодической печати. Ее тихие, неброские строки на протяжении пятнадцати лет (1904-1919) охотно печатали газеты Перми, Тобольска, Тюмени, Шадринска, Кургана, Екатеринбургa. Скромная по характеру и должности (она служила помощницей заведующей публичной земской библиотеки в Шадринске) в одном из стихотворений писала: «Я не гонюсь за пышной славой / венки поэзии помят... / Я только женщина усталая, / которую влечет твой взгляд».

Но иногда поэтесса давала о себе знать так, что имя ее становилось известно самому пермскому губернатору. За стихотворение «На Новый год», опубликованное в газете «Исеть» в канун 1914 года, где она так резко отозвалась о тогдашних порядках, что редакция газеты была оштрафована, автора уволили из библиотеки.

Уже при сменившейся власти, в апреле 1918 года в газете «Крестьянин и рабочий», поэтесса заявила: «Они тюрьмой грозили, / смеялась, я в ответ / тюрьма уж не страшна мне, / как в доме хлеба нет...». Словом, это была женщина сильного характера, но при этом, как все женщины, она жаждала любви, материнства, семейного счастья.

Что касается семейного счастья и материнства, то судьба обделила этим Елизавету Васильевну, оставив ее одинокой на всю жизнь. Но любовь не прошла мимо, а напротив стала одной из главных тем ее творчества. Она часто посвящала свои любовные стихи своему избраннику под загадочными буквами: «П. И. Д».

Я так долго тебя не видала,
Так устала душа от тоски,
Но минута свиданья настала
И забыты тревожные дни.
И к рукам я твоим припадаю,
И в глаза я твои посмотрю,
И сказать я тебе все желаю,
Как тебя я безумно люблю.

Чувство настигло Елизавету Васильевну в зрелом возрасте, и какой это возраст не трудно подсчитать: начало любовной лирики у Виноградовой четко помечено в опубликованных стихах — это 1913 год, а родилась она 14 августа 1870 года в Кургане.

Свое страстное чистое чувство Елизавета Васильевна испытала в Екатеринбурге. Но по-видимому, между влюбленными произошла размолвка, и Виноградова в знак протеста покидает Екатеринбург. Естественно, в таком случае происходит объяснение, и вот как излагает свою позицию в данной ситуации поэтесса в стихотворение «Прощание»:

Свой женский стыд я позабыла,
Сказала, что люблю тебя,
А впереди одна могила,
И не нужна любовь моя...
Последний вечер, провожая,
В глаза любимые смотрю,
Ни в чем тебя не обвиняя,
Другой дорогой я пойду.

Однако надежда умирает последней.

Отношения двух близких людей восстанавливаются вновь, их сближению способствуют и те события, которые переживает вся Россия — Первая мировая война. Возлюбленному Елизаветы Васильевны не было другого пути как на фронт. Она понимает это и спешит ему навстречу: «Как сердце сжалось больно, / застану ли я вас в городе большом?»

Встреча произошла, и стало ясно, что любимый уходит на фронт. Елизавета Васильевна глубоко переживает событие, но в этот момент больше думает о счастье любимого.

Эта последняя (последняя ли?) встреча вселила в нее большие надежды и одновременно разочарования...

Когда мной было собрано почти все, что опубликовано поэтессой Виноградовой, то невольно

встал вопрос: кто тот мужчина, кто покорило сердце женщины, воодушевил ее на написание стольких стихов, определил целое направление лирики поэтессы Виноградовой?

Сама она неоднократно заявляла: «Я не выдам своей тайны, / на меня ты не смотри...». «Кому я эти песни посвящаю, / того, увы, назвать не смею я... / Когда-нибудь случайно их читая, / не проклинайте бедную меня!..».

Действительно, ни в одной из публикаций Виноградова не называет мужских имен. Есть правда несколько стихов посвященных А.И.Шубину-Кунгурову (см. о нем очерк в «Уральском следопыте», 2004, № 4), но он не в счет. Я решил продолжить поиск, памятуя, что женщина не умеет долго держать тайну и выдаст ее не прямо, так косвенно, каким-нибудь намеком.

И вот читаю стихи из «Уральского альбома» Е.Виноградовой.

В недрах Урала глубоких
Много таится камней дорогих,
В вашей душе одинокой,
Много таится стремлений святых.
Я их случайно узнала
Тайну о том сохраняю...
Пусть же останется тайной,
Как безгранично люблю!

Опять леса и изредка лишь нивы,
Заводов ряд, что издали красивы...
Мне говорят склонившиеся ели:
«О, не спеши от нас так, не спеши!
Забудь свои заботы и печали
Под нашей свежей тенью отдохни!»

Пашия и Бисер — все быстро промелькнуло
И воды Чусовой блещут передо мной...

Стоп. Пашия и Бисер. Это заводские поселки, расположенные в самой глуши горнозаводского Урала, которые далеко не всем известны. Поэтесса Виноградова, родилась в степном Кургане, каким образом она узнала о них? Судя по стихам, она была в этих краях вместе с человеком, который показал ей эти красивейшие места.

Может быть, здесь разгадка тайны любовной лирики Виноградовой? В Пашие родился, а в Бисере вырос другой уральский поэт Николай Федорович Новиков, он же Черешнев, и посвящение «П. И. Д.» можно расшифровать как «поэт и драматург». Черешнев автор ряда пьес, которые шли по всем сценам Российской империи, в его творчестве тоже

много места занимает любовная лирика и есть стихотворения в прозе: «Любовь», «Цветет сирень» и другие. (см. о нем очерк «Поэт весны» — «Уральский следопыт», 2003, № 1).

Сложность отношений двух творческих натур Черешнева и Виноградовой заключалась, по-видимому, в том, что у них был большой возрастной разрыв не в пользу женщины, а это всегда вызывает нездоровый ажиотаж у окружающих людей. Не случайно Е.Виноградова однажды воскликнула: «Людской насмешки жало пронзило душу огненным мечом!»

Каково было чувство Черешнева в этом союзе, сказать трудно, в его творчестве нет намеков на отношения с Виноградовой, но общность творческих интересов их сблизжала. Н.Черешнев в 1913 году опубликовал цикл стихотворений (20) под названием «Цветы и песни», где можно найти такие строки: «Я сегодня в кого-то, как мальчик, влюблен, / беспредельно печален, и нежен, и юн»...

Трагично сложилась судьба поэта Н.Черешнева. Он добровольно поступил в Павловское военное училище, окончил его прапорщиком и был направлен вновь в Екатеринбург, его полк квартировал в поселке Уктус. Отсюда, с Урала, через Архангельск он был направлен в составе русского экспедиционного корпуса во Францию, и погиб в далекой теплой Европе 6 декабря 1916 года.

Автор очерка упорно и долго искал отклики в стихах Е.Виноградовой на гибель близкого человека, но тщетно, она не хотела его воспринимать в прошедшем времени. В страшной войне, порвали многие людские судьбы, далее последовала революция и гражданская война. В творчестве Е.Виноградовой все больше стала преобладать тема одиночества, тоски и социальной несправедливости, она часто обращается к памяти своей матери и погибшего любимого. Она публиковалась до последнего момента, пока существовала свободная пресса. В последнем ее стихотворении «Песня», опубликованном в Екатеринбурге в мае 1919 года, в восьми строках прослеживается и юношеская радость, и память о любимом, и настоящее состояние души.

Хоровод идет и вьется,
Любо мне... душа смеется.
Ведь со мной
Любимый мой...
Хоровод идет и вьется,
По иному сердце бьется...
Миновалась весна,
Я одна теперь, одна.

Со становлением пролетарской поэзии и развитием социалистического реализма имя Елизаветы Васильевны Виноградовой, как впрочем и многих, многих других, сошло со страниц уральской прессы.

Валентин НИКОРА
Художник Ирина КАМЫШЕВА

За гранью

– Драконов не существует! – рявкнул граф Орлэв. – Слышите, вы, книжные черви?!

Придворные маги согласно склонили головы.

– Если вы, гнусные лжецы, не можете вдохновить армию своими дешевыми трюками, то зачем я вас вообще кормлю?

– Граф, – самый старый колдун тряхнул сальными волосами, – я уже давно не в том возрасте, чтобы трястись от одного вида костра или дыбы, а потому я скажу. Слухи – птица крылатая. Залей ты сегодня мне глотку раскаленным серебром, и завтра же легенда о неуязвимости дракона достигнет

всех окрестных королевств.

Орлэв нахмурился:

– Продолжай.

– Граф – это не тот титул, которого достоин драконоборец. Победить зверя на глазах своей доблестной армии – вот что откроет путь к серебряной короне Плайтонии.

– Лизоблюды вы, а не маги! – Проворчал Орлэв, но уже более спокойно.

– Три года в ставке хана Улука любого пропитают змеиной мудростью и волчьей беспощадностью, граф.

– Не назначить ли мне тебя визирем, маг?

– О, нет, не стоит, – старик даже усмехнулся. –

Я еще способен вызвать и дождь, и шаровую молнию. Мне ли наушничать? Пусть эту высокую науку постигают истинные фокусники.

– Ты нахал, маг! – граф швырнул в стену золотой кубок. Вино выплеснулось на голубые gobелены, оросило вытканых сражающихся бойцов так, что казалось, будто это проступила кровь раненых.

– Увы, грешен, – кивнул головой старик. – Но только дерзость может быть оценена по достоинству. Молчание сохраняют жизнь, говорящие – обретают царства.

– Ты у меня обретишь, – мрачно пообещал граф, – сосновый дом без окон и дверей.

– Тоже годится, – согласился маг. – Стать в балладах бессмертным борцом с графской тиранией – не самая плохая участь.

Орлэв хрипло рассмеялся:

– Да, три года в ханской ставке закалили тебя, Вольга. Хорошо, напони мне суть спора, а то что-то память меня сегодня подводит, да и слух вдруг от удивления притупился. Так ты мне предлагаешь выйти с мечом против зверя, который размерами с терем? А в своем ли ты уме, старик? Ведь вас там была дюжина, и вы бежали. Да ты еще смеешь бахвалиться передо мной какими-то шаровыми молниями?

– Драконы – одиночки, – старик хитро наклонил голову набок. – Но как-то же они размножаются.

Граф зло прищурился:

– То есть я убью детеныша, а потом мы мощью всей армии завалим и освежаем взрослого зверя. Мало того, что ко мне может приклеиться слава детубийцы, так еще и разъяренная самка будет драться с особым ожесточением. И это нынче зовется мудростью?

– Вообще-то мы видели только одного дракона, – робко вставил один из молодых волшебников.

Графу поднесли новый кубок. Орлэв взял бокал, осушил его и вернул на поднос:

– Кажется, я вас прекрасно понял. Что ж, идите и делайте.

– Приятно быть подданным мудрого правителя, – склонил голову старый Вольга.

– Ладно, не подлизывайтесь. Проваливайте с глаз!

Когда маги удалились, граф поднялся с трона, подошел к окну и посмотрел на небо: «Дракон. Господи, какая наглая ложь! Кругом сплошные мошенники. Но на что не пойдешь ради власти?»...

– Слава, куда ты пропал?

– Да здесь я, мама, – вздохнул поднявшийся из кустов белобрысый курносый мальчишка.

– Опять ты у этого арыка возишься?

– Жалко тебе, что ли?

– У нас теперь собака будет. Ты рад?

– Что у тебе, малыш что ли? Вы же ее на цепь посадите.

– И в кого ты такой умный?

– Тебе виднее, – Славка дерзко тряхнул головой. – Я могу играть дальше?

Мать вздохнула:

– Я стараюсь, рук не покладываю, собаку ему раздобыла. И вот она – благодарность!

– Таю просто от твоих забот! – зло крикнул мальчишка. – Я просил щенка, когда мне было семь лет. А сейчас мне уже десять. Десять, если ты не заметила! И я хотел друга, а не раба на цепи!

– Слава!

– Что Слава? Я десять лет Слава. Тошнит уже от твоей опеки!

– Дьяволенок, – покачала головой мать, глядя, как босые пятки мелькают уже на другом конце улицы.

Граф Орлэв отошел от окна. Серебряная корона Плайтони – это здорово! Да, это завидный куш. Вот только обломится ли он?

– Оставьте меня одного! – рявкнул граф.

Почетный караул, стоящий за тронем и у входных дверей, удалился, чеканя шаг. Девушка с подносом скользнула следом.

Оставшись в пустом зале, Орлэв снял с пояса массивный бронзовый ключ, подошел к входным дверям и заперся изнутри.

– Снова граф чудит, – слышался сдержанный шепот.

– Опять будет всю ночь свечи палить. А воск нынче дорогой. После пожара на пасеке Трифонова еще и медовуха в цене, – подал голос другой стражник.

– И зачем нашему графу магии? Он и сам колдун изрядный. Да об этом все в округе говорят.

– Тише ты, дурень! Вдруг сам услышит, не сносить тогда головы!

Орлэв покачался на носках и усмехнулся: «Вот, значит, как! В округе меня считают чародеем. Что ж, весьма полезный слух».

Граф вернулся к трону, повернул вбок левый подлокотник в форме свирепой львиной морды, ближайшая стена отъехала. В темноте призывно мерцали ступени. Орлэв взял со стены горящий факел и отправился внутрь потайного убежища. Стена плавно встала на место.

Это была библиотека. Все восемнадцать магических манускриптов и семь волшебных фолиантов, все великие тома мира были здесь, в этой комнате.

Впервые чудо появления этих книг произошло семь лет назад. В то время это место не было еще тайным святилищем, и граф использовал его совершенно по другому назначению. Раньше он водил сюда дворовых девок. В тот памятный день не успел он приласкать горничную, как стены замка дрогнули, загудели. Девка заголосила и бросилась к запертым дверям.

– Дура! – крикнул Орлэв. – Срам прикрой! – и швырнул платье вослед.

В те дни графиня была тяжела первенцем, и ей вовсе не нужно было знать о том, где и с кем про-

падает ее муж. Скандалы были крайне нежелательны.

Девка выскочила в тронный зал, там уже и оделась. А граф остался.

Гул затих, но зато появилось сияние. Над столом вспыхнул и повис голубой шар.

Граф тем временем тоже натянул и штаны, и камзол. Он смело придвинулся к сцению. И вдруг из шара выпали три пергамента. Они были из хорошо выделанной телячьей кожи. Граф почесал в затылке, но не испугался. На пергаменты стали появляться загадочные знаки. Казалось, это невидимая рука ангелов писала законы для людей. Граф крикнул от удивления. Он знал историю явления Священного Камня, обретенного на Огненной горе. Но чудо произошло тогда с великим Мавританом. Святой перед этим сорок дней постился, не мылся, не стригся и уж тем более не баловался с женщинами. Орлэв же за последнюю неделю нарушил все правила праведного жития. Однако чудо происходило на его глазах. Значит, либо легенды так же лживы, как и придворные маги, либо чудеса – для всех.

Пока пергаменты покрывались письменностью, граф допил вино, почесал брюхо и даже поймал назойливую муху. Наконец, часа через три свеченье погасло, пергамент свернулся в свитки. Конечно, Орлэв не смог устоять перед искушением и тут же сунул нос в пророчества. Это оказалась клинопись – язык северного племени нейтов, та самая полузабытая письменность, над изучением которой граф, по принуждению отца, провел лучшие годы своего детства. Графу долго пришлось возиться с переводом, он даже нашел старые учебники по грамматике и пару словарей. Но свитки стоили потраченного на них времени. Это были исторические хроники. Главное их достоинство было в том, что они оказались правдивы, без прикрас и преувеличений. Здесь приводились точные географические карты, схемы крупнейших батальи. Указывались места тайных захоронений витязей и батыров. А ведь в таких могилах, помимо доспехов и золота, была еще и тайная мистическая сила. Стоило лишь коснуться мощей древних воинов, как на любого нисходила удача и неистовая ярость – вещи весьма полезные как во время войны, так и в мирное время. Пренебречь такими знаниями было бы глупо.

С тех пор в потайную комнату граф никого больше не водил. Это не означало, конечно, что он отказался от вина и от прочих излишеств, просто чужие глаза, длинные языки и великие тайны – вещи несовместимые.

А рукописи все появлялись и появлялись. В скором времени скопилось целых восемнадцать свитков. А потом из голубого шара стали выпадать и

новейшие книги, какие вошли в моду в Вечном городе всего семь лет назад, с переплетом страниц, прошитые воловьими жилами, с текстом на обеих сторонах листов, в серебряном окладе и с массивными застежками. Сами по себе, вне зависимости от содержания, эти книги ценились очень высоко.

Таким образом, граф завладел не только мудростью, но еще и настоящим сокровищем, которое в голодные годы можно было выгодно продать тому же королевскому архивариусу.

Теперь же, сразу после дерзкого заявления магов о появлении в стране драконов, спустившийся в свою сокровищницу Орлэв поджег от факела свечи, устроился за столом, развернул один из свитков.

«В первое лето от Сотворения воды не было. И вся земля была Старым Миром, окруженным безжизненными песками. И не было нигде никакой жизни».

Эта фраза особенно нравилась графу, и всякий раз свое чтение он начинал именно с нее.

Зажмурив глаза, Орлэв покачался в кресле, а потом взял другой свиток, развернул его до середины и прочитал:

«В лето 3560 от Сотворения Мира из Великой Пустоши снова пришла беда. На этот раз объявился свирепый и ужасный дракон. Он был черен, как ночь, а глаза его казались серебряными, как звезды. И первый его удар пришелся по Вечному городу».

В то же лето сгорел Кремль и все укрепления. Погибли знаменитые височные сады и библиотеки. Пострадала картинная галерея и Осенний королевский дворец. В результате налета и паники были опрокинуты и разбиты многие скульптуры пращуров и идолы богов. Статуи «Метаморфозы» и «Большого Золотого Льва» успели сплавить на плотах вниз по Арынке и водрузили в Сиранавии. В давке задавили сорок три человека. Двадцать солдат погибли, отражая нападение дракона».

В тот же лето в Померании выдалась засуха, и крестьяне вместе с семьями подались на север, на Край Земли».

На дворе как раз был 3560 год от Сотворения земли, или сорок третий от основания Вечного города – столицы Плайтонию, фактического и культурного центра всего Старого Мира.

Может быть, маги правы? Но откуда в степи дракон? Им же нужны скалы, пещеры для логова. Выходит, за Железным Улусом, за землями хана Улука, и впрямь возвышаются мифические скалы Душе? Тогда получается, что свитки правы и в том, что кочевники Железного Улуса произошли от смешения народов, что две тысячи лет тому назад степи и в самом деле захватили джиги, вышедшие из подземного Оркостана.

Эта последняя легенда о том, что в жилах ханских людей течет кровь демонов, была для графа самой неприемлемой. Но с другой стороны, Орлэв однажды лично допрашивал подданного Железного Улуса. Разведчик был обычным степняком: с узкими от песка и ветров глазами, кривыми от вечной езды ногами, редкими черными волосами, смуглой кожей, напоминающей, что его предки – именно подземные жители. Пленник смотрел бесстрашно, точно дикий зверь. В его глазах не отражалось ничего. И даже когда граф собственноручно вспорол дерзкому соглядатуя живот, зрачки врага и не сузились, и не расширились. Степняк даже не заметил собственной смерти. Это вселяло ужас.

Армия таких смертников рано или поздно должна была обрушиться на благословенный отчий край. И желание каждого вассала быть в своих землях маленьким богом непременно приведет к тому, что Улук разгромит всех поодиночке, а потом обложит всю Плайтонию непомерной данью. И то, что дракон сделал налет именно на Железного Улуса, становилось первым трагическим предзнаменованием. Возможно, в крови бывших демонов горела магия, подчиняющая себе волшебных зверей, и это означало, что война близится, и никому не устоять. Единственная надежда была в отступлении или на Край Света, или за океан.

На следующее утро графа разбудил переполох. Орлэв оделся и вышел в тронный зал. Там его уже ждали.

- Беда, государь!
- Черный дракон спалил Вечный город? – Зевнул граф.
- Откуда вы знаете?
- А зачем я держу астролога и магов? – Орлэв покачал головой. – Дракон нам не страшен. Погромам подвергнется только столица.
- Но, государь! Это еще не все. Вы только гляньте на Арынку!

Граф поднялся на дозорную башню и сквозь трубу с магическими хрустальными осмотрел окрестности. Воды Арынки были бурными, со щепой. Река текла с севера, а это означало, что на Краю Света тоже случилось что-то страшное. «Похоже, нас зажали в кольцо. С одной стороны дракон и Железный Улус, с другой – неведомая опасность. Скоро наследники Оркостана хлынут в леса Плайтонии. Они пройдут с мечом и огнем, их не остановить, если не объединиться. Похоже, плакала моя серебряная корона». – Так подумал граф и велел собирать дружину, рубить плоты и лодки, снаряжать боевые корабли. Орлэв надеялся проскочить в океан до великой беды, но мыслями своими он ни с кем не делился. Если нашествия степняков не будет, то возвращаться домой с позором ему не хотелось. А чтобы не сеять панику, граф решил не брать с собой ни жену, ни первенца. «Будь что будет», – решил Орлэв.

Славка вернулся домой только после того, как мать снова ушла на работу. На столе лежала записка: «Слава, будь умницей. Собаку зовут Динга. Не лезь к ней, она должна к нам привыкнуть».

Славка молча скомкал бумагу и выкинул ее в мусорное ведро. «Дингой зовут только диких собак», – подумал мальчишка и вышел во двор.

Возле ворот бегала черная поджарая собака. Она была еще очень молодой, и потому лапы и уши у нее были слишком большими. Славка и не собирался играть со щенком, он уселся на ступеньках крыльчика и принялся строгать небольшую дощечку.

Почему мать никогда не думает о других? Это же ей нужна собака, чтобы успокоить свою совесть. Но толку-то сейчас даже от самого свирепого волкодава? Кроликов ведь уже украли. Все Славкины сбережения за полгода, все они теперь пропали. Теперь Славка в жизни не станет рисковать и вкладывать деньги в то, что зависит от прихоти родителей. Никогда! Мир устроен несправедливо, и жить в нем нужно по его законам. Интересно, куда только бог смотрит?

Динга затихла, принялась и вдруг начала рыть землю у корней клена, именно там, где полтора месяца назад Славка построил свой первый настоящий город. Мальчишка все делал основательно и серьезно. Сначала он возвел часток. Каждую веточку, каждую дощечку он заострял с обеих сторон и аккуратно вбивал их в разрыхленную землю. Потом из щепы Славка клеил дозорные башни, из использованных спичек получались избы. Клей ПВА иногда вытекать белой массой и застывал на стенах башен и домов, точно цемент или штукатурка. Потом парень вырыл ножиком ров, а к входной башне на обрывах старой цепочки приладил подъемный мост. Все это требовало усидчивости и времени, потому очаги культуры: библиотеку и картинную галерею – Славка смастерил уже из готовых коробок, прорезал окна и двери, наклеил крышу – и готово. Правда, бумажные здания мальчишка выносил во двор лишь во время игры, чтобы они не размокли под дождем. И вот теперь, когда Динга обнаружил у себя под носом нагромождение веточек, спичек и коробок, то все это великолепие подверглось собачьему погрому.

– Зверюга! – в сердцах плюнул Славка.

Собака наклонила голову, повильяла хвостом, еще пару раз ударила лапой по руинам, отошла к будке и в изнеможении плюхнулась на землю, поднимая клубы пыли.

Славка отправился к дереву, за кусты. Три южные башни, половина частокола, статуи четырех королей – все это превратилось в щепки. Но могло быть и хуже! Снесенной оказалась лишь часть города. Видимо, дальше щенок пока не дотягивался. Остались невредимыми предметы особой Славкиной гордости: вырезанный лев, раскрашенный акварелью, и статуя вазы, названная красивым, почти волшебным словом: «метаморфозы».

Здесь, у дерева, под защитой разросшихся кустов сирени, было очень удобное место для игр. Если присесть на корточки, то никому не видно, кто и чем там занимается. И небольшой изгиб арыка, по которому раз в неделю текла вода, заливавшая картошку, казалась той самой благоприятной излучиной, у которой все нормальные люди, если бы они были ростом с пальчик, непременно бы основали город или замок. Сейчас стоило только сдвинуть южные границы города, и дома стали бы вне досягаемости Динги. Но Славка решил, что раз он уже выдумал целый народ, то эти люди теперь просто обязаны биться за свою независимость! И если честно, то так, пожалуй, интереснее, нежели воевать с самим собой. Вот угадай, что взбредет в собачью голову? А ведь настоящий враг он такой же: коварный и непоследовательный. А еще: жадный, но умный. Только вот как описать в летописи ярость Динги?

«Черный дракон, — рассеянно подумал мальчишка. — А что? Очень похоже. Цвет совпадает, рост тоже. Пусть так и будет».

Почему-то вдруг подумалось, что если бы существовали гиганты и огромные собаки, то такого сорвавшегося с цепи пса в какой-нибудь древней Греции вполне могли принять за чудище или за Цербера. Славка поехал. Гиганты, циклопы, снежные люди, даже ангелы — это все сказки. Если даже они и были, то давно умерли. Что за радость жить с одним глазом или чистить по утрам не только зубы, но еще и перья? Мысли мелькнули — и пропали.

Славка вернулся к реальной жизни. Сегодня собака не дотянулась до статуй льва и метаморфозы, а что будет завтра? Частокол и дома можно отстраивать десятки раз, но оставлять в растерзанном городе что-то особо дорогое не хотелось. Ведь над уцелевшими фигурками Славка повозился без малого пару недель. Значит, нужно было возвести еще один город, в более безопасном месте. Например, по другую сторону сиреневых кустов. Там ведь тоже была излучина.

Подумав, Славка решил перенести в новую крепость и уцелевшие бумажные домики: библиотеку и картинную галерею. Ведь это были не просто коробки из-под сахара с окнами и дверями, в них хранились истинные ценности.

В библиотеке лежали самые настоящие свитки. Славка делал их на древнеримский манер. Выступив палочку, на которую наматывал пергамент, то есть склеенные лоскуты розовых промокашек, писал на них придуманными иероглифами. Язык этот походил на китайский не только своей замысловатостью, но еще и тем, что каждый значок обозначал не букву, а целое слово. А как еще можно уместить что-то интересное на пергаменте размером с мизинец? Чтобы книги не истрепались и смотрелись наряднее, последний виток промокашки всегда обклеивался серебристой фольгой от сигарет. Все пергаменты были к тому же перевязаны

ниточками, на концах которых непременно красовались кусочки пластилина, имитирующие сургучные печати.

На стенах картинной галереи висели всяческие портреты выдуманных бородатых королей и прекрасных принцесс. Были здесь и полководцы, и купцы. Имелись какие-то мифические закаты, горы, леса. Не обошлось без батальных сцен. Одна картина изображала рыцаря, бьющегося с драконом, но не так символично, как это делает Георгий на старом московском гербе, а более реалистично. Дракона Славка срисовывал с kota, а потом добавил ему эльфийские уши, коровьи рога, хвост скорпиона и крылья грифона. Получилось устрашающе. Был один конный турнир, один поединок и три глобальные битвы со степняками. Сначала Славка рисовал свои шедевры ручкой и на картоне. Потом — цветными карандашами. Позднее мальчишка додумался клеить куски белой ткани на картон, рисовать на них карандашами с обводкой авторучкой или тонким фломастером, да еще поверх он обклеивал все это спичками. Получались картины в рамках.

Конечно, на самом деле внутри коробки, имитирующей галерею, на стены можно было прикрепить не более шести картин. Остальные лежали кучей на полу. В конце концов, это была всего лишь игра. И маленького народа на самом деле не существовало. Все равно никто, кроме самого Славки, не разглядывал все это великолепиие.

Так была создана культура.

Поворчав еще немного на собаку, Славка перенес разрушенную стену столицы подальше от вражеских когтей, а потом принялся за строительство нового города — здесь же, в двух шагах от дерева. Мальчишка снова выстрогал частокол. А потом установил туда все свои спасенные статуи и дома.

Когда новый город стал похож на ошестинившуюся колыями деревню, Славка вспомнил, что именно сегодня вечером подходила очередь на полив картошки. Колонка была одна на всю улицу, на все восемь домов, но не простая, а с мотором. Ее включали каждый день. Но дней в неделе было меньше, чем домов, поэтому очередь на полив все время сдвигалась. От колонки вода текла по трубам, присыпанным землей, потом, во дворах домов — по арыкам. Арык тянулся до ямы, сворачивался трубой под калиткой, орошал кусты и дерево, чтобы снова обернуться трубой перед въездом в гараж, а там уж была посажена картошка.

Дингу посадили как раз подле гаража, где и трава-то не росла, а клубилась лишь пыль. Вот и получалось, что Славка был богом на маленьком пятчке земли, где на одном краю из трубы раз в неделю вырывалась настоящая река, а на другом — начинались настоящие степи.

Итак, вечером будет вода, значит, нужно создавать флотилию. Два города — это не один. Людям теперь необходимо плавать. Торговать шелками и всяческими излишествами. А в случае угрозы на-

бегах из степи на кораблях удобно перебрасывать по реке армии. Нет, что ни говори, а флотилия стала просто необходима.

«Вот так я и прорублю окно в Европу. Вернее, куда-нибудь в другое сказочное королевство, — подумал Славка. — А все из-за Динги. Что ни говори, а нет худа без добра».

Славка притащил из дома аляповатый парусник с ситцевыми парусами. Но какая же это флотилия? Недолго думая, Славка смастерил шесть бумажных корабликов, на борту каждого из них написал разные имена, в каждый посадил по пластиковому солдатику. И все-таки чего-то не хватало.

«Конечно же, — догадался мальчишка, — не было знамен! Ни над городами, ни над кораблями, ни над своими армиями, ни над вражескими полчищами. А ведь два города — это уже королевство! И у него нет ни герба, ни гимна».

Вскоре выяснилось, что геральдика — наука многотрудная и замысловатая. Выдумать что-то оригинальное оказалось не так-то просто. Орлов, тигров, львов, а также драконов, единорогов и грифонов — все это расхватали другие.

Славку также мучил вопрос, как лучше расположить на знамени три цветные полосы: вдоль или поперек? И что будет символизировать каждая полоса?

А еще Славка понимал, что все эти гербы и флаги нужны были каждому городу, каждому кораблю, каждому полку! Игра принимала новый оборот. Славка полез в учебники истории, в энциклопедии.

Прошло недели две с тех пор, как дракон разорил Вечный город. Вверх по Арынке всё плыли и плыли беженцы — кто на лодках, кто на плотках, без усталости отталкиваясь шестами, борясь с течением. Люди стремились на север, но до графства Орлэва доплывали единицы. По слухам, вся лавина беженцев оседала в Сиренавии. В маленький провинциальный городок спешно вывозили книги, картины, статуи.

Орлэв понимал, что на его глазах вершится история, что центр Старого Мира медленно перемещается в Сиренавию. И кто будет владеть этим городом, тому и достанется серебряная корона Плайтонию. Но граф не спешил, он догадывался, что хан Улук не дремлет, что он копит силы, готовится к решительному удару. После драконьего налета Вечный город станет легкой добычей. К тому же в Померании разразился голод. Соседний князь Игорь собрал свой народ и, оставив родовой замок, отправился на север. Померанцы прошли вдоль границ Орлэвского графства. Значит, если разразится война, померанской дружины уже не будет. И это тревожило. Об этом предупреждали магические книги. И до сих пор все появляющееся в свитках пророчества исполнялось точно и в срок. Одно терзало графа: вся история творилась

на западном берегу Арынки, и не было в летописях ни единого упоминания о самом Орлэве. От спектакля с победой над черным драконом пришлось отказаться. В общей лихорадке, накрывшей страну, подобное известие вызвало бы в народе лишь саркастическую усмешку.

И если с юга появлялись переселенцы, то с севера по Арынке много дней подряд гнало пену и щепу, вода шла с глиной и оттого казалась кровавой. Орлэв подозревал, что боги решили уничтожить весь этот мир, чтобы заселить землю новыми людьми, вот они и шлют одно несчастье за другим, вот и сжимают Плайтонию в огненное кольцо. Но граф знал, что из любого тупика непременно найдется выход, что обычно побеждает тот, кто гребет по течению, а не против него. Ведь когда на пути появляется опасность, оставший от борьбы с рекой может и не осилить новых препон. На самом деле мир устроен просто, без особых затей. И даже злые боги иногда отвлекаются от людей. Кто хочет выжить и победить, непременно этого достигает. Погибают лишь те, кто может представить себе свое поражение.

На третью неделю Орлэв решился на путешествие. Он погрузил на корабли дружину, запасы провизии и взял курс на юг, по течению Арынки. Граф убежал от ига, от дани, от смерти. Так ему тогда казалось. А оставшимся женам и детям было объявлено, что воины отправляются искать новые плодород-

ные земли, богатства и славу. Эта была маленькая ложь, ведь Орлэв действительно мечтал расширить границы собственных владений.

На пристани плакали женщины. Среди них была и жена самого графа, и маленький наследник. Орлэв догадывался, что видит их последний раз в жизни, и что-то похожее на угрызения совести шевельнулось у него в груди. «Я же вернусь», – солгал сам себе Орлэв. – Ведь пророчеств о вторжении из Железного Улуса нет. Это лишь мои смутные предчувствия, которым грош цена в базарный день». Летописи действительно молчали о желаниях хана Улука.

Корабли отчалили. Над рядами встрепенулись черные геральдические орлы, летящие на белых полотнищах.

Вечером Славку позвал отец:

– Ты чего матери грубишь?

Мальчишка обиженно засопел:

– А чего она?

– И чего?

– Я ведь говорил, что кроликов нужно на ночь домой заносить! Так нет же! Да и собака эта, она же на цепи. Что с нее толку, если ее можно обойти?

– Славка, ты же мужчина. Ты должен понимать, что ты – сильнее. Слушай всех, но делай по-своему.

– Я и делал, – проворчал Славка, – так она выкинула кроликов из прихожей, пока я спал!

– Эх, Славка! Мог бы их закрыть в сарае. Знаешь же, что мать – человек настроения, а мы с тобой – мужики хозяйственные. Ну ладно, что было, то прошло. Говорят, ты целыми днями из кустов сирени не вылезаеть?

– Неправда! – вспыхнул Славка. – Я все свои обязанности выполняю! От ведер у меня даже руки болят. Побегай-ка сам по огороду с ведрами! И куры у меня всегда накормлены, и свиньи. Терпеть не могу навоз из сарая вычищать, но ведь делаю, не жалуюсь. А вы меня теперь играми попрекаете!

– Хорошо, хорошо, – замахал руками отец, – я с тобой не спорю, ты у меня настоящим мужиком растешь. Во что ты хоть там играешь?

Славка недоверчиво покосился на отца: взрослые редко интересовались его делами. Им всем был нужен не сам Славка, а его отметки в дневнике, да чтобы он не болтался под ногами, когда приходят гости, а в девять чтобы лежал в кровати.

– В Плайтонию, – буркнул мальчишка.

– Во что?

Славка замялся:

– Я страну такую выдумал, как у Льва Кассиля. Только у него – Швамбрения, а у меня – Плайтония.

Отец удивленно вскинул брови:

– Швамбрения – образована от швабры и брани, а Плайтония от чего?

– Мне Плутония нравится, – улыбнулся мальчишка, – но она под землей и про нее книга тоже уже написана. А я хочу, чтобы ни у кого больше такой страны, как у меня, не было. А еще я слышал, что на Кавказе, если девушка бросит платок перед армией, стоящими на поле битвы, то солдаты не воюют. Поэтому и Плайтония, чтобы не сразу догадаться насчет этого платка, но чтобы из названия было

ясно, что королевство сказочное. Ведь на самом деле, хоть закидайся платками, войну не остановишь.

– Ну, Славка, ты прямо философ. Покажешь свою страну?

– А смеяться не будешь? Ладно, пошли.

Отец внимательно рассмотрел частокол, оставшиеся после собачьего налета башни, бумажные дома. Угадал, что статуя льва – это не просто деревяшка и не король, даже в метаморфозе увидел именно вазу. Взяв наугад из библиотеки свиток и развернув его, отец присвистнул:

– Славка, так ты еще и тайный язык придумал?

– Ага, – мотнул головой просиявший парень. – Правда, у меня пока лишь 127 иероглифов.

– И как же понимать твою тайнопись?

– Так я ведь перевод тоже делаю, – улыбнулся Славка и показал маленький, но пухлый самодельный блокнот.

Отец прочитал: «В лето 3560 от Сотворения Мира. В то же лето граф Орлэв со своим воинством отправился по реке в сторону Железного Улуса. Он проплыл подземными водами и оказался в открытом океане».

– И где у тебя океан?

– На картофельном поле, – пожал плечами мальчишка. – Там все равно играть нельзя. И вода там бывает.

– Хочешь дельную мысль?

Славка независимо пожал плечами.

– Курятник можно назвать страной Василисков. А кладовку с углем – Черногорией. А еще вон там, повыше от твоего нового города, арык можно развести на два русла, и получится настоящий остров. Вот на нем и построишь замок, чтобы все было настоящим.

Славка просиял:

– Точно, так я и сделаю. Знаешь, я уже пробовал лепить кирпичи из глины, обжигать их. Но вот сложить из них башню у меня не хватило терпения. Да и глины тоже.

– Ладно, – отец мотнул головой. – Подумаем над твоим горем. А теперь – спать. И что бы ни было, матери больше не дерзи. Лучше промолчи и меня дождись. Вместе что-нибудь да придумаем.

Целый год провел граф Орлэв в морских скитаниях. Люди начали роптать. Разбитый во время бури компас давно не показывал стороны света, а на звезды было мало надежды: никому еще не удавалось выплыть в океан подземными водами. Теперь матросы надеялись только на удачу. И хотя граф верил, что честь открытия Нового Мира будет принадлежать именно ему, все-таки и его грыз червь сомнения: как встретит неведомая земля, действительно ли есть в океане острова и даже материи, на которых еще не бывали люди?

И вот в одно туманное утро на горизонте показались отвесные скалы. Они нависали исполинскими утесами, а у их подножия свирепо бились вол-

ны. Но чем ближе подплывали к земле, тем сильнее эти базальтовые глыбы напоминали головку ноздреватого сыра. Утесы оказались сплошь источены норами, из которых то и дело сновали огромные птицы.

«Кто это?» – задавались вопросом моряки, и радость медленно гасла в их глазах.

Когда же подплыли на расстояние, с которого можно было разглядеть птиц в магическую трубу, стало ясно, что это – василиски. Огромные, ростом со среднего дракона, они слабо держались на крыльях, кружили неподалеку от своих нор. Они имели петушинные гребни, ядовитые шипы на хвостах. Но самое ужасное было в том, что они редко, но довольно далеко плевали струями оранжевого пламени.

– Будь ты проклят!!! – взревела команда. – Мы целый год плыли прямо в лапы смерти!

Бунт охватил всю флотилию. Графа насильно пересадили с головного корабля на «Яростного грифона», дали ему провизию, отпустили к нему верных офицеров и матросов, а потом развернулись и взяли курс на север.

Орлэв заперся в своей каюте, обхватил голову руками и задумался. Граф был свято уверен, что все люди рождаются, живут и даже умирают под пристальным надзором богов, но сейчас он чувствовал себя преданным, покинутым и бесконечно одиноким. Почему он отказался сразиться с манекеном дракона год назад, почему не посмел взять с собой жену и сына? Где были в тот миг боги, и что бы от этого изменилось? Напал на Плайтонию хан Улук или нет? Вопросы оставались без ответов. Граф мучительно хотел вернуться назад, в то время, когда год назад он стоял на палубе и видел слезы в глазах жены. Да, Орлэв хотел все изменить, но понимал, что это невозможно.

У графа оставалось последнее утешение и единственное в этом плавании развлечение: волшебные свитки. В них Орлэв искал ответы.

«В лето 3561 река Арынка выше Сиренавии разбилась на два рукава и снова соединилась, омывая остров Большого Льва. Здесь был заложен замок Адлер. Править в нем стал герцог Тэгре».

В Померании стали появляться слухи об оживших мертвецах, что поднимаются из могил в полнолуние и бродят по опустевшему замку до самой зари.

В лето 3562 герцог Тэгре прибыл в родовой замок Орлэв для принятия от графа присяги. Не обнаружив вассала в замке, герцог пришел в ярость, и объявил себя единственным законным правителем графства.

Вечный город вновь подвергся нападению. Армия была подготовлена, но дракон применил новую стратегию боя. Снова была разрушена часть построек. В народе поползли слухи, что черный дракон на самом деле – это кара богов. Если племена, населяющие Старый Мир, не образумятся, если не оставят войны и не откажутся от своих по-

роков, то адский змей опустошит земли Плайтонии. Говорят, что Бог держит дракона на привязи, но медленно разматывает веревку. Если люди так и не покаются в отпущенный им срок, Бог отпустит дракона. Вот тогда мир и сгинет».

Граф заплакал от позора и бессилия. Он бежал от кривых ятаганов, а зло свило себе гнездо в другом месте. Нужно было оставаться дома, принимать присягу, плести паутину интриг, добиваться серебряной короны, а что сделал он, граф Орлэв? Бежал от судьбы! Нет, даже не от рока, не от фатума, а от самим же выдуманной опасности. Да еще и семью бросил! Неужели это нужно богам? А может быть, это просто признак собственной глупости?

Через два дня после разговора с отцом Славка сидел на кухне и потягивал дымящийся чай.

– Славка, принимай подарок! – на пороге стоял отец. – Да быстрее, меня машина ждет!

– Чего ты там притащил? – спросил мальчишка, отставляя стакан.

– Да держи же! Мне некогда. Осторожнее, не сломай. Ну все, пока! – Дверь за отцом захлопнулась.

Через мгновение мальчишка стоял с отвисшей челюстью. В свертке оказался настоящий разборный замок. Были здесь белые стены с зуб-

цами в форме хвоста ласточки, три круглых и одна входная башня, в которых можно было посадить самодельных картонных солдатиков. А еще лежали конюшня, дозорная башня, дворец для знати и здание для челяди. Все это отец вырезал из пенопласта. Такой замок даже жалко было устанавливать на улице, да он бы и не поместился на маленьком рукотворном острове.

И Славка мигом принял решение. Он смахнул с комода одежду и книги, распахнул все это по полкам. Часть хлама убрал под кровать и на освободившемся месте установил башни и стены. Получилось шикарно. Это ведь не жалкие частоколы и не бумажные лачуги, это был грозный замок, готовый к отражению атак в любую минуту! Оставалось только склеить из спичек подъемный мост. А еще необходимо было сделать знамена и вымпелы, вырезать из куска алюминия щиты, продавить на них чеканные рисунки геральдических зверей и вывесить все это на стены и башни.

Подумав, Славка установил внутри замка и все бумажные дворцы. В том числе и библиотеку с картинной галереей. Теперь можно было не бояться дождей и ветров. Замок был у самой кровати, и на него можно было любоваться в любое время.

В первый же вечер Славка не стал задерживать шторы, он долго рассматривал новый город. В лунном свете пенопластовый замок казался Славке волшебным. Месяц как будто знал об этом, он так и норывил заглянуть в окно.

Так сами по себе возникли два обособленных вымышленных мира. Один, неприметный для посторонних глаз – во дворе дома, другой, менее живой, но более изящный – дома. «Непорядок, – подумал мальчишка. – Плайтония существует уже давно. Со всех сторон она омываема мифическим океаном. А тут, прямо под моим носом, народилось новое, могущественное королевство, а у него ни имени нет, ни места на карте».

Славка решил, что самое время выдумать великого мореплавателя, открывателя новых земель. Вон, искал Колумб путь в Индию, а нашел Америку, Новый Свет. А что долго ломать голову и заново изобретать велосипед? Пусть Плайтония и степи будут Старым Миром, а белокаменный замок – Миром Новым. В конце концов, в землях индейцев европейцы обнаружили такие города, какие им и не снились.

Рисунок Марины КРЯЖЕВСКИХ

Эта прямая аналогия заставила Славку улыбнуться: «Я творю историю в миниатюре. Нет, даже не так, я правлю историю, меняю имена и факты». Мальчишка снова вспомнил про собаку, ставшую в летописях драконом. Игра становилась все более увлекательной. Она приближалась к реальности настолько, что у Славки даже дух захватывало. Вчера, например, он узнал, что Померания – это такое маленькое королевство где-то в Германии, если Гришка, конечно, не соврал. А ведь Славка сам это придумал – от слова «помирать». Нужна была земля сплошных неудачников, вот имя само и родилось.

В 3563 году, уже зимой, когда подул холодный северный ветер и почему-то стали все чаще проплывать айсберги и просто оторвавшиеся откуда-то глыбы льда, матросы «Яростного грифона» наконец-то увидели землю.

Небритый Орлэв с усмешкой выслушал восторженный рапорт и только хмыкнул:

– Что, уже Месопотамия?

– Чего? – опешил капитан.

Граф не стал разъяснять, что на волшебных картах месяц назад возник материк, на котором обитают ужасные звери – динозавры. Они хрюкают, едят гигантские желуди, имеют огромные клыки и больше всего походят на переросших кабанов.

– Ладно, – кивнул головой Орлэв, – сейчас поднимаюсь. Иди к матросам.

Оставшись один, граф хлебнул вина из горлышка бутылки, достал из сундука один из заветных свитков и принялся привычно переводить:

«В лето 3563 в Вечном городе собрались у престола короля Серого все мудрецы и провидцы. Они объявили, что уже через сто лет Плайтония вступит в эпоху Ледяного Безмолвия, и всю землю Старого Мира покроет толстым слоем снега, который погребет под собой все города. Астрологи утверждали, что это будет длиться, как минимум, два столетия. И никому не выжить на лютом морозе, разве что можно спрятаться в снежных пещерах. Все травы и злаки, естественно, перестанут произрастать, скот начнет гибнуть от голода и холода, а следом за животными умрут уже и люди.

Но маги утверждали, что где-то за океаном есть Великая Покатая Стена – там, отгородившись от всех печалей, живут потомки легендарного племени Атласов. Вот у них-то эпоха Ледяного Безмолвия не наступит никогда. А все потому, что там находятся огненные скалы Печь.

Мнения людей на королевском совете разделились. Одни предлагали незамедлительно начать строительство катакомб, чтобы потом жить в подземельях, и просто расчищать себе в сугробах колодцы для чистого воздуха. Другие предлагали отправить бесчисленные морские экспедиции на поиски страны Атласов. А третьи заявили, что пусть боги сами заботятся о своих творениях, мол, чему быть, того не миновать».

Граф отложил сверток. Он уже догадался, что честь первооткрывателя земель Атласа достанется кому-то другому, тому, кто придет позднее, следом за самим Орлэвом. Ведь впереди, прямо по курсу, действительно была легендарная страна. В летописях говорилось о ее поисках, но ни слова не было о путешествии графа Орлэва. Все-таки история всегда выдвигает вперед самозванцев, и спустя столетия люди обычно не помнят тех, кто первым делал открытия, изобретал, сочинял, завоевывал. Почему всегда за спиной любого великого человека прячется мелкий воришка, имя которого потом и гремит в веках? Неужели в этом кроется какая-то божественная мудрость? Один сжигает себя, вознося на алтарь поражений, ошибок и, как следствие из них, великих побед, а другой просто пользуется плодами чужих рук и даже не понимает, насколько велик был тот, первый, проложивший ему дорогу к славе.

Орлэв опорожнил бутылку и поднялся на палубу. На реях сновали матросы, убиравшие паруса. «Яростный грифон» спустил весла на воду. Корабль готовился причалить к земле, кутающейся в туманную серую вуаль. Облака нависали над Новым Миром. Граф не знал, что они ему сулят.

Славка вырезал перерисованных из учебника по истории Средних веков рыцарей, раскрасил их фломастерами и довольно хмыкнул. Рядовые солдаты могут быть пластмассовыми, но вожди просто обязаны нести на себе яркий отпечаток индивидуальности. Наверное, настоящий бог тоже штампует души людей на каком-то заводе, а вот избранных изготавливает сам, вручную. Короли, вожди и гении должны не просто выделяться из толпы, у них должны быть и особые, запоминающиеся имена и нестандартные биографии, и даже чувствовать и думать они обязаны как-то по-особому.

Славка уже решил, что один из этих восьми картонных человечков непременно откроет Новый мир. Мореплавателю должен носить геройское имя, например, Ричард. Хотя это скорее подходит для короля. Пусть путешественника зовут Орловым. Нет, слишком просто. И потом, это ведь и не имя, а фамилия. Лучше – Орлэв, так загадочней.

Другой рыцарь – это король Плайтонии. Славка хотел назвать его Мудрым, но вспомнил, что в настоящей истории были уже Людовики Благочестивые, Заморские, Ленивые, Святые, Солнечные. Постоянно также встречались короли и князья Великие, Грозные, Темные. Значит, имя было неважно. Главное – это кличка, которой окрестит народ. А как прозвать короля, который умеет лишь мантию носить и не может справиться с феодальной раздробленностью, под чьей рукой вечно ссорятся графы и герцоги? Он может быть только Серым.

Князь Померании стал Джульфом. Это еще не Вольф, с тем намеком, что он станет каким-нибудь оборотнем или господарем Дракулой, но уже и не

совсем человек. В конце концов, ему все равно достанутся одни скелеты и зомби.

Главным магом стал Эйро — человек, прославленный в этой эре, в этой эпохе. Он тоже сначала был рыцарем, а потом Славка сделал ему съёмную колдовскую мантию, как на бумажных куклах. Колдуны, они ведь не только золото должны варить, но еще и драться со всякими чудовищами.

Но больше всего ломал голову Славка над именем и судьбой злодея, мечтающего захватить весь мир. Ясно было, что это не Улук. Хан Железного Улуса тоже должен быть коварным, подлым, безжалостным и тщеславным, но Славке не хотелось, чтобы Плайтонию завоевали люди, которые не умели строить дома, писать книги и рисовать картины. Нужен был даже не злыдень, а благородный мятежник, эдакий Прометей, бросивший вызов богам и истории. Он должен был оказаться урожденным в самой Плайтонии, а еще лучше — на острове, как Наполеон Бонапарт. Так появился герцог Тэгре.

Двое рыцарей оставались пока без имен и без судеб. Славка еще не решил, что он с ними сделает. Зато остальные роли полностью прояснились в его голове. Завтра же благородный бунтарь Тэгре начнет войну со всем миром. И именно он воцарится, в конце концов, в белом замке на комодке.

Славка потянулся и украдкой глянул в окно. Там у соседей третий день гостила внучка. Странная какая-то, городская. С утра она выходила вся расфуфыренная, садилась на крыльцо и лузгала семечки. Славку это раздражало. Ему всякий раз становилось не по себе, когда он спиной чувствовал оценивающий прищур голубых глаз. И ладно, когда приходилось ходить по огороду с ведром. Славку больше конфузило возвращаться под этим взглядом из сарая, пропахшим дерьмом и сеном.

«И чего сидит? — Зло думал Славка. — Как вот при ней улучшать крепость на острове? Там от нее за кустами не спрячешься. Поймет, во что я играю, разом засмеет. Фифа, блин! Вечно из-за девчонок срываются все самые великие подвиги и открытия!»

Граф Орлэв шагнул на теплый прибрежный песок. Впереди приветственно шумел лес. Где-то раз-

дался предостерегающий рык неведомого зверя. И над всем миром висела легкая сырая паволока тумана. Здесь, в земле Атласов, зимы вообще не было.

Старый колдун Вольга упал на песок и заплакал от счастья.

Орлэв хмурился, все происходящее казалось ему несбыточным сном. Вот он — Новый Мир, райская земля Атласов, откуда бог, по преданию, выгнал людей в Старый Мир, а потом и вовсе отгородил эту страну Великой Покатой Стеной. Но где именно корабль смог проскользнуть в разлом невидимой стены? Почему на пути не встали ангелы с огненными мечами? Действительно ли это центр мироздания или просто очередная неизвестная земля?

Словно услышав мысли своего господина, матросы закричали:

— Атласланд!

Не было на картах волшебных свитков такой страны. Наверное, Атласланд родился в воспаленном воображении людей, много дней и ночей не видевших ничего, кроме бесконечной синевы океана.

— Это она! — подтвердил Вольга, поднимаясь на ноги. — Это страна белых городов. Это — сердце Вселенной. Здесь даже время течет по-иному. Я это знаю, потому что я хороший маг, и я все ещё могу вызвать и дождь, и шаровую молнию! Вперед, друзья! Здесь мы обретем бессмертие!

Матросы вопросительно уставились на графа.

— Вы что, оглохли от счастья? — засмеялся Орлэв. — Или у вас нет больше веры в волшебников? Вперед!

Каково же было всеобщее удивление, когда за лесной чащей на ближайшем же горном плато матросы действительно обнаружили белоснежную крепость. Город возвышался в тумане призраком надежды. Люди попадали на колени, стали горячо благодарить богов за обретение второй жизни.

Лишь граф Орлэв надменно взирал на каменные стены бастионов. Он думал, что за всем этим скрывается какой-то обман. Или это не Атласланд, или здесь никогда не былорая. Нельзя же, на са-

мом деле, вот так запросто где-то обогнуть Великую Покатую Стену и не вызвать этим гнева богов. Или все это обретение волшебных свитков, страх перед вторжением Железного Улуса, предательство со стороны флота, – всё это звенья одной цепи, концы которой находятся в руках богов или главного демиурга? Тогда становится ясно, почему графа не остановили ангелы. Но вот зачем людям вообще позволено увидеть легендарную страну предков?

Белокаменные крепости – невиданное ранее чудо. Но это наверняка построили люди. От кого же они защищались в раю? С кем воевали?

Графа терзали сомнения и смутные подозрения. Но ему хотелось верить, что судьба всегда дает каждому именно то, о чем он тайно мечтал. Орлэв грезил о серебряной короне Плайтонию. Властвовать в каменном городе – о таком не приходилось и мечтать. Неужели бог привел графа сюда, подальше от Улука и от усобицы собственного королевства, чтобы подарить весь этот новый мир? И если так, что же потребуется взамен? Орлэв не привык ощущать себя должником.

Славка проснулся от грозы. Ночное небо было сплошь затянуто тучами, отчего мир казался накрытым большим черным колпаком. Мальчишка прошлепал босыми ногами к окну и приткнулся к стеклу. На улице свирепствовала непогода. Косые плети дождя лупили так сильно, что это походило на стук человеческой руки. Славка никак не мог избавиться от ощущения, что это кто-то невидимый вынырнул из мрака и долбит по окнам, умолая: «Впусти-те. Мне здесь страшно и холодно».

А потом огромная ветвистая молния вспорола тьму. Это было похоже на сверкнувшего в тучах огненного дракона. Славка охнул и отшатнулся от окна. От приподнявшегося грома дрогнули стекла, было слышно, как жалобно задрезжала посуда в серванте, что стоял в соседней комнате.

«А вот не боюсь!» – сказал сам себе Славка. Он тут же натянул штаны, накинул на плечи рубаху и степенно вышел на крыльцо:

– Я – король Плайтонию!

Ветер свистел в ушах. Славка сделал лишний шаг, спускаясь со ступеней крыльечка, и его сразу окатило холодной водой. Рубашка тут же прилипла к телу. Ливень мешал смотреть. Дождь не только лупцевал все вокруг, он уже струйками стекал по волосам и по лицу.

«Нет, я даже не король выдуманной страны, я ее бог, – подумал Славка, – а это даже круче».

У соседнего дома, там, где вечно сидела городская девчонка, резким порывом ветра оборвало провода, и страшные голубые искры с треском посыпались на землю.

Славка испугался. Он вдруг почему-то подумал, что его мысли подслушал настоящий бог, что истинный творец мира вот этим коротким замыканием напоминает зазвавшимся мальчишкам о том, что каждому в истории мира отведена маленькая,

но личная роль. Славка тихо, но так, чтобы бог непременно услышал, прошептал в оправдание:

– Я не в том смысле бог, что сотворил мир, а в том, что создал Плайтонию. Ведь на самом деле меня тоже кто-то придумал, а до этого – маму с папой. Ведь каждый человек рождается только тогда, когда о нем кто-то начинает думать. И значит, мы все в какой-то мере боги, только не главные, а третьестепенные. Ведь на моей земле никто по-настоящему не живет, там стоят только игрушечные солдатики. Поэтому я сильно ни на что не претендую.

Оборвавшийся провод провис и больше не искрил.

«Вот и договорились», – подумал Славка.

Белокаменный город легендарного Атласланда оказался необитаем. В нем не было людей. И даже обезьяны, живущие рядом, в лесу, почему-то обходили это место стороной.

Орлэв с командой медленно и недоверчиво обледали башни, здания, обошли этажи Капитолия. Следов разрушения, войн, пожаров нигде не было. Создавалось впечатление, что в один прекрасный день все люди отсюда просто испарились. А вот вещи остались на своих местах. Столы, стулья, посуда и даже одежда – ничто еще не тронуло гниение или плесень. Моль не источила вязаные вещи. Но всюду лежал толстый слой пыли.

Люди приуныли: сказочный рай оказался необитаем. Как бог выгнал отсюда людей, так все и осталось. Это был даже не город, а какой-то музей под открытым небом.

«И все-таки сюда меня привели свитки», – решил для себя граф. Глядя на потерянные лица матросов, он решил открыть им свою тайну.

Когда вернулись на корабль, матросы вытащили сундук с книгами на палубу. Солдаты и офицеры столпились вокруг свитков, недоверчиво разглядывая иероглифы и цокая языками. Граф развернул пергамент. Все разом умолкли. Орлэв прочитал:

«В лето 3564 свирепствовали дожди. Арынка вышла из своих берегов. На острове Большого Льва, из-за невозможности переправить хлеб через реку, начался голод. В Померании так и не поднялась пшеница. В Вечном городе затопило все винные погребки и подвалы. Градом побило крыши домов. Несколько домов и Сухринскую башню кремля полностью снесло в реку».

Матросы недоуменно переглянулись. В их растерянных взглядах читалось недоверие.

– Сначала я тоже думал, что всего написанного здесь просто не может быть, – сказал граф, – но вы свидетели: предсказание о нападении дракона на Вечный город сбылось.

Люди помолчали. Орлэв принялся читать дальше:

«В то же лето вспыхнули крестьянские волнения. Мужики взялись за вилы и, чтобы хоть как-то пе-

режить надвигающуюся зиму, пошли требовать часть оброка из баронских закровов. Дружины встали на пути голодных. Началась бойня. Герцог Тэгре принял сторону крестьян. Он возглавил армию недовольных и повел этих людей на штурм Сиренавии».

– Такие дела, – сказал граф. – А еще у меня есть смутные опасения, что этот герцог не только, в конце концов, захватит серебряную корону Плайтони, но и найдет дорогу сюда, в Новый Мир.

– Это ты уж хватил! – присвистнул один из офицеров. – Мы сами-то вон сколько горя нахлебались, пока досюда доплыли! И потом, какой же узурпатор покинет покоренную страну и не побоится военного переворота в свое отсутствие?

– Да и то сказать: король Серый так просто герцогу власть не отдаст, – вставил какой-то матрос.

Но граф лишь покачал головой:

– Хочешь мира – готовься к войне. Мне ли вас учить? Или забыли, что подземными водами с нами плыли наши братья. А предавший единожды продастся и вновь. У герцога найдутся провожатые, считайте, что до самых утесов василисков дорогу он уже знает.

Славка сидел на пороге и строгал статую из бруска. Из дерева уже появились нос, глаза и губы. Мальчишка собирался установить в городе кому-нибудь памятник, только кому именно, он еще не решил. Вроде бы нужно – первооткрывателю Нового Мира, собственному Колумбу. Но ведь граф Орлэв домой еще не вернулся, и никто в Плайтонии не знает о существовании новых земель. С другой стороны, много ли памятников в настоящем мире всяким путешественникам? Зато не существует города, где бы не стоял Ленин. Выходит, куда важнее памятник благородному мятежнику, тому, кто позднее захватит весь мир.

– Можно с тобой познакомиться? – слова прозвучали так неожиданно, что Славка дернулся. Лезвие соскользнуло, порезало палец.

– А, черт! – мальчишка поднял голову.

Возле калитки стояла городская фифа. Впрочем, при ближайшем рассмотрении она оказалась не такой уж и задавакой. Ну, золотые сережки в ушах, ну, медное колечко на пальце, но в остальном – нормальная девчонка. Не было у нее теней под глазами и туши на ресницах. А колени и вовсе оказались затянuty бурой кровяной корочкой.

Поймав оценивающий взгляд, незнакомка ничуть не смутилась:

– Это меня Олег учил на велосипеде кататься.

– А-а-а... – протянул Славка и запоздало сунул пострадавший палец в рот.

Всем известно, что слюна заживляет раны лучше и быстрее тройного одеколona, да и кровь от нее сворачивается быстрее.

Девочка помолчала, потом, словно спохватившись, пояснила:

– Олег – это мой старший брат. А я – Оля.

Славка с тоской посмотрел на загубленный памятник: половину левого уха уже не восстановить, а на шею деревянной статуи адела свежая кровь, ее потом нужно будет срезать. Обидно.

– Я типа того, Слава, – в глазах мальчишки блеснула насмешка. – Только я не слава партии, а слава сам себе.

Ольга засмеялась:

– Какой ты смешной!

Мальчишка надулся и зло зыркнул в сторону незваной гостьи.

– Ой, нет! – спохватилась Оля. – Я совсем не это хотела сказать! С тобой не соскучишься. А что ты делаешь?

– Да вот, винегрет из пальцев. Я вообще-то людоед, – Славка приподнялся с крыльца. – Точнее: Ольгоед.

– Но зайти-то можно?

Славка вздохнул. Девчонка ему понравилась. И отказать ей почему-то не было сил. Но если одноклассники увидят – засмеют. В конце концов, даже отец говорит: «Слушай всех, но делай по-своему».

– Ну, заходи, коли не боишься.

Оля скрипнула калиткой:

– Давай поиграем.

– В дочки-матери? – Славка презрительно скривил губы.

– Фу! – вспыхнула Оля. – Терпеть не могу девчоночьих игр! Это ведь бабушка заставляет меня в платье ходить. А в джинсах куда удобнее по деревням лазать.

Славка заинтересованно посмотрел на свою новую подружку:

– И что ты предлагаешь?

– В индейцев. Или в Робин-Гуда. У меня в чулане припрятаны два готовых лука и десять стрел с оперением. Мои и Олежкины. Он не заругает, потому что говорит, что в его возрасте все уже на свидания бегают. И вообще, он сейчас в городе.

Идея Славке понравилась. Только вот где играть? Не за сараями же.

Словно угадав его мысли, Оля сказала:

– Я и место хорошее знаю. За управлением растет много деревьев, и никто за ними не следит.

– Ладно, – сдался Славка, – сейчас только дом закрою.

Граф Орлэв сидел в тронном зале и думал о своей жене и подрастающем сыне, которые остались в родовом замке, по ту сторону океана. Пока приходилось мужественно преодолевать шторма и бури, о женщинах вспоминалось изредка, о детях – никогда. Но теперь, когда жизнь в белокаменном городе стала налаживаться, бывшие матросы и офицеры все чаще стали обвинять весь белый свет в том, что их забросило в мир, где не с кем и словом перемолвиться. Мужчины истосковались по женской ласке. Многие из них все бы отдали, чтобы только вернуться к семьям.

«Странно устроен человек, – размышлял Орлэв.

– Мы нашли землю Атласов. Но потерянный рай не мил нам без женщин. И все мы уже готовы бежать назад, в Старый Мир. И уже все равно, что там то нападают драконы, то льют нескончаемые дожди, что свирепствуют то голод, то мор, то чума. А теперь к тому же и мятеж. Возможно, вся Плайтония полыхает в междоусобице. Тэгре бьется против Серого. А я сию здесь и выжидаю. Медлит и хан Улук. Что будет дальше – одним богам ведомо».

Граф развернул волшебный свиток и прочитал: «В лето 3565. После длительной осады королевские войска, удерживающие Сиренавию, сдались на милость герцога Тэгре. В Вечном городе на службу в дружины собрали всех способных держать оружие. По совету прорицателей из необученных новобранцев создано четыре легиона. Три из них отправились по Арынке на подавление мятежа. Солдат повел сам король Серый».

«Как же это герцог сможет разбить три легиона? – задался вопросом Орлэв. – Это просто невозможно! Сколько бы голодранцев ни насобирали Тэгре, платить жалование он не сможет. А без денег из крестьян не сколотить даже легиона. Или свитки начали привирать, или обманывают предчувствия».

В этот момент трижды дрогнул колокольчик.

Граф отложил свиток и махнул охраннику рукой. Солдат послушно распахнул двери. В тронный зал вошли Вольга и еще один старец, судя по колпаку и черной мантии, – звездочет или чародей. Это был первый человек, встреченный в этой стране.

Орлэв жестом разрешил старикам присесть на ряд скамеек, тянувшихся вдоль стен, но маги не устали.

– Я – Эйро, – поклонился незнакомцу, – местный волшебник.

– Мир тебе, Эйро, – традиционно ответил граф. – Мы вошли в ваш город как друзья, а не как враги, но застали замок пустым и брошенным. Это дало нам право поселиться в этих стенах.

– Я и не думал оспаривать ваше право на пребывание здесь, – пожал плечами Эйро. – Я пришел как посланец мира. Пять лет назад в этом городе наш народ постигла неведомая болезнь. Она поразила мужчин. Потом начали умирать и мальчишки. Мы собрали совет магов и решили переждать темные време-

на в пещерах Хроу-Крау. Наш народ покинул город. Но смерть не отступала, и путь наш отмечен могилами. За два года погибли все, даже маги. В нашем народе, кроме меня, мужчин не осталось. Мы были обречены. Но год назад разведчицы донесли, что наш город снова стал обитаем. Мы выжидали девять месяцев, и никто из ваших мужчин за это время не умер. Это означает, что мои женщины могут вернуться и без страха рожать вам наследников. Я прошу вас: примите мой народ.

– Одни женщины, – заморожено повторил князь. – Что это: божье провидение? Чудо? Или все, о чем мы напряженно думаем, всегда воплощается в материю? Когда-то я отказался от спектакля с убийством дракона и не получил серебряную корону Плайтонии, но зато мне без кровопролития досталось не менее великое королевство. Когда тоска одиночества захлестнула и меня, и моих подданных, женщины нашлись сами.

– В нашем народе считают, что вы посланы нам Солнечным богом, – кивнул в знак согласия Эйро. – Для нас ваше появление тоже чудо.

– А что про нас думаешь именно ты, старик?

– Вы прибыли из Старого Мира, – пожал плечами Эйро, – это ясно даже начинающему волшебнику. В нашем народе тоже были великие прорицатели. Через сотню лет по ту сторону Великой Покатой Стены наступит Эпоха Ледяного Безмолвия. Вы ищите спасения. За вами непременно придут другие. Их будет несравнимо больше. И они не потерпят здесь коренные народы. И вас они тоже не признают родней. И будет резня. Впрочем, что все будет именно так, а не иначе, ясно даже и не прорицателям. Это закон сильного. Это неписанные правила человеческой жизни.

Орлэв улыбнулся:

– Хорошо. Иди и скажи своему народу, что Солнечный бог сменил гнев на милость. Пусть твои женщины ничего не боятся и возвращаются. И еще, старик, а как же вы жили все эти годы одни, без мужчин?

– У нас каждая девочка умеет держать лук. – Пояснил Эйро. – Охотой и кормимся.

Две недели пролетели незаметно. Славка даже забросил игры в Плайтонию. Теперь все свободное время он носился с луком. Оля оказалась классным другом. У нее был собственный перочинный нож. Она прыгала дальше Славки,

а в своем городе еще и бегала по крышам гаражей. Славка представлял, как это, наверное, жутко – слышать за спиной грохот железа и вопли разъяренных хозяев: «Поймаю, ноги оторву»!

Завтра за Олей должны были приехать ее родители и старший брат. Но впереди был еще целый день. И накануне Славка договорился, что сам зайдет за Олей, и они отправятся искать клад в одном жутком и потому интересном овраге, который был недалеко от поселка.

Славка посмотрел на себя в зеркало: волосы ежиком, нос пуговкой. Ничего примечательного. Лицо как лицо. Бывает и хуже.

У соседского дома Славка вдруг смутился. Потоптался на пороге, постучал. Никто не ответил. Тогда мальчишка толкнул дверь, та подалась тихо, без скрипа.

– Эй, есть кто дома? – Славка заглянул внутрь.

Откуда-то доносилась музыка, видимо, она и заглянула стук.

«Забыла она обо мне, что ли? – подумал мальчишка. – Или просто уснула и забыла выключить магнитофон?»

Топая, стараясь шуметь как можно громче, Славка прошел внутрь. Кухня оказалась пустой. В коридоре тоже никого не было. Музыка летела из спальни. «Сейчас я ее напугаю, – подумал Славка. – Нельзя же, на самом деле, держать дверь открытыми и ничего при этом не слышать. А если воры какие-нибудь заберутся?» Славка приоткрыл дверь и заглянул, заранее скорчив зверскую физиономию.

Сначала мальчишка ничего не понял, а потом покраснел и тихо отпрянул назад. Оля переодевалась. Она стояла спиной к дверям. На кровати перед ней

лежали запретные джинсы и свитер. Девочка через голову снимала свое нелюбимое платье.

Оказывается, девчонки такие же люди, как и Славка: острые лопатки, худые руки, на спине все ребра видны. И даже трусики обычные, в синий горошек.

Подумал об этом Славка уже на улице, когда глотнул свежего воздуха. Сердце мальчишки отчаянно колотилось: мало того, что он увидел то, что нельзя, так еще и позорно сбежал с места преступления. И последнее в глазах Славки было хуже всего: вдруг Оля об этом узнает и станет презирать его, словно труса?

Через минуту переодевшаяся девочка выпорхнула на порог:

– Ой, а ты уже здесь? У нас на часах еще без десяти минут. Ну, в общем, я готова. А чего ты такой красный? Бежал, что ли?

Славка стыдливо отвел глаза.

– Так мы идем? – усмехнулась Оля. – Или в «глядки» играем?

– Конечно, идем.

Орлэв ждал уже третью неделю. Он обо всем прочитал в свитке. Облачившись в свой лучший камзол, бывший граф каждый день приглашал в Тронный зал свою новую жену и тринадцатилетнего сына.

– Папа, чего мы ждем? – спрашивал Артур.

– Скоро узнаешь.

Но ничего не происходило. Дни текли медленно и монотонно. Толпа празднующихся горожан на площади, заинтригованных странным ожиданием своего короля, редела день ото дня.

И вот однажды в обед, когда уже принялись накрывать стол, колокольчик у дверей призывно звякнул. Орлэв посерел лицом и велел впустить гостя.

В Тронный зал вошла самая лучшая и самая быстроногая разведчица королевства:

– О, мой повелитель, я принесла плохие вести. Севернее Гаухара пристали чужие корабли. С них сходят люди. Их очень много. Они катят по сходням странные устройства. Думаю, это какое-то неведомое нам оружие.

– Какой у них флаг? – подался вперед Орлэв.

– Три горизонтальных полосы: оранжевый, синий и зеленый.

Взгляд владыки померк.

– Что делать, король?

– Сколько у нас времени в запасе? Мы успеем отправить женщин в пещеры Хроу-Крау?

– Боюсь, нас обнаружат раньше, чем первая партия беженцев достигнет укрытия, – опустила голову разведчица. – Но главное даже не в этом. Никто не покинет город. Один раз мы уже потеряли своих мужчин.

– Отец, мы же не побежим, даже не увидев врага?

– Артур! – Орлэв вскочил со своего трона. – Ты не понимаешь, что это за люди! Они покорили уже

весь Старый Мир. Пророчества утверждают, что мы обречены. До сих пор свитки никогда не обманывали. Да и кого мы можем им противопоставить? Твое поколение еще молодо, мое – малочисленно. А других мужчин у нас нет.

– Женщины тоже не будут сидеть сложа руки, – напомнила о себе разведчица.

– Знаю, – вздохнул Орлэв. – Но не стоит обольщаться. Они – опытные воины. А с кем в последние годы воевали мы? Все, хватит дискуссий. Артур, пришло твое время. Выйди на балкон, к людям. Они ждут от нас важного известия. Передай им все, что услышал. А потом прочитай из этого свитка, от сих пор, – И король отметил пальцем абзац. – Ты понял меня, сын?

Наследник взял манускрипт и побледнел:

– Но здесь же клинопись нейтов!

– А разве я не учил тебя языкам? Считай, что это – экзамен.

Артур вспыхнул, тряхнул челкой и вышел на балкон.

Орлэв тяжело опустился на трон и, свесив голову, слушал как звенящим от возбуждения и обиды голосом его мальчишка выкрикивал перед толпой слова:

«В лето 3579 флотилия под командованием короля Плайтонию Тэгре обнаружила новые земли. Их населяли дикари. Победоносная армия Тэгре отеснила аборигенов в непроходимые чащи и в честь своей знаменательной победы воздвигла первый в мире белокаменный город, имя которому Де'Тэгре».

– Но это же ложь! – возмущено закричали на площади. – Как можно возвести город, который существовал до этого не один десяток лет?

– Нас не оттеснят в леса! Мы не вернемся в пещеры! Уж лучше умереть здесь, но с мечом в руке!

Орлэв вздохнул, тяжело поднялся и сам вышел к своему народу:

– Тихо!

Стало слышно, как ветер скрипит ржавым флюгером на дозорной башне.

– Останемся мы или уйдем, конец один. Я никого ни к чему не призываю. – король помолчал. – Но я не хочу, чтобы мой народ считал меня трусом. Я остаюсь в городе. Вместе с дружиной. У каждого из вас остается право выбора. Решайте сами, что для вас важнее: жизнь или честь.

Когда Славка с Олей уже почти дошли до страшного оврага, мальчишка остановился и сказал:

– Оля.

– Ну? – девочка удивленно обернулась. – Чего тебе?

– Я не хочу, чтобы ты считала меня предателем или трусом, – Славка весь покраснел, но продолжил. – Я не хотел, но... В общем, я видел, как ты переодевалась.

Оля смешно поморщила носик:

– И что из этого? А если бы мы купались в реке

или в котловане и ты увидел бы меня в плавках, это тоже преступление?

Славка решительно помотал головой:

– Нет. Да я не об этом. Нельзя ведь подглядывать. И еще хуже, когда бежишь от ответственно-сти.

– Но ведь ты не подглядывал, – пожал плечами Оля. – Это же вышло случайно, значит, не считается. А ответственность – это когда ты разбил стекло и признался в этом, чтобы другим не влетело.

«И почему девчонки такие умные?» – подумал Славка.

Армия Тэгре была многочисленной. Бывший мятежный герцог, подчинивший себе всю Плайтонию, заключивший сепаратный мир с Железным Улусом, а потом нарушивший договор и вырезавший основные стоянки кочевников, властелин, вышедший в океан и подмявший под себя Черногорию, великий завоеватель эпохи, стоял под трехцветным плайтонским знаменем. Левая рука знаменитого полководца была перевязана и заживала от недавнего ранения. Властелин Старого Мира с удивлением рассматривал каменные стены замка. Такого он в своей жизни еще не видел.

А народ Орлэва не знал пушек. Порох и ядра изобрели семь лет назад, в Померании.

Над шпилями осажденного города развевались знакомые Тэгре белые полотнища с черным геральдическим орлом. И нападавшие, и защищавшиеся узнали друг друга. Это была братоубийственная война. Но Тэгре махнул здоровой рукой, и во взметнувшихся пожарах, которые несли с собой снаряды пушек и огненные шары, черные птицы с белых полотнищ казались сгорающими фениксами. Они хотели сорваться и взлететь в небо, но их держали не только дровяки, но и честь.

Сотни лестниц со скрежетом упали на стены. Катапульти работали не переставая.

«Герцог нашел меня даже за Великой Покатой Стеной, если она действительно существует, – невольно подумал Орлэв. – Он пришел за вассальской присягой. Он достал бы меня даже из-под земли. Возможно, он скоро обнаружит проходы в самый ад. Он сможет подчинить себе даже джигов из Оркостана. Но от меня слова клятвы он не услышит! Пусть попробует выдать присягу из моего мертвого горла».

– Я еще могу вызвать и дождь, и шаровую молнию! – ворчал старый маг Вольга, медленно поднимающийся по ступеням внутри башни. – Я сейчас покажу им, что значит истинная магия. Они у меня попляшут!

И вдруг в пустую щель, предназначенную для лучника, влетела шальная стрела. Даже само себе это было чудом. Старый волшебник удивленно посмотрел на оперение, торчащее у него из сердца, привалился к стене и затих.

Так один за другим, чаще всего нелепо, гибли старые моряки и верные офицеры, не бросившие

когда-то в беде своего графа, а ныне умирающие за своего осажденного короля.

Захватчики уже сорвали с цепей мост, они били тараном по дубовым дверям. У северной башни треснула стена. Ров превратился в братскую могилу как оборонявшихся, так и нападавших. Вверх по лестницам упрямо ползли сотни смертников, им на головы лилась горячая смола и падали камни. Но атака следовала за атакой.

Солдаты Тэгре были сильно озадачены, увидев на стенах детей и женщин, но это не могло остановить штурма.

На третий день захватчики прорвались за третью крепостную стену. Город пал. В некоторых башнях еще живы были лучники. Между домов еще рубились последние воины, но исход войны был предрешен.

Орлэв сидел в Тронном зале и с тоской смотрел, как свечи плачут черными восковыми слезами, как они медленно оплавляются в мертвых руках жены и сына. Два открытых гроба – это все, что мог дать король легендарного Атсланда своей семье. Поцеловав жену и Артура в черные запекшиеся губы, Орлэв поднял свой зазубренный меч и шагнул к выходу, готовясь вступить в самое пекло войны. Но знакомый и властный голос заставил оглянуться:

– Остановись, граф! Твоя жизнь еще нужна богам.

Орлэв вздрогнул. Вот уже пятнадцать лет никто не осмеливается напоминать ему о титуле Старого Мира. У трона стоял волшебник Эйро:

– Брось меч! Ты пришел в нашу страну с пустыми руками, ни с чем и уйдешь.

Орлэв яростно отшвырнул клинок и закричал:

– Но почему?! Почему ты явился, чтобы спасти меня одного? Почему ты позволил погибнуть моему народу, моей жене, моему наследнику?!

– Закон неумолим, граф, – Эйро приблизился, посох его пылал синим огнем. – Это не только твой народ, но и мой. Но тебе не в чем меня упрекнуть. Ведь это ты не поразил когда-то манекен дракона, ты не выполнил предуготованное тебе богами. В том карнавальном бою заключалась древняя магия. Убив символ, ты не дал бы подняться герцогу Тэгре. Но ты испугался стать посмешищем, ты струсил, ты сбежал от принятия решения и от своей великой судьбы. Ты сам призвал в этот мир дракона в человеческом обличье. И ты своими руками отдал ему серебряную корону Плайтонии. Ты предал свою первую семью. Гибель Артура – это божье напоминание о тех, от кого ты так легко отвернулся прежде.

– Если ты знал, почему не предупредил раньше? Я бы сразился с манекеном здесь, в Атсланде.

– Время было упущено, ты ничего бы уже не изменил.

– За что мне это все?

– Ты спрашиваешь? – усмехнулся Эйро. – От-

вечу. За нерешительность. Но главное не это. Куда важнее, что нас, бессмертных, всего восемь в этом мире. И каждый из нас должен выполнить свою миссию. В твоих свитках пока об этом ничего не пишут. Но я поясню: среди этих избранных есть и я, и Тэгре, и ты. Наш Демиург еще не осознал, что обессмертил нас. Я же знаю это, потому что мне уготована роль самого великого мага. И я должен спасти тебя сейчас, чтобы позднее именно ты убил владыку вселенной, короля вечности Тэгре. Позднее, когда Господь сам ужаснется той тирании, которую установит над землей Тэгре, он своими божественными руками выкует ядовитый меч. Именно им ты и сразишь Тэгре прямо в сердце. И Тэгре уснет на столетия. Тело его останется нетленным. Это сейчас нас троих еще можно убить, но позднее это станет невозможным. Потом для Тэгре отстроят мавзолей в нижних пещерах, и еще несколько поколений будут жить в страхе, что однажды какой-нибудь глупец вытащит из сердца узурпатора отвратительный меч и тем самым призовет Потрясателя Вселенной к новой жизни.

– Будь проклят тот бог, который загнал меня в эту ловушку! – закричал Орлэв. – Будьте вы все прокляты!

– Выскажешь все свои претензии Демиургу лично. Я тебя ввел в курс дела, а дальше – не моя забота, – проворчал Эйро и стукнул посохом по полу.

Мир перед глазами Орлэва закружился в бешеной пляске. Тысячи разноцветных огней понеслись куда-то мимо, а впереди поджидала необъятная бездна небытия. «Лжец этот Эйро, – подумал Орлэв. – Он такой же обманщик, как и Вольга, как все маги на свете. Вот она – смерть!»

На дне страшного оврага лежал человек.

– Ой! – вскрикнула Оля и отпрыгнула назад. – Бежим! Здесь мертвец!

– Не спеши, – дрожащим голосом заметил Славка.

Смутное ощущение, что этот бродяга где-то уже встречался, не покидало мальчишку. Оставалось только вспомнить, где же это было.

Мужчина пошевелился. От него не пахло ни силовыми, ни помойными миазмами. И это было удивительнее всего. Незнакомец открыл глаза, с трудом приподнялся на локтях, осмотрел детей и улыбнулся:

– Что: страшно? Но, говорят, бог милостив. Раз вы не убежали, значит, это Господь послал вас сюда, а то я бы здесь так и умер.

– Вас ранили и ограбили? – высказал предположение Славка.

– Да, именно ограбили. Я потерял жену и сына. И я не могу ходить. Кажется, у меня сломаны ноги, и вылезти из этого оврага без посторонней помощи мне не удастся. Но смерти я не боюсь. Просто мне бы очень хотелось заглянуть богу в глаза и спросить его: «За что мне это все?»

Оля осторожно приблизилась к краю оврага и выглянула у Славки из-за плеча:

– Бога не существует. Религия – это опиум для народа.

Мужчина лишь хрипло рассмеялся:

– А ты что скажешь, малец?

– Я не малец, – обиделся Славка, – на мне все хозяйство держится. Отцу некогда, вот я и учусь суrowым мужским будням... А бог. Я не знаю, есть он или нет.

– Но ведь вы же меня нашли, – упорствовал странный мужчина. – Кто-то или что-то послало вас сюда. Может быть, вы прочитали пророчество или услышали голос, или просто подчинились случайному порыву, но результат-то один.

– Дяденька, чего вы хотите? – деловито поинтересовалась Оля. – Мы пришли сюда играть. Мы собирались искать клад, которого на самом деле не существует. Мы его сами и выдумали, так же, как вы – своего бога.

И вообще, у вас паспорт есть?

– Ох, девочка. Зачем мне документы? Если я встречу бога, что я ему бумажки свои под нос суну? А не встречу, так не все ли едино где и как умирать?

– Вы, наверное, все врете. И на самом деле вы не бога ищете, а просто пьяница и бомж, – вынесла вердикт Оля.

Славка помолчал, а потом отвел глаза и спросил:

– А вы серьезно думаете, что бог одновременно может уследить сразу за всеми людьми на земле?

– Зачем же за всеми? – и мужчина лукаво подмигнул. – Только за избранными. Тех, кто творит историю мира, всего восемь. А того из них, кто становится драконом, всегда можно остановить. Главное, вовремя это понять и не медлить.

– Он еще и сумасшедший, – тихо сказала Оля и попятилась.

Через минуту Славка догнал свою подружку, и оба они, не сговариваясь, помчались в управление, где стоял один на всю деревню телефон. Нужно было вызвать и милицию, и скорую помощь. И пусть взрослые сами разбираются с этим богоискателем.

Поздно вечером, ворочаясь в кровати, Славка вновь и вновь перебирал в памяти странные слова бродяги. Мальчишке почему-то было нестерпимо стыдно перед этим выжившим из ума алкоголиком. А еще Славке казалось, что бог действительно несправедлив: его так зовут, так ищут, а он и в ус не дует. Это бессердечно! Вот Славка на месте этого бога непременно бы сотворил чудо: сначала бы вылечил самого бродягу, потом бы воскресил ему жену и ребенка, а затем сделал бы так, чтобы всем на земле было хорошо. Но ведь Славка не бог.

Взгляд мальчишки упал на белеющий в лунном свете пенопластовый замок. И смутная, еще не оформившаяся догадка заставила мальчишку выскочить из кровати, зажечь свет и достать коробку с солдатиками. Семь бумажных рыцарей лежали здесь отдельно, завернутые в тряпочку. Восьмого, путешественника, графа Орлэва, почему-то не было. А Славка точно помнил, что убил его именно сюда. Получалась ерунда какая-то. Кто бы стал рваться в игрушки, чтобы забрать одного картонного солдатика?

«Тех, кто творит историю мира, всего восемь». Слово приговор звучали в ушах слова бродяги. Неужели Славка что-то предугадал? Или это просто совпадение? Да можно ли верить сумасшедшим?

И все-таки, что он, этот чужак, хотел всем этим сказать?

Славка задумчиво покрутил ту самую недоделанную статую, которую испортил в день знакомства с Олей. Надрезанное левое ухо очень напоминало рваную рану бродяги, а капля Славкиной крови, впитавшаяся на месте едва обозначенной шеи, удивительно точно повторяла своими очертаниями большое родимое пятно в распахнутом вороте сумасшедшего. Можно было даже подумать, что Славка все это где-то видел и потом случайно повторил. Или предвосхитил? А еще могло статься, что именно капля крови сделала графа Орлэва реальным человеком. Ведь изначально памятник делался именно ему. Но картонные люди никогда не могут стать

живыми. Тем более, недоделанная статуя – вот она, и кровь на ней, а не на бумажном ее прототипе. Но, с другой стороны, в бруске не вырезаны ни руки, ни ноги, а лишь общие черты лица, а вот образ раскрашенного фломастерами рыцаря был завершен полностью.

Славка никак не мог заснуть. Мысли не давали покоя. Выводы были фантастическими, и опровергнуть их было – раз плюнуть. Но что-то заставляло снова и снова искать подтверждения совершенно дикой теории. Вдруг все выдуманные герои рано или поздно смогут явиться в настоящий мир и призвать к ответу своих творцов? Что тогда? А ведь сам Славка такого насочинял! Один только Тэгре чего стоит! Это же вылитый Наполеон Бонапарт. И если он появится в реальном мире, то кто сможет его остановить? Ведь Славка сам решил, что этот бумажный человек с выслыми усами захватит все земли вымышленного мира. А если ему этого покажется мало? Если сегодня Тэгре пирует в пенопластовом замке, то кто помешает ему завтра высадиться со своими головорезами прямо около родной деревни?

«Пусть картонные рыцари сражаются только друг с другом, – решил Славка. – Завтра же с утра в Старом Мире низложенный владыка Серый вместе с уцелевшими соратниками отобьет Сиренавию. И тогда Тэгре вынужден будет вернуться в Плайтонию».

А вдруг король Вселенной уже умеет думать? Вдруг он понимает, что если взять Славку в плен, то Серый просто вынужден будет сложить оружие? Что, если Тэгре отправится в погоню за графом Орлэв и найдет тайный лаз между мирами вымышленным и настоящим? Хотя, нет, он не оживет. Статуя его Славка еще не вырезал и кровью не заляпывал.

И тут мальчишка вспомнил, что в день знакомства с Олей он так и не решил, кому строгают памятник. Это означало, что армию Тэгре все-таки не проташит, а сам может появиться в любую секунду. Он лидер, гений. Он мигом убедит людей в том, что только он сможет установить над Землею единственно правильный и справедливый порядок.

Что там сказал сумасшедший? «Того, кто становится драконом, всегда можно остановить. Главное, вовремя это понять и не медлить».

Славка чувствовал себя идиотом. Он положил перед собой бумажного Тэгре и разглядывал рыцаря, словно пытался прочитать его несуществующие мысли. Мальчишке казалось, что солдатик и в самом деле прямо на глазах может превратиться в дракончика и улететь.

– Понять и не медлить, – повторил Славка.

Нужно было что-то сделать. Славка все понял. Тэгре скоро явится в мир как человек, но будет свирепым, как дракон. А как его остановить? Разве что сжечь солдатика. Но палить рыцаря было жалко. Да и от гари могли проснуться родители. Вот тогда точно не поздоровится.

Выход пришел сам собой. Славка вспомнил, что

в Ленина после революции стреляли пулями, пропитанными ядом кураре, а вождь не умер, да еще и жил потом. Но от власти его все-таки отстранили. Значит, нужно ранить Тэгре ядовитым мечом, но не понарошку, а по-настоящему. И если Славка – бог малого мира, то и кровь его должна быть ядовитой для злодеев и скрывающихся под человеческой маской драконов.

Из куска жести Славка ножницами вырезал миниатюрный меч. Потом мальчишка порезал палец, капнул кровью на острие клинка и воткнул меч в то место, где у рыцаря должно быть сердце. Картон не поддавался. Когда же удалось проткнуть солдатика, с души Славки словно камень свалился. Он даже пообещал себе, что утром сделает из чайной коробки мавзолей для узурпатора. Так, на всякий случай, чтобы Тэгре не пропал бы так же случайно, как и Орлэв.

После этой казни Славка слегка успокоился. Но он долго еще лежал в кровати с открытыми глазами и думал, что, может быть, весь окружающий, такой реальный и настоящий мир, тоже выдумал какой-нибудь школьник, а вовсе не бородатый бог. Ведь летоисчисления от Сотворения Мира и от Рождества Христова подозрительно напоминают Славкину систему отсчета времени. Но если сам Славка прожил 3579 дней и ночей, то ведь до трех лет он все равно ничего не помнит. Значит, по правде, истинный отсчет истории можно вести лишь с того дня, когда был построен первый город в излучине арыка. Опять же, утешало и то, что от Сотворения Мира прошло около семи тысяч лет. Значит, настоящему богу уже не десять лет, а больше двадцати. И бог уже совершил и исправил все Славкины ошибки. Ни Бонапарт, ни Гитлер так и не успели захватить власть над всем миром. Но Славка уже даже и не сомневался, что эти узурпаторы на самом деле были одним и тем же вечным героем, которого время от времени как-то усыпляют. Но вставал вопрос: сколько тогда в реальном мире бессмертных? Восемь, как у самого Славки, или больше? И что они чувствуют? И хотят ли они взглянуть в глаза своему творцу? И могут ли они из этого реального мира ускользнуть куда-то еще?

Неужели настоящий бог растет, как все люди, ходит в какой-нибудь институт, иногда пьет пиво с друзьями, а когда страдает похмельем, то на земле в это время свирепствует какая-нибудь инфекция: если не тиф, так чума. Что для студента игры в выдуманную Землю? Просто детское развлечение, но вовсе не смысл жизни! А еще в двадцать-то лет многие влюбляются и женятся. Их потом больше интересуют собственные дети, а не какие-то там игры!

Славка прекрасно понимал, что если богу попадется хорошая девчонка, такая, как Оля, то это будет означать, что на Землю обрушатся тайфуны, что материки изменят свои очертания, что даже климат станет другим. И без божьего присмотра одни страны совсем захиреют, а другие возвысятся. И все крупные державы, претендующие на мировое гос-

подство, непременно развалятся. Сначала с карты Земли исчезнет Советский Союз. А лет через двадцать на независимые Штаты расплзется и Америка. Богу, как и Славке, вовсе не нужен ни единый мировой правитель, ни единая Федерация Земли.

Получалось, что Армагеддон был придуман неслучайно. И какими бы люди ни были, праведными или грешными, но гибель этого мира одна – в геенне огненной.

Это потом, спустя века, народится у бога курносый мальчуган, он подрастет, станет играть, строить города, воевать, и история цивилизации повторится сначала. Ведь жили себе динозавры – большие неприятательные игрушки подрастающего карапуза, но наступило Великое Оледенение, и они все вымерли. Уж не потому ли, что их просто забыли в песочнице, а наутро выпал снег? Возможно, что в более высоком мире наступила зима, ребенка купили другие игрушки, да и сам он подрос, научился рисовать самых настоящих первобытных людей: точка, точка, запятая, палка, палка, огурчик.

Ведь, что ни говори, а и Славкин мир тоже непременно засыплет снегом. Как минимум на пять месяцев. Вот вам и пара столетий оледенения.

За всеми этими раздумьями Славка так и не заметил, как уснул.

И приснилось мальчишке, что стоит он в степи, раскинувшейся от горизонта до горизонта. И все небо вокруг было необычайно черное, а вместо звезд на небе горели сотни чужих глаз. Это другие мальчишки склонились над землей, и каждый из них искал внизу свою выдуманную страну.

– Эй, боги! – Крикнул Славка, но тут же поправился. – Инопланетяне, мальчишки! Спускайтесь, поговорим. Я все понял. Я хочу к вам, наверх.

Небо вдруг словно свернулось. Глаза, притворявшиеся звездами, исчезли. Зато появилось огромное добродушное лицо. Бодрый, улыбающийся старичок очень походил на фотографию Кира Бульчева из «Пионерской правды». Бог улыбнулся:

– Здравствуй, Слава. Я не могу спуститься. Ты ведь тоже, при всем твоим желанием, просто не поместишься в своем пенопластовом замке.

– Так это правда? – всхлипнул во сне мальчишка.

– То, что ты – один из бессмертных, – нет.

– Но кто же я тогда?

– Как бы тебе это лучше объяснить? В Библии написано, что бог создал Адама, а потом уже и Еву. Но устные легенды утверждают, что в это же время была еще и Лилит, и даже другие народы, которых бог вовсе не творил. Причем тех людей никто не выдумывал: ни ангелы, ни демоны. Эти племена возникли как генетический сбой, как вирус в компьютерной программе. И они оказались очень живучими. Сразу после Всемирного потопа, который, наверное, напоминает тебе обычную весну с таянием снегов, сыны Ноя брали себе жен, но откуда взялись другие женщины, если все люди погибли?

– погоди! – вдруг догадался Славка. – Раз ты сам не знаешь ответы на свои же вопросы, то ты не тот бог, который выдумал весь реальный мир.

Ты просто заселил несколько стран картонными людьми, которые потом ожили. Так?

– Нет, Слава, даже хуже, – сказала лицо. – Я не вырезал тебя из картона, не лепил из глины. Я тебя даже не выдумывал.

– Как же так? – растерялся Славка.

– Все дело в том, что ты – это я, только в детстве.

– А вот этого просто не может быть, – возразил мальчишка.

– Почему? А ты знаешь, кем я стал? Писателем. Я выдумываю миры, и они оживают. Угадай почему? Просто я научился врать так, что мне верят даже друзья, знающие меня с малых ногтей. Я так ловко смешиваю правду и вымысел, что разделить их уже невозможно. Я так научился подтасовывать факты, что однажды сам едва не поверил собственному рассказу, пока не спохватился, что я сам же его и автор. Честно говоря, мы

вовсе не должны были встречаться. Я писал рассказ о мальчишке, который играет в Плайтонию. Но события вдруг вышли из-под моего контроля. Ты стал совершать

самостоятельные поступки. И теперь все запуталось окончательно. Ты – это уже не мое детство, а еще одна вероятность человеческой жизни. Не клон, а новый вид разума. Увидеть, как персонаж оживает, как он начинает совершать совершенно не то, что я ему предписывал, исходя из знаний человеческой психики, это, знаешь ли, многого стоит. И со мной это впервые.

– То есть, на самом деле, меня никогда не существовало, а ты меня выдумал? И это не я картонный, а весь мой окружающий мир? И Оля – это тоже хрупкий манекен?

– Не надо драматизировать. Я же наделил тебя своими качествами и воспоминаниями. И Оля – это прототип вполне реальной девочки, с которой я сам дружил в детстве.

– А, по-моему, ты все врешь, – сказал Славка. – Это не я прототип тебя, это ты – выдуман мною. Отчего это ты похож на Булычева? Не знаешь? Я тебе сейчас отвечу: других писателей я себе просто не представляю. Что, съел?

Лицо над миром молчало.

– Вот видишь. Я думаю, что это не только боги придумывают нас, но и мы выдумываем богов.

– Возьми и докажи, что это ты реален, – усмехнулось лицо. – Прямо сейчас.

Славка хотел крикнуть, что сейчас никому ничего нельзя доказать, но мир вдруг изменился. Мальчишку втянуло в какую-то жуткую воронку, потащило, точно по трубе пылесоса. Славка кричал, пытался зацепиться за края стен, но не мог и лишь напрасно окровавил пальцы.

Падать пришлось с большой высоты. Славка зажмурился и понял, что просто сейчас разобьется. Лучше бы бог с лицом Кира Булычева оказался прав, пусть бы Славка на минутку оказался бумажным, тогда ничего бы не случилось.

Удар был сильным.

Славка попытался подняться, но не смог. Левая нога пылала и отдавала болью.

Собрав все силы, мальчишка выполз из небольшого каменного мешка. Он оказался в горах. Внизу шумел лиственный лес. Где-то недалеко возвышался самый настоящий белокаменный замок. Наверное, это была какая-нибудь Германия, но, приглядевшись, Славка понял, что видит свое пенопластовое детище. Если бы не боль, мальчишка решил бы, что он никак не может проснуться. Но кости во снах не ломают.

Поднимался холодный ветер. Славка лежал на камнях и плакал. Настоящими, совершенно не картонными слезами. И вдруг где-то рядом с шумом опустилась птица. Славка утерся и поднял голову. Прямо перед ним стоял странный старик в дурацком халате, расшитом звездами.

– Вот мы и встретились, – сказал незнакомец. Но это был не бог и он ни капельки не походил на Булычева.

– Мне больно, – хлюпнул носом Славка, – я не могу ходить.

– Чуть, – отрезал старик, – с тобой ничего не может случиться!

Этот странный дед направил на Славку посох. И по бедру и колену побежало тепло. Мальчишка пошевелил ногой: боли не было. Это было самое настоящее чудо.

– Где я?

– В Новом Мире, – пожал плечами старик. – Я – Эйро, твоей милостью самый великий маг.

– И почему все взрослые в последнее время стараются меня разыграть? – покачал головой Славка. – Я же придумал Новый Мир. Понимаешь: выдумал!

– Создал, – поправил Эйро.

– Хорошо, – Славка решил не спорить с сумасшедшими, – пусть так. А теперь я могу вернуться домой, ну, в свои небесные чертоги?

– Ты можешь все, – пожал плечами волшебник.

– Но я хотел спросить: вы встретились с графом Орлэв, вы говорили? Что он решил? Он собирается и дальше бегать от судьбы или вернется, чтобы поразить Тэгре?

– Я не знаю, – всхлипнул в отчаянии Славка. – Кажется, я его видел. У него сломаны ноги. Он сказал, что тех, кто творит историю мира, всего восемь. А того из них, кто становится драконом, всегда можно остановить. Главное, вовремя это понять и не медлить.

– Это я хотел услышать, – сказал Эйро. – Возвращайся.

– Погоди, – Славка поднялся на ноги, сделал неуверенный шаг вперед. – У меня тоже есть вопрос. Надо мной тоже есть боги. А кто над ними? И кто создает богов?

– Боюсь, что мой ответ тебе не понравится. Ты должен найти свои ответы. Прощай.

И Славка проснулся.

Солнце заливало комнату. Родителей не было. Мальчишка метнулся к будильнику: проспал. Оля уже уехала.

Натянув штаны, Славка тоскливо поплелся на кухню и поставил чайник. «Все-таки нельзя так много играть, а то вот уже и ночные кошмары начинаются», – думал он, намазывая маслом хлеб.

В глубине дома загрохотало. Похоже, опять Барсик что-то уронил. Славка в раздражении отодвинул хлеб и вошел в спальню родителей.

Все было на месте. Кот спал на кровати и даже не думал шалить.

А вот на ночном столике лежала какая-то странная книга: с застежками, в железном окладе. Таких Славка еще не видел. Наверное, она была очень старинной. Славка не удержался и раскрыл этот пухлый том. Листы книги были желтыми, а заглавные буквы в начале каждого абзаца выделялись красным цветом.

«Наверное, отец принес, – подумал Славка, – он же реставрировал когда-то картины. Наверное, и эту книгу нужно как-то подновить». Но просто так уйти из спальни было уже немыслимо. Интересно ведь, что писали в книгах далекие предки. Навер-

ное, старославянский – это такая тарабарщина, которую и понять-то невозможно, но попытаться-то стоит.

Славка склонился над текстом. Это было что-то до боли знакомое. И написано на нормальном русском языке. Мальчишка воровато оглянулся и принялся читать.

– Драконов не существует! – рявкнул Влад, сын Тэгре. – Слышите, вы, книжные черви?!

Придворные маги согласно склонили головы.

– Если вы, гнусные лжецы, не можете поймать убийцу моего отца, то зачем я вас вообще кормлю?

– Принц, – самый старый колдун тряхнул волосами. – Я давно уже не в том возрасте, чтобы забирать свои слова обратно. Залей ты мне сегодня глотку раскаленным серебром – все едино ничего другого от меня не услышишь. Твой отец выпил кровь дракона и, несмотря на то, что внешне он оставался человеком, он жил и думал совершенно по недоступным нам законам.

Влад нахмурился:

– На что ты намекаешь?

– Принц – это не тот титул, которого достоин драконоборец. Победить в себе зверя – вот что открывает путь к тайнам высшей магии.

– Вы что же, предлагаете мне спать перед мавзолеем отца?! – усмехнулся Влад. – Или мне нужно посыпать голову пеплом и поклясться своим первенцем, что это именно я убил Тэгре, перед смертью превратившегося в дракона?

– Семь лет на службе у вашего отца любого пропитают змеиной мудростью и волчьей беспощадностью, принц.

– Не назначить ли мне тебя главным советчиком, маг?

– О, нет, не стоит, – старик даже усмехнулся. – Я еще способен вызвать и дождь, и шаровую молнию. Мне ли наущничать?

– Ты нахал, маг! – Влад швырнул в стену золотой кубок. Вино выплеснулось на голубые gobелены, оросило вытканых сражающихся бойцов так, что казалось, будто это проступила кровь раненых.

– Увы, грешен, – кивнул головой старик. – Но только дерзость может быть оценена по достоинству. Молчаливые сохраняют жизнь, говорящие – обретают царства.

– Ты у меня обретешь, – мрачно пообещал принц. – Будет тебе осиновый дом без окон и дверей.

– Тоже годится, – согласился маг.

– Стать в балладах борцом с тиранией – не самая плохая участь.

Влад хрипло рассмеялся:

– Так что же ты предлагаешь, Эйро? Я никак не могу взять в толк твоих речей.

– Драконы – одиночки, – старик хитро наклонил голову набок. – Но как-то же они размножаются?

Принц зло прищурился:

– То есть, я и есть драконий детеныш? Взросло-го зверя вы, маги, уже завалили и освещевали. Теперь вы дадите мне заматереть, но только в обмен на отречение от отца. И это нынче зовется мудростью? Сегодня я драконоборец, но завтра – и сам змей.

– Вообще-то мы видели только одного дракона, – робко вставил один из молодых волшебников.

Принцу поднесли новый кубок. Влад взял бокал, осушил его и вернул на поднос:

– Кажется, я вас прекрасно понял.

– Приятно быть подданным мудрого правителя, – склонил голову Эйро.

– Проваливайте!

Когда маги удалились, Влад поднялся с трона, подошел к окну и посмотрел на небо: «Дракон. Господи, какая наглая ложь! Кругом сплошные мошенники. Но на что только не пойдешь ради власти!»

Поиски уральских пещер

Недавно закончилась экспедиция на р. Тошемка (Ивдельское плато). Были исследованы и откартированы четыре пещеры, ранее неизвестные, либо не исследовавшиеся специалистами:

1. Мансийская (Тошемская) — 127/4 м
2. Мансийская — 2 15/+4 м
3. Шахта — 22 60/-22, +4 м
4. Колодец — 8 25/8 м.

Утром прямо у поезда их встретили Ивдельские спасатели. Лил бесконечный холодный дождь. Всех грела одна мысль: «Бывало и хуже...!». Затем 60 км на машине. В пути погода резко изменилась, но не в лучшую сторону — дождь сменился липким мокрым снегом. Когда они приехали на место, то вокруг было белым бело. Добрые ребята из Ивдельского МЧС предложили уральским спелеологам вернуться с ними обратно в теплую уютную населенку, но наши наотрез отказались. Все знали, на что шли и куда приехали... Октябрь на Северном Урале — это не осень в Крыму. Тут не позагораешь... И поэтому

туристы надели на себя все теплые вещи и разожгли костер.

Позавтракав, они пошли искать место для базового лагеря. Рядом — шустрая речка и очень много дров. Сразу занялись обустройством бивака — натянули костровой тент, поставили удобные и практически новые трехместные палатки.

И как только лагерь был готов, сразу вышли на поиски — дорога была каждая минута, так как во времени экспедиция была сильно ограничена.

Задачей на первый день был поиск пещеры Фадеевской. Описания ее местонахождения были 1950 годов, поэтому данные не всегда совпадали с тем, с чем сталкивались наши уральские спелеологи. Там, где раньше была деревня, теперь одни развалины, а такие ориентиры, как просеки шириной в пять метров, исчезли и заросли. Поиски продолжались более 4 часов, но безрезультатно. Поплутав по лесу в течении 4 часов, они так ничего и не нашли. В лагерь усталые исследователи подземных глубин возвращались по спутниковым навигаторам, пере-

говариваясь с базой посредством маленьких, но мощных раций.

Измотанные за день блужданий по зимнему лесу, они все же нашли силы разжечь большой таежный костер — «нодью», который не только быстро высушил их одежду, но и согрел душу, вселил уверенность в завтрашнем дне.

Второй день для уральской экспедиции СГС стал результативным. Весь состав разбился на две поисковые группы. Одного человека оставили с рацией в лагере, чтобы тот всегда мог контролировать ситуацию. В этот день каждая группа нашла по две пещеры. Настроение у всех поднялось, в глазах засверкал азарт первооткрывателей. Пещерки в этих краях, конечно, маленькие, не такие, как на Кавказе, но зато они представляют собой археологическую ценность. В одной из пещер были найдены кости современных и древних животных.

Дни пролетали с огромной скоростью, каждый вечер делали «нодью» (большим специалистом в этом нужном для всех деле показал себя бывалый водный турист Коля Пластинин). А как много песен было спето у костра!

На третий день одна группа пошла делать съемку найденных пещер и снимать фильм, а другая двинулась на поиск новых пещер. Но, к сожалению, других пещер в эту экспедицию они так и

не нашли. Трудно, а иногда даже очень опасно исследовать район в радиусе 1-2 км, так как из-за выпавшего снега все сливалось перед глазами и можно было не заметить глубокую воронку на расстоянии нескольких метров от себя. И все же руководитель экспедиции Дмитрий Баянов сказал: «Экспедиция удалась и собранный материал бесценен!!!»

Информацию о найденных пещерах уральские спелеологи обязательно передадут археологам и палеозоологам, которые продолжают исследования летом. А СГС еще обязательно вернется в этот район. Новые пещеры манят и ждут своих первооткрывателей.

Участники экспедиции

Пластинин Александр
 Пластинин Николай
 Сапожников Георгий
 Баянов Дмитрий
 Позднякова Лариса
 Косинцев Вадим
 Орленко Алексей
 Кондратьев Юрий
 Михайлова Анастасия
**Свердловская Городская
 Спелеосекция — СГС**

В поисках Родины

Ах, как мне хотелось поехать в Суерку! Иные новые русские так рвутся на Гавайи или на Мальдивы, как я рвалась в это село в двух часах езды от Тюмени: необъяснимо, отчаянно, словно что-то кому-то хотела доказать. Зачем, почему? А как объяснишь, почему птицы по весне покидают тёплые края и летят на родину, вопреки расстояниям и непогоде? Зов предков, наверное, гены, будь они не ладны: из этих мест деды мои и прадеды.

КАК СОЛДАТ К ЦАРЮ ЗА ПЕНСИЕЙ ХОДИЛ

Село Суерка мне не чужое, хотя и выросла я далеко отсюда — в пыльном, шумном, суетном мегаполисе, и о деревне этой до сей поры мне было известно лишь одно: здесь, в трёхклассной церковно-приходской школе девяносто (ужас!) лет назад училась моя бабушка, Ольга Александровна Новосёлова. От того благословенного времени сохранилась похвальная грамота, полученная ею за успехи в учёбе и прилежное поведение.

В Суерке дышится легко. Хо-ро-шо-о-о! Звенящая тишина: паузы со стрекозами демонстрируют фигуры высшего пилотажа. Жаркое солнце, кипящей лавой хлынувшее на землю с невозможно синего неба. А накануне шёл дождь, и от того нежная зелень травы ещё светится чистотой.

Я оглядываюсь вокруг. И, честно говоря, с трудом осознаю, что босоногой девчонкой бабушка пробежала именно по этой улице, где стою я сейчас: здесь у церкви преподобного Серафима Саровского и находилась церковно-приходская школа.

Вообще-то деревня когда-то называлась Осиповой — по имени своего основателя Осипа Николаевича Давыдова, пришедшего в эти края в 1610 году. Может, и дальше бы так называлась, если бы не река Суерь, которую приходилось преодолевать всем, кто ехал в деревню. Постепенно Осипово стали называть Суерским, а потом и вовсе — Суеркой.

Село было не бедное: три каменных купеческих дома, две церкви, земская управа, чайная и даже кондитерская. Пожар 1914 года уничтожил половину села, но, к чести жителей, они отстроили его заново.

Славилась Суерка и своими ярмарками — их проходило аж четыре в год! На площади ставили два ряда деревянных лавок, торговали тканями, продуктами, из Оренбурга везли пуховые шали, из Тобольска — рыбу, клюкву, орехи, из Китая — шелка. Да и свои, местные, не уступали: несли шерстяные самотканые ковры, шерстяные же шали, кружева, вышивки и многое другое. Торговые ряды тянулись до самой церкви.

О храмах разговор отдельный. В начале века в Суерке было две церкви. Сегодня чудом сохранилась одна: её строили всем миром с 1905 по 1912 год, и получила она своё название в честь преподобного Серафима Саровского. Службы в церкви продолжались до 1964-го года. Потом её закрыли. Храм стал разрушаться. Часть икон вывезли в Ялуторовск, часть — растащили. А в 89-м, когда ветер перемен долетел до Суерки, к главе сельсовета Николаю Васильевичу Магнееву потянулись ходоки: давай, Васильич, восстановим!

И поднялась красавица-церковь. Скоро привезут из Тобольска и установят иконостас — он обошёлся в четыре миллиона рублей. Спасибо знаменитому земляку — директору Сургутнефтегаза Владимиру Богданову. Церковью гордятся в деревне. Утраченные были иконы собирают по домам. Кое-что уже привезли из Ялуторовска. Вот только суерскую святыню — явленную чудотворную икону Тобольской богородицы (она, говорят, приплыла в село по Тоболу), — им не хотят возвращать, чтобы не лишать ялуторовских прихожан возможности поклоняться ей. Но вроде бы уже достигли договорённости: икона будет путешествовать из Ялуторовска в Суерку и обратно. Пока же в храме хранится старинный список с неё. Из Москвы уже доставили церковное оборудование: люстры, подсвечники и многое другое. Вот с колоколами проблема — уж очень дорогие.

Между прочим, главный энтузиаст на этом строительстве — церковный староста Александр Плотноков, Саша. Было время, когда Саша слыл первым матер-

щинником на деревне, да и выпить любил без меры. А потом заболел тяжело, и как подменили человека: уверовал. День и ночь теперь на церкви. Другого такого храма во всём Упоровском районе нет.

Но для меня Суерка навсегда связана с одним семейным преданием. Прадед мой Александр Павлович Новосёлов вернулся с русско-японской войны слепым инвалидом. Дома его ждали жена Афанасия Ильинична, семь малолетних дочерей — моя бабушка, родившаяся в 1901 году, была старшей, и сын. Земли у них было — с гулькин нос: по существующим тогда законам земельные наделы выделялись только детям мужского пола. Да и то, что было, слепой солдат обрабатывать не мог.

Жили бедно. А тут ещё местные богатеи, гоняя скот, потравили хлеба. Идти бы девчонкам по миру, просить милостыню, но Александр Павлович осерчал: поеду, сказал, к царю, пожалуюсь. Неужели я пенсии не заслужил? И поехал. Не один, правда, кто ж его, слепого одного отпустит: в дальнюю дорогу вместе с ним отправилась и Афанасия Ильинична. На дворе стоял 1908 год.

Денег хватило доехать до Екатеринбурга. Там они могли бы застрять и, быть может, вернуться обратно, не солоно хлебавши, если бы не случай. На вокзале, как гласит легенда, Афанасия Ильинична встретила женщину с ребёнком, заходившимся в плаче. Младенец всё не унимался, и крестьянка, слышавшая в родной деревне знахаркой — и детей лечила, и роды принимала — взялась его успокоить. Женщина оказалась женой офицера, следовавшего в столицу, и в благодарность за помощь семья взяла слепого солдата и его спутницу с собой. Так они попали в Петербург. Расставаясь, офицерская жена дала Афанасии Ильиничне немного денег и напутствовала: вам будут милостыню подавать, вы берите и идите, не останавливайтесь, не то вас в «нищенскую» заберут.

А дальше, дальше просто невероятная история. Александр Павлович и Афанасия Ильинична добрались до императорского дворца. Их не только не прогнали прочь. Их приняли, отправили в баню, переодели с ног до головы, — «Сроду не видала такой одежи!» — говорила бабушка Афанасия, и устроили георгиевскому кавалеру аудиенцию у государя императора всея Руси! Афанасию Ильиничну к царю не допустили, она ждала мужа за дверью. Исторические параллели проводить не будем.

Что слепой солдат рассказал Николаю Второму? — Пожаловался, что бедствует, что богатеи в деревне притесняют, что милостыню приходится просить, а дети — мал мала меньше — с голоду пухнут. Царь инвалиду войны не только дал пенсию, он ещё написал указ о том, чтобы всей общиной ему обрабатывали землю, чтобы хлеб в семье был круглый год! Афанасия же Ильинична получила подарки для всей семьи

— по пальтишку на каждого ребёнка. И на почтовых лошадах через всю Россию их отправили домой, в далёкую Тобольскую губернию. Да-а-а, царскую семью десять лет спустя так ласково в наших краях не встречали... Александр Павлович и Афанасия Ильинична путешествовали восемь месяцев. А когда вернулись, в деревне поднялся переполох! С тех пор семья не бедствовала. Мир выстроил им двухэтажный дом, обеспечивал их хлебом, а пенсия позволяла не только жить, но ещё и учить старшую дочь Ольгу.

Закончив суерскую церковно-приходскую школу, Ольга поступила в ялutorовскую прогимназию. Правда, чтобы заплатить за учёбу, пришлось отдать в няньки её сестру Прасковью. Быть бы бабушке моей образованной, если бы не революция. В смутные времена гимназию закрыли, в двадцатом умер отец, и Ольга вышла замуж. Но это уже совсем другая история.

ОЖГИБЕСОВЫ ИЗ ДРУЖИНЫ ЕРМАКА?

Серая змейка асфальта теряется в зелёном плюше полей. Белые, причудливых форм облака — таких не увидишь в городе, где горизонт надёжно укрыт за сторожевыми вышками многоэтажек, — кокетливо разбросаны по голубому полотну неба. Бесцеремонные грачи лениво взлетают из-под самых колёс нашей «Волги», заставляя меня вскрикивать в испуге и закрывать глаза рукой. Любопытные чибисы прыгают у обочины: Чьи вы? Чьи вы? А ничьи... Заблудились, потерялись в этой жизни и колесим теперь по дорогам в поисках своего не то прошлого, не то будущего.

У меня редкая фамилия — уж такой наградили родители. Более того, она внесена в реестр редких русских фамилий. Но окружающие смотрят с подозрением, выискивая в ней тюркские корни, а в моём лице — азиатские черты. И так устала объяснять на сто двадцать пятый раз: русская я, и корни мои — здесь, в этой сибирской земле, в деревне Нифаки Упоровского района, где я никогда не была и куда везёт меня теперь синяя «Волга».

Первое упоминание фамилии «Ожгибесов» встречается в русских летописях начала 16 века. Как и почему попал в историю онежский крестьянин, сейчас уже и не скажешь, но факт остаётся фактом. В 18 — 19 веках фамилия получила распространение за Уралом. Получила распространение — громко сказано: в телефонном справочнике Тюмени Ожгибесовых лишь пятеро (исключая автора этих строк).

Происхождение фамилии покрыто мраком. Одни толкователи считают, что в её основе лежит поговорка «Ожги тебя бес!», аналогичная «Чёрт тебя возьми (побери)». Другие видят религиозную подоплёку: ожги беса, то есть изгнаны его. А третьи... видимо, из тех, кому пришлось близко общаться с представителями рода Ожгибесовых, не без основания считают,

Похвальный лист
Ольги Новоселовой

что носитель этой фамилии способен даже беса ожечь. Такой уж характер!

Как мои предки попали на тюменскую землю, тоже не совсем ясно. Вариант первый и самый вероятный. В 1590-м году появился Указ царя Фёдора Иоанновича об отправке в Сибирь первых переселенцев для освоения плодородных сибирских земель. Крестьян-хлебопашцев отправляли с северной Руси, в частности, из Соль-Вычегодска, что на Северной Двине. А чтобы не обезлюдели эти места, велено было брать «сына от отца», «брата от брата». Но если мы посмотрим на карту, то увидим, что и Онега, и Северная Двина расположены в одном и том же регионе — на Архангелогородчине. Так что основатель рода Ожгибесовых вполне мог попасть в Сибирь с первыми переселенцами в конце 16 века.

Есть и другое предположение. И связано оно с завоеванием Сибири Ермаком. Якобы Ожгибесовы пришли в наши края с дружиной сибирского первоходца или вслед за ним. Как известно, Ермак начал завоевание Сибири в 1580-м году. А вот где он набирал свою дружину, — об этом до сих пор спорят историки и краеведы, называя родиной Ермака то Владимир и Суздаль, то Донские степи, то Поморье. А что, если Поморье? В этом случае такая версия хотя и маловероятна, но вполне имеет право быть.

Ну и, наконец, некоторые считают, что Ожгибесовы попали в Сибирь с раскольниками-староверами на столетие позже — на рубеже 17-18 веков. И такое возможно: деревня Нифаки, действительно, основана староверами, которые жили там вплоть до революции 1917 года, под корень подрубившей старую, устоявшуюся веками, деревенскую жизнь.

НИФАКИ БЕЗ ХРАМА

Никто поначалу не понимал, что ищу я в забытой богом деревеньке с непонятным, необъяснимым названием Нифаки.

— Вы, должно быть, представления не имеете, что это за деревня? — спросил меня глава администрации Упоровского района, когда ещё из Тюмени я позвонила ему и попросила организовать эту поездку. — Там ничего нет. Одна улица да десяток домов.

— Вот и хочу увидеть эту улицу! — настаивала я на своём. — Фамилия моя вам ни о чём не говорит?

— Там пол-деревни Ожгибесовых, — понял меня глава и сдался, смеясь, — ну, если землячка... тогда приезжайте.

Альберт Альбертович Гольцман, глава Ингалинского сельсовета, куда входит деревня Нифаки, узнав, что едет журналист из области, заперезживал: почему именно туда? Проблемная, мол, деревенька, —

как бы перед всем миром в грязь лицом не ударить. Повздыхал, поморгал белёсыми ресницами, но делать нечего: куда от настырной журналистки денешься! Сел в машину в качестве лоцмана — указывать путь.

По дороге рассказываю историю своей семьи, точнее, ту её часть, которая мне известна.

Мой дед Лукьян Ильич Ожгибесов родом из деревни Нифаки. Я никогда не знала его, так же, как мой отец, его сын: деда расстреляли в 37-м. Бабушка, Ольга Александровна, родом из деревни Широкоплекичково (ох, и крепок же, наверное, был её основатель!), умерла в 75-м, мне тогда не было и пятнадцати. В этом возрасте ещё не интересуются историей своего рода. А сегодня... сегодня Ожгибесовых по нашей линии почти не осталось, и если я не расскажу своим детям о том, где их корни, никто другой не сделает этого.

Не знаю, что я хотела увидеть. Может, разноцветную лубочную картинку? Деревенскую идиллию с коровками и овечками на зелёной лужайке? Чистенькую ухоженную деревеньку с асфальтом и аккуратными палисадниками?

То, что я видела, пока мы проезжали соседние Упорово, Суерку, Ингаллину... В них есть движение, в них есть жизнь, а значит, в них есть будущее. Первое же, что увидела, едва машина миновала указатель с надписью Нифаки, — полуразрушенный дом с чёрными провалами окон и буйно разросшейся зеленью вокруг...

«Волга» свернула с асфальта и стала медленно пробираться по разбитой, искорёженной улице, похоже, никогда не знавшей, что такое щебень, тротуары, газоны. Мы словно попали в прошлый век — старые, почерневшие от времени дома, покосившиеся ограды... Такое впечатление, как будто много лет назад деревня махнула на себя рукой: а-а-а, пропади оно всё пропадом! И живёт по инерции.

Умирают старики, уезжают молодые, опустевшие дома раскатывают и увозят на ту сторону реки Ингал, на берегу которой стоит деревня, соседи — татары, как их называют в Нифаках. Пустыри затягиваются злой крапивой, и только остатки изгородей торчат из земли, как последние, сгнившие уже, кривые зубы столетней старухи.

За последние семьдесят лет двадцатого века в Нифаках не построено ни одного нового дома. В деревне, где некогда жили староверы, нет храма, а там, где он стоял, на высоком берегу реки, поставили дом чужаки — приезжие казахи.

...А ЧАЙ ПОПИТЬ НЕ У КОГО

А когда-то всё было по-другому. До коллективизации в Нифаках было сто сорок четыре двора,

Дом Луки Ожгибесова

сто семьдесят шесть человек трудоспособного населения, то есть мужчин, и двести тридцать девять голов крупного рогатого скота.

Народ жил зажиточный. Дома были рубленые — у кого пятистенки, а у кого и в два этажа: внизу подсобные помещения, наверху молотилка и светлица. Один такой дом до сих пор сохранился. Не на один век ставил его купец Лука Ожгибесов. Хозяина убили ещё в двадцатые. Говорят, попал под горячую руку не то белым, не то красным. Жена умерла от переживаний, когда начали раскулачивать — в ту пору и отнять-то у них уже было нечего. Старший сын погиб в Отечественную, и лишь младшему, Лаврентию, вернувшемуся с войны, разрешили жить в отцовском доме. Лаврентий Лукич уже умер, а дом всё стоит, и белые облака отражаются в чёрных с резными наличниками окнах.

Галине Константиновне Кондаковой, старейшей жительнице деревни, девяносто два года. Маленькая, сухонькая — время согнуло её надвое, избородило морщинами потемневшее от старости лицо. Передвигается баба Галя с помощью маленькой табуреточки: лихо переставляет её перед собой, перебираясь из кухни в комнату. Бог взял у неё молодость и красоту, но сохранил ясным и ум и память.

— Бабушка, — спрашивает её Альберт Альбертович, — вы нифакинская родче (то есть родом)?

Галина Константиновна — костромская, но в Нифаки её привезли аж в двадцатом году, так что другой родины она не знает.

— А ты чья? — это она спрашивает меня.

— Я, — отвечаю, — Ожгибесова, внучка Лукьяна Ильича. Помните такого?

Я больше, чем уверена, что не помнит, — всё-таки девчонкой ещё была, да и столько лет прошло. И каких лет! И вдруг...

— Лукьяна-то? Конечно, помню. Жена у его Ольга была. А детей у их не было.

Не было, это точно. Двое умерли во младенчестве. Мой отец родился в 32-м уже в Тюмени — «Убью, если не сохранишь!» — сказал Лукьян жене.

Сказать, что я потрясена, — ничего не сказать. Смотрю на эту сморщенную старушку и не могу представить и поверить, что она знала молодыми людей, один из которых умер тому 76 лет, а вторая — четверть века назад, не дожив нескольких дней до своего семидесятипятилетия.

— Расскажите про Лукьяна, — прошу я, — какой он был?

Баба Галя смотрит на меня оценивающе, словно раздумывает: сказать — не сказать? И я, неловко усмехаясь, добавляю: говорят, сильно крут?

— Злой, — уточняет она, — жену свою бил.

Я тушуюсь. Мне неудобно перед бабой Галей, перед Гольцманом, который сидит рядом, словно я виновата, словно жестокость деда бросает тень на мою репутацию. Нравы-то у русских мужиков всегда были — не приведи Господи! Что уж говорить про Ожгибесовых. Они отличались взрывным, необузданным характером.

Прадедущка Илья Гаврилович двух жён в гроб вогнал. Третья его пережила, да и то потому, что была намного моложе. От трёх жён одиннадцать детей осталось: пол-деревни родственников, если хорошенько в родословных покопаться.

— Родни много, — как сказала баба Галя, — а чай попить не у кого.

Тут она не совсем права. Чаем меня напоили таки: двоюродная тётка Анна Климентьевна и её дочь, а стало быть, моя троюродная сестра Люба. Анна Климентьевна была замужем за Евгением Григорьевичем, сыном Григория Ильича, родного брата моего деда.

Анна Климентьевна легенду о крутом нраве представителей рода Ожгибесовых подтвердила: и у Григория Ильича жена без синяков не ходила, да и сын его Евгений... «Ох, — говорит, — и погонял он меня!»

А о том, как бабушка моя Ольга от мужа сбежала, до сих пор в родне вспоминают. Брат Лукьяна Иван пожалел невестку: на телегу уложил, дрючком прикрыл, сверху навозом забросал, да и увёз из деревни. Лукьян отыскал её; привязал за косу к седлу и так привёл в Нифаки, нахлёстывая поочерёдно кнутом то коня, то жену.

... Галина Константиновна давно не вспоминала то время, сиротское своё детство: парней в семье не было, отец-портной обшивал деревню, а она с десяти лет трудилась наравне со взрослыми в поле: пахала, говорит, на двух лошадях.

— И Лукьян, — это она про моего деда, — своё хозяйство держал. А Ольга была нездешняя. Я у неё ночевала не раз: муж куда уедет, — она меня зовёт для веселья.

— До коллективизации, — говорит баба Галя, — хорошо в деревне жили. На Береговой улице ставили лавочки, торговали... Веселье было... Парни боролись.

Борьба была главным развлечением нифакинских мужиков. На престольный Прокопьев день съезжалась родня из окрестных деревень — так и говорили: на съезжую — гуляли, праздновали, а потом сходились в круг и начинали бороться. «Балом правили» старики: выносили приз и следили, чтобы боролись без обмана. Выходила пара борцов — кто побеждал, тот нового противника зазывал. И так пока не оста-

Ольга и Лукьян Ожгибесовы

вался последний, с кем схватываться уже никто не решался. Он и признавался победителем. Если чужой был, нездешний, то в качестве приза мог и бутылку вина получить.

Сами же старoverы пили только «травнуху» — настой из трав, вино и водка были под запретом. Непьющая была деревня.

А потом...

— Потом, — всплещивает руками баба Галя, — как с неба пало: давай выселять! Добрых-от выгнали, а лентяев да голытьбу оставили!

Когда дед мой, Лукьян Ильич, женился, жене говорил: десять лет будем работать по-чёрному, а потом проживать нажитое. Наверное, так оно и вышло бы. Но в тридцатом он, по слухам, один из тех, кто устанавливал в деревне Советскую власть, понял, куда ветер дует: распродал всё, что имел, заколотил дом и подался в Тюмень, от коллективизации подальше. И стал кормилец нахлебником.

А вот брата его, Алексея Ильича, раскулачили: дом-пятистенок, который он только поставил, отняли, а самого выслали. Только за два года, с 33-го по 35-й, в деревне стало на десять дворов меньше: кого выселили, кто сам уехал.

Оставшихся крестьян задавили налогами: корова есть — телёнка сдай; нет телёнка — купи да сдай; овец нет, а шерсть сдай; кур нет — яйца сдай.

Баба Галя плачет от старой, но незаживающей обиды:

— Пришла в правление послабления просить: четверо детей, муж на войне. Так меня врагом народа назвали! Так и кричали на собрании: враг народа! Если бы не дети, расстреляли бы!

О том, что раньше в Нифаках жили богато, помнят все. Вот и Альберт Альбертович, глава Ингалинского сельсовета, головой кивает: да, так и говорили, мол, в Нифаках-то живут богатенькие, а в Ингалинке — лентяи да пьяницы. И вдруг всё поменялось, всё встало с ног на голову. Что же нужно было сделать с собственным народом, чтобы он так махнул рукой на свою жизнь?! И не обидно ли? Мне — обидно. Я хоть и городская, но так хочется гордиться своей малой родиной, а не стыдиться её.

В последние годы за Нифаками прочно закрепилось прозвище «пьяная деревня». А чем было заниматься, когда ни работы, ни развлечений? Колхоз распался, клуб — развалюха. Была начальная школа, и неплохая, говорят, но она сгорела. Детишек сначала разместили в пустом доме, потом в клубе, а в прошлом году закрыли совсем. Школьников теперь возят на автобусе в соседнюю Ингалинку.

Но что меня поразило больше всего, так это полное беспамятство нифакинских жителей. Никто так и не смог мне сказать, когда, хотя бы приблизительно, была основана деревня, кто был первым её жителем, откуда у неё такое странное, непередаваемое название? И никому, кроме меня, это совершенно не ин-те-рес-но! Как будто свалилась деревенька с неба и живут в ней Иваны, не помнящие родства. Без прошлого и будущего.

Сегодня в Нифаках осталось шестьдесят четыре двора. Всё те же две улицы, вот только поредели они основательно. И всё население — сто двадцать человек.

У въезда в деревню, там, где раньше был дедовский дом, — его раскатали не то ещё в тридцатые, не то позже — теперь лишь огромный, раскидистый тополь. Когда-то он стоял в самом центре села, прямо напротив несуществующей уже церкви, и до околицы была ещё добрая дюжина дворов...

НИФАКИ В «ЗЕНИТЕ»

Ах, как не хочется заканчивать повествование о своём путешествии на печальной ноте! Да и неправильно это будет. Хоть и провалилась деревенька одной ногой в болото позапрошлого ещё века, а другой всё же выбраться норовит. В отличие от многих сёл, прошедших тот же путь, что и Нифаки, шанс у неё есть. Прежде всего потому, что есть работа.

На базе распавшегося колхоза с символическим названием «Родина», куда входила деревня, несколько лет назад образовалась ООО «Зенит». Два его подразделения — полеводческое и молочная ферма — расположены именно в Нифаках. Там работают около шестидесяти мужчин и тридцати женщин: практически всё трудоспособное население. И, по словам генерального директора «Зенита» Алексея Хрушкова, неплохо работают. Умудряются даже обрабатывать часть соседских, ингалинских полей.

Средний заработок в «Зените» — около трёх тысяч рублей. По деревенским меркам это хорошо: у каждого же ещё и подсобное хозяйство, так что никто не бедствует. В сезон, бывает, у механизаторов и до десяти тысяч выходит. Были и такие, кто двадцать семь тысяч получал, — было бы желание.

— Народ работающий и ответственный, — говорит о нифакинских жителях Алексей Михайлович, — хоть и немногословны, но общаться с ними легче и проще, чем с ингалинцами. А что касается пьянства, проблема решается: многие закодировались, причём по собственному желанию.

Может, надоело уже водку пить да баклуши бить? Может, выиграли в них гены трудолюбия и деловой хватки, которыми славились в прошлом нифакинские «богатеи»? И, значит, есть надежда, что на пустыре, поросшем крапивой, вырастет однажды новый дом. Потому что, где нет жилья, там люди не остаются...

Можно я приду к тебе в субботу?
С пустяковым и несложным делом,
Пусть твои уедут на работу,
Я футболку новую надену.

Перед телевизором без звука
Заложи мне всех своих знакомых.
Я скажу, заметив: "Вот так штука!
Мне спокойно у тебя, как дома".

В сторону помотришь, не ответишь,
Голову склоню и рядом-рядом...
Поцелую, ты и не заметишь,
Будто бы так надо. Так и надо.

07.05.04

Женщина, ты настоящая женщина,
Только за это тебе и прощается!
В горле прорезалась грубая трещина,
Голос сломался и не прочищается.

Молча смотрю на тебя в изумлении,
Чувствую, как ты со мною расправишься —
Тонко и подло! В такие мгновения
Стерва, ты мне по особому нравишься!

15.05.04

Знаю, плохо тебе, да не тронь, —
Выводить надо нежно и чисто,
Поскучает на тумбе гармонь,
Подождет своего гармониста.

Отгуляет, пропьяется, придет,
От полочки на третьей неделе,
И родная сама запоет,
И залечит не хуже свирели!

Ну а ты, не умея, не жми!
А гармонь как женщины, знаешь —
Приподнимешь легонько к груди,
Продохнешь... И от сердца сыграешь!

17.03.04

Так роди же мне сына,
Я прошу, обязательно сына!
И когда я остыну
Он сумеет тебя обогреть.

Я отдам половину,
Я оставлю свою половину,
И в холодное небо подкину...
И спокойно смогу умереть.

13.11.04

Лукьянов Александр Евгеньевич, 1983 г.р., родился и живет в г. Ревде, закончил гимназию №25, посещал геологический кружок, лауреат губернаторской премии в области геологии (1998 г.). В данный момент является студентом Уральского Государственного Горного Университета, 5 курс. Пишет стихи с 2003 года.

В удивительном порядке
Начинаются стихи:
Ручка, ластик, на тетрадке
Карандаш и две руки.

На столе рабочем стружки —
Черновые мысли вслух,
Из-под чая грязных кружки
Как всегда не меньше двух.

Где бумажные завалы,
Сессионные "грехи",
Там в порядке, мал по малу
Начинаются стихи.

21.04.04

Про кровь и вены

Бесконечно струилась вода,
Шелестела из старого душа,
Отвечая на тихое «да»
Прожурчала мне в самую душу.

Что там билось под кожей? Она
Расплескавшись, в крови заблестела
И до приторной боли свела
Мне дугой напряженное тело.

Звон! И бритва легла отдохнуть,
Я играл ей размашисто-быстро...
На пару раскрасневшийся чуть
Шел из ванной побритый и чистый!

Апрель 04

Было бы здорово, если б ты плакала
Тихим дрожанием плеч,
Так бы твоё настоящее капало,
Дав безутешную течь.

И в стороне я бы замер растерянно,
Твой постигая язык, —
Как ты ходила! — Легко и уверенно, —
Шагом, похожим на крик.

20.12.03

Дневник одного похода, или «Единичка» на Северный Урал

В городе ноябрь... В городе тепло и сыро, слякоть, идет мокрый снег, практически дождь. Я еду на вокзал. По пути вспоминая, все ли взяла. Каждый второй прохожий, глядя на меня, не может сдержать улыбку, но я не обижаюсь. Действительно, смешно смотрю под дождем и с лыжами. Они ведь не знают, что там, куда я завтра приеду, уже царствует зима.

День первый:

Сегодня мы уезжаем в Североуральск... В лыжный поход первой категории сложности.

У нас довольно интересный маршрут: Североуральск—Хребет Кваркуш—г. Вогульский камень (1066)—р. Вагран—г. Казанский камень (1034)—Североуральск. Должно быть интересно.

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели...». Наша группа грузится в поезд шумной, веселой толпой количеством в 16 человек. Ну и, следовательно, 16 пар лыж! Если честно, проводники не очень обрадовались нашему появлению. Но после честного обещания, что мы будем тихо себя вести, они подобрали, и все стало хорошо. Ехать, в принципе, недолго всего 14 часов. Есть время, чтобы познакомиться и хоть немного узнать тех людей, с которыми тебе предстоит в течение недели жить в шатре.

День второй:

Утро нового дня. До прибытия на станцию осталось всего около часа. Последняя, контрольная проверка личного и общественного снаряжения. Вроде бы все нормально. Вот и г. Североуральск. Здесь уже самая настоящая зима, кругом один снег.

На вокзале нас уже встречают, с машиной, которую мы заказали заранее. На этой машине предстоит сегодня преодолеть около 70 км до подножия хребта Кваркуш. Утрамбовав в машину себя и вещи, отправились в путь. Ехали весело, с гитарой, песнями, анекдотами и шутками. Было относительно комфортно, но все равно никто не упускал шанса прогуляться, когда водитель иногда останавливался. Вот мы и на месте. Подножие хребта. Быстренько выгрузили вещи и приступили к установке лагеря. По плану здесь у нас будет три ночевки, значит, лагерь надо ставить основательно. Хорошенько вытоптали место под шатер, там, где будет стоять печка, подложили лапник, чтобы снег под печкой сильно не протаивал. А то провалится, и где мы её потом ловить будем. Поставили шатер.

Заготовили кучу дров для костра и печки, на все два дня и три ночи хватит. За делами время летит незаметно, после ужина немного поиграли на гитаре и попели песни... пока начальство не скомандовало «отбой». Всем спокойной ночи!

День третий:

Сегодня по плану у нас радиальный выход в район Жигаланских водопадов. Есть возможность посмотреть на обледеневшие водопады, а заодно вспомнить, как катаются на лыжах. С прошлой зимы никто на лыжах не стоял. Первые полчаса прошли под радостные вопли барахтающихся в сугробах, но вот вроде бы разобрались, где правая, а где левая нога и как ими надо шевелить, и в каком направлении. Тронулись. То есть в путь тронулись. Естественно, здесь для нас никто дорог не прокладывал, поэтому начали тропить челноком. Живенько так получилось, аж смотреть приятно было. Быстренько пробежавшись до речки Жигалан, мы перешли ее, слегка подмочив репутацию, то есть лыжи. И тут началось самое интересное. Мы пошли вверх по речке напрямую, через весь бурелом и почти непроходимые дебри леса. Преодоление препятствий на лыжах — это вам, знаете, не просто так. Но мы не ищем трудных путей, а легкими не ходим! С горем пополам, собрав все сугробы, мы дошли до водопадов. Жигаланские водопады зимой — непередаваемое впечатление, Шум воды, заледеневшие брызги причудливой формы...

Просто потрясающе.

Устроив прямо там небольшой обед, немного отдохнули и пошли обратно в лагерь.

Завтра довольно сложный день: нам предстоит еще одна радиалка протяженностью около 25 км на г. Вогульский камень (1066 м).

В связи с этим отбой в девять, подъем дежурных в пять, группы — в шесть. Раньше выйдем, раньше вернемся...

День четвертый:

Рано утром колонна из 16 человек выдвинулась наверх. Довольно быстро мы дошли до границы леса, вроде все нормально. Начали траверсировать хребет. Когда дошли до долины реки Жигалан, погода начала постепенно портиться, поднялся ветер. Речку перешли в самом узком месте по снежному «мосту»; сориентировавшись по карте, двинулись дальше. А погода тем временем все ухудшалась. Начинаясь метель. Начальник здраво оценил ситуацию и принял решение разворачивать группу и возвращаться в лагерь, т.к. видимость и так уже была очень плохая. Первый раз я видела, чтобы погода так резко менялась, вот вроде бы все нормально, а через пять минут ничего не видишь дальше вытянутой руки.. Лыжню заметало буквально на раз, два, три.

Несмотря на не взятую вершину народ получил кучу непередаваемых ощущений, когда еще полутьма пошаталась по хребту в условиях нулевой видимости и довольно сильной метели.

После такого насыщенного дня, народ спал как «бревно». За радиалку устали все так, что даже спать ложились задолго до отбоя, где-то в районе 19.30, сразу после ужина.

День пятый:

За три дня я уже привыкла к этому месту и теперь как-то немного грустно уходить отсюда. Но надо.

За сегодняшний день нам надо на лыжиках по дороге дойти до речки Вагран, и встать там, на ночевку, чтобы завтра совершить радиальный выход на гору Казанский камень (1034 м). Расстояние в принципе не очень большое всего в районе 30 км, за световой день должны успеть.

Сначала шли на лыжах, но ближе к обеду температура поднялась до нуля, и начался, подлип. Идти стало практически не возможно, на каждой лыже прилипло, чуть ли не по 2 кг снега, в связи с этим народ плавно начал переходить на пеший образ передвижения. По дороге, при наличии подлипа, пешком получалось почти так же как на лыжах. Перекус, он же обед устроили на р. Сурья, где-то в районе 13.00. После обеда, особо не торопясь, прошли оставшееся расстояние до р. Вагран и разбили лагерь. Программа минимум на сегодня выполнена.

День шестой:

Задачи сегодняшнего дня: радиалка на горушку Казанский камень (1034).

На взятие вершины выдвинулось уже 11 человек, остальные остались в лагере, по различным причинам. Сначала шли вдоль правого берега р. Вагран, через 1.5 км переходим на левый берег и начинаем подниматься вверх постепенно набирая высоту. Вышли на седловину, погода если честно чуть получше чем на Вогульском, но не сильно. Видимость плохая. Уловив момент когда вершина Казанского камня полностью раскрылась, начальник быстренько успел взять на неё азимут. Дальше уже шли по компасу. Несмотря на все препятствия вершина Казанского камня в этот день была взята. Сфотографировались на вершине с российским флагом, и быстро вниз пока не сдуло! К сожалению, не хватило времени, чтобы сходить в избушку охотников на седловине, а то могли бы посмотреть на олени шкуры, упряжки, сани в которых раньше ездили на оленях.

Спустившись до границы леса, поделились впечатлениями, устроили перекус, и вниз домой. К стати вниз получилось гораздо веселее, чем вверх, все-таки лавировать между кустов, сугробов и деревьев на большой скорости это уметь надо! Естественно не обошлось без падений и кувырканий по сугробам, но это не доставляло особых проблем. Порезвились слегка.

День седьмой и восьмой

Программа минимум семинара выполнена, осталось всего ничего, выйти за 2,5 дня в город Североуральск, сесть на поезд и уехать домой. А сейчас вперед по дороге, за облаками туда, где виднеется линия горизонта.

Последующие два дня ничем особенным не отличались, шли по дороге в сторону города, по дороге обсуждали радиалки, погоду и все что только могло прийти в голову.

День девятый:

Последний день похода порадовал ощутимым похолоданием. Как говориться — мороз подкрался незаметно. Утро воскресенья встретило нас приятным морозцем, градусов, где-то 15-20. В связи с этим скорость передвижения резко возросла, однако холодно стоять то! В деревню (поселок, село) Покровск-Уральский, выскочили очень удачно, всего за пол часа до автобуса. Пока ждали автобус, успели сфотографироваться на остановке, скупить и съесть все пирожки в близлежащих ларьках и магазинах. Легким штурмом взяли автобус и поехали в город. Прямо скажем, местное население было не очень счастливо ехать в нашем обществе, но что поделать — мы честно заплатили за проезд.

Приехав в город народ, разбежался по магазинам закупаться провизией в паровоз, а заодно прогуляться по городу. Начальство тоже решило прогуляться... отсутствовало четыре часа, осиротевшие группы ломали головы, где руководство могло задержаться.

Версии были следующие:

1. Сидят где-то в столовой...
2. Ищут почту...
3. Пошли в кино...
4. Моются в бане...все в одной ванне...
5. Мечутся в поисках местного пивзавода...
6. Сбежало...

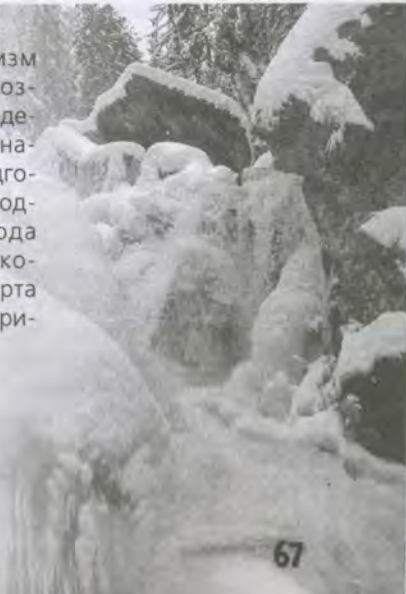
Вернулось начальство, доложило что город довольно интересный, небольшой, но милый и симпатичный.

Ну, вот и все, подошел поход к своему логическому завершению. Вокзал. Поезд. Наш любимый 13 вагон. Через 14 часов будем уже в Екатеринбурге. Все кончилось, грустно, немного жаль, печально...

До свидания Североуральск, Кваркуш, Вагран, ГУХ (Главный Уральский Хребет), Казанский...

Когда нибудь мы еще вернемся, а сейчас до свидания!!!

Спортивный Туризм медленно но верно возрождается, об этом свидетельствуют семинары начальной туристской подготовки проводимые Городским Турклубом города Екатеринбурга под руководством мастера спорта по туризму Бахтиной Ирины Леонидовны

ЛИЧНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ТУРИСТА-ЛЫЖНИКА

Одежда

В последние годы для зимних походов с успехом используют ветрозащитные куртки типа «анорак». Их достоинства — простота, целесообразность покроя, наличие нагрудного кармана. Для удобства надевания можно сделать разрез от низа до нагрудного кармана с молнией или «репейной» застежкой. Куртки шьются обычно в комбинации капронового верха, к которому не пристает даже сырой снег, и подклада из тика, что в сочетании обеспечивает достаточную ветрозащитность..

Капюшон зимней куртки следует шить с растробом впереди, обшитым ворсистым мехом, — он защитит лицо от обморожения даже при движении навстречу сильному ветру а морозную погоду. Горловину удобно стягивать шнурком с зажимом. Шнуровка действует безотказно даже при сильном обледенении куртки.

Особое внимание следует уделить заделке обшлагов куртки. На рукава обычно пришивают шерстяные манжеты, которые, однако, растягиваются и не предохраняют от задувания ветра и попадания снега в рукава. При этом происходит стягивание рукава резинкой, но это нарушает кровообращение что нередко приводит к кольцевому обморожению запястья.

Лучшим мехом для теплых рукавиц считается собачий. Обычно же туристы пользуются меховыми рукавицами из цигейки. Покупая их, важно выбрать такие, у которых густой ворс плотно обволакивает кончики пальцев, особенно большого и указательного. Меховые рукавицы следует выбирать

с таким расчетом, чтобы они надевались на руку в шерстяных рукавицах и пальцы рук при этом не были стеснены.

Обувь

Лыжные ботинки. Анализ случаев травматизма в лыжном туризме выявляет большое количество обморожений пальцев ног из-за отсутствия качественной обуви. Ботинки для туристов-лыжников должны быть с высоким голенищем, высоким, широким, плотным носком и рантом 6–7 мм, с подошвой, которая бы не прогибалась от давления на пятку тросиковой пружины, с широким «языком» и глубокой шнуровкой, позволяющей как можно полнее раскрыть ботинок для просушки. Некоторые туристы высказывают пожелание иметь меховые

лыжные ботинки. Очевидное преимущество их, утепленность, на практике оборачивается большим недостатком: раз увлажнившись, мех почти не поддается просушке в походных условиях, особенно при путешествиях в безлесной зоне, что может привести к обморожению ног.

Бахилы предохраняют ботинки от увлажнения и снега, способствуют сохранению тепла и шьются из любого плотного материала (легкий брезент, палаточное полотно), однако практичнее технический капрон, не обмерзающий и хорошо отталкивающий снег. В погоне за прочностью некоторые туристы шьют бахилы из грубого брезента и мучаются в походе: материал «дубеет» на морозе, обмерзает, и ботинок в такой бахиле плохо держится в универсальных креплениях с боковыми фиксаторами.

Форм бахил существует много. Чаще всего предпочитают бахилы в виде мешка: они просты в пошиве и ремонте в походе (протертую внизу часть бахилы отрезают и по линии отреза штанов и завязывают тесемками. Верх бахилы можно стягивать резинкой. Обычно бахилы шьют выше колена. Если штаны стягиваются внизу шнуровкой, можно пользоваться укороченными бахилами. На ночь бахилы, чтобы не унесло ветром, нужно привязывать к веткам деревьев или кустов, а при путешествии в безлесных районах — надевать на воткнутые в снег лыжи и привязывать. Бахилы следует надевать на очищенные от снега ботинки

Утепленные валенки и бахилы сделанные из синтетических материалов и тонких резиновых галош, они удачно сочетают прочность и небольшой вес; в них можно работать у костра.

Коврики

Коврики из пенополиэтилена сохраняют эластичность на морозе, совершенно не впитывают влагу и не нуждаются в матерчатой обшивке. Коврики желательно делать из пластин размерами до 50x60 см при толщине 8–10 мм, которые вплотную пришиваются к капроновым ленточкам и могут складываться «гармошкой». Уложенный в рюкзак к спине и на дно он выполняет функции внутреннего каркаса.

Их рекомендуется делать на всю длину спального мешка — отпадает необходимость подкладывать под него различные вещи, которые к утру намокают и практически не предохраняют спальники от увлажнения.

Пенополиэтилен выпускается и в виде широкой ленты: коврик из нее свертывается в рулон и переносится обычно под клапаном рюкзака.

Фото
Евгений КОРБУТ

Гравюра Гюстава Доре

Александр ЛЕШКОВ

О заблудшем человечестве и Великом правителе

Практически всю сознательную жизнь человечество живет с мечтой и мыслью о справедливом обществе, где бы от рождения и до последних мгновений жизни каждый человек был счастлив, ухожен и обеспечен всем необходимым — в том числе и нравственно, и духовно. А сами люди, соответственно, выполняли бы требуемое от них.

Многие понимали, что для этого Творцом дано все необходимое, а невзгоды жизни и зло — производные фактора человеческого. Считалось, что человечество делает так, как ему хочется, а не так, как должно быть, таким образом сбиваясь с пути истинного, начертанного и заложенного Творцом при сотворении мира.

Конечно, знаний этих слишком мало для практического их влияния на жизнь людей, а потому остаются вопросы — как должно быть? Почему люди не поняли знающего истину Иисуса Христа? Двигается ли человечество в направлении к справедливому обществу? Если да, то каковы эти сдвиги? Возможно ли вообще такое общество?

Судить о любом движении можно относительно чего-то, т. е. имея ориентиры. Нужно также и четкое определение справедливого общества — как интересующего нас объекта, к которому стремимся, и понятия сущности справедливости, т. е. что есть справедливость? Ни того, ни другого определения на сегодня нет. В таком случае логичен вопрос: куда вообще в вечном движении и развитии движется человечество, к какой жизни и какому будущему?.. Раз нет ориентиров, а на месте тоже не стоим, то и идем получается — куда?.. Совершенно верно: неведомо куда, вот почему астрологи называют человечество вконец заплутавшим-заблудшим. Пессимисты даже утверждают, будто бы человечество сослано на Землю на муки вечные для исправления, за непослушание и грехи.

Непослушание непослушанием, грехи грехами, но наличие сознания, сама природа человека и человечества таковы, что мы не можем мириться с хаосом, как и не хотим быть вечно заблудшими. Нами правит установка, что мир не хаос, что он упорядочен, а раз упорядочен, значит и познаваем, и даже управляем; и что люди в конце-концов имеют право на настоящую, достойную жизнь!

Наличие наук, основанных на постоянных естественных законах мироздания, есть доказательство его упорядоченности; а поскольку сознание и мир исходят от одного Творца, то познание и осознание всего и вся, надо полагать, утверждает наличие самой сущности сознания. Оно для того и дано. В итоге получается, что надежды человечества на достойную жизнь — справедливы! Более того, астрологи говорят, что уже сегодняшним поколениям выпало быть и участниками, и очевидцами времени, когда человечество перейдет в совершенно новый этап развития: из эры Смешения и эпохи Рыб — в эру Разделения и эпоху Водолея, и что именно в это время должен родиться Великий правитель достойный всего человечества. Более того: родиться он, якобы, должен в нашей стране и в Урало-Сибирском регионе...

Для справки: эпоха длится 2160 лет. Эра равна 12 эпохам. Назначения эр и эпох заложены в их названиях. 1-й была эра Творения, когда человечества еще не было, оно только творилось — это аналог внутриутробного развития человека, период палеонтологии, узаконенный естественным период, предшествующий появлению любой сущности, любой единицы. Далее идет эра Смешения, когда, родившись, человечество смешалось с миром всего живого этого мира — мира неподвзятости, неопределенности и выживания. Далее человечество достигает в развитии осознания — и своего феномена, и своего места в этом мире, своего назначения и возможностей, а это значит, оно неминуемо определится и с уровнем своего наивысшего развития, и с его дальнейшим направлением... Для этого нужно знать место всему и вся в этом мире, т. е. произвести всеобщее разделение. Это и есть эра Разделения.

Все эры начинаются с эпохи Водолея. Эпоха Водолея по вектору назначения, якобы, так же уходит в разделение добра и зла, в освобождение человечества от мистики и фанатизма и всего присущего заплутавшему. Вдумаемся, какой взлет сознания и мощь прогресса должны быть присущи этим эпохам! Эхо таких периодов доходит до нас сказами о Атлантиде, легендами о сверхзнаниях древних людей...

Если астрологами проделан огромный труд, с коим нельзя не считаться, то встают вопросы.

Почему именно сейчас должен родиться великий правитель, а не раньше или позже, и каков он?

Возьмем за пример знающего истину Иисуса Христа. Мы видим, что он не великий, не большой, не правитель или повелитель — он просто производное духа Творца — его сын. Не будем преждевременно делать это предметом насмешек, а лучше приоткроем внимательнее. Нельзя не заметить, что происхождение от духа Божьего постоянно повторяется и подчеркивается: хождение Иисуса по воде, как по земле, его воскрешение, т. е. мгновенное воплощение образа в независимую от людей материю — все это для человека невозможно, не дано Творцом, все указывает на наследственность от духа Творца. А дух Творца выражается в вечном и непредвзятом естественном развитии, в естественных природных законах и закономерностях, в упорядоченности. Ведь именно благодаря этому такой огромный и сложный мир — познаваем и управляем.

Если же мы считаем, что все это очередные байки, то мы сами себя заранее возносим и как бы программируем на невосприятие материала и истины, исходящей от Творца.

Иисус же — есть истина, являющая собой естество, и прямым подтверждением этого являются слова самого Иисуса: я в нем, я в отце и он во мне. Одаренный сверхспособностями в излечении людей, в красноречии, дальновидности и т. д., Иисус мог быть самым богатым, знаменитым; мог быть владыкой, повелителем, государем — это даже и предлагалось ему народом некоторых городов. Но в таком случае, он уже стал бы просто человеком со всеми его слабостями, что противоречит его естественному назначению, а потому этот вариант был неприемлем и отвергнут им.

Иные верят в то, что и с позиций сильных мира сего можно навязывать и внедрять истину, если бы еще ее знать! Ведь не секрет, что многие думают именно так и ждут, что хорошую жизнь им принесут на блюде. Но сила физическая, в отличие от силы духовной или нравственной, предназначена для разовых подчинений, причем на уровне инстинкта, а не сознания. Две эти силы несравнимы.

Поскольку Иисус есть естество, то факт распятия Христа — ни что иное, как грубое отвержение, невосприятие законов естества и науки, идущей от Творца-родителя. И долго можно блудить, и даже сгинуть, ибо помочь заблудшей себе может только сам, осознав свою ошибку и исправив ее. Ну а насколько неверный путь выбрало человечество, можно судить по тяжести от содеянного в отношении самого Творца...

Человечество, увы, пребывает в возрасте младенческом, а детям, как мы знаем, свойственно делать не так, как учат родители, но ставить под сомнение, отвергать родительское. Это знакомо практически каждой семье, где есть родители и дети. Это естественный, всем известный метод проб и ошибок, метод познания через набивание шишек. Иисус, говоря заранее о предстоящем его распятии, и исходил из этого метода ошибок, свойственного человечеству. И, естественно, он не мог не знать, что науку предадут не просто вкусившие запретный плод пред-

взятые ученые, а и недостаточно усвоившие науку и мировоззрение люди, каким и был Иуда, и безграмотная масса им, Иисусом, излеченных. Как видно из сказанного, предвидение Христа, знание им наперед — закономерно и объяснимо. Но учеников было мало, наука была далеко не для каждого. Во множестве нищая, безликая, больная и прокаженная масса, стремящаяся к здоровой и справедливой жизни, потому и преследовала Христа повсюду. Это говорит не только о том, что без науки были и будут преобладать множества таких нищих, прокаженных, униженных людей, а еще и о том, что не время было истине быть принятой, не созрело еще человечество. Встреча же с истиной (в лице Христа) — путь к излечению любой болезни — что в подтверждение и делал Христос; путь к полноценной жизни в отличие от искаленной — что можно сравнить с качеством имеющей место жизни и жизнью согласно истине. Вот — указатель к достойной человечества жизни, согласной с Творцом, и соответственно — направленные пути человечества в будущее.

На примере Иисуса Христа вывод получается однозначным: диктатура изначальных, естественных законов, закономерностей и установок, в чем и проявляется дух творца, его вездесущее присутствие на Земле, должны быть основой, фундаментом справедливости и правления. Потому и родиться Великий правитель должен с лицом науки о справедливости, справедливом обществе и месте личности в нем, т. е. истина в науке.

Собственно естественные науки и есть посредники и переводчики с языка Творца на язык нашего сознания. И эта, еще не рожденная в современных стилях наука, ответственна за духовные и нравственные аспекты жизни человечества; потому и корни, и фундамент, и ее основа опираются и идут — от религии и оккультизма, являющихся истинными и младенцами, и предками нравственности и духовности, а не от технических, скажем, наук, очень необходимых человечеству, но далеких от сего предназначения. И что бы не творило человечество, что бы не изобретало, оно не было и не будет счастливо без науки о справедливости — как сущность заблудшая, безнравственная, неустойчивая.

Сейчас существует множество строгих наук, в основе стоящих на законах естества. О том, что дают эти науки человечеству, о их значении, думаю, говорить не надо. Но прежде мы спроектируем, рассчитаем и осознаем предстоящее согласно с Творцом, т. е. с естественными закономерностями, а уж потом, не сомневаясь в успехе, видя конечный результат, приступим к делу. Нынче миром правят деньги. Человечество изобрело их и всецело им доверяется. Деньги правят человечеством, не считаясь с естественными принципами естественной экономики и законами бытия. Но видимо наступает время знать им свое место. Название и назначение эры Разделения и эпохи Водолея говорят об упорядоченности правления, о разделении естественного и искусственного. Значит править человечеством — науке. Конечно же достойной человечества!..

Закон сохранения

Машина выехала на трассу, и, наращивая скорость, оставила позади море огней – вывесок, фонарей и освещенных окон. Как последние часовые города, за окнами мелькнули рекламные щиты, стоящие на обочине. Женщина, сидевшая на заднем сиденье, подняла руку к темным очкам, но снять их не решилась.

Автомобиль свернул на узкую, хорошо асфальтированную дорогу. Женщина опустила руку в карман широкого пальто и нащупала коробку с диктофоном. Машина плавно остановилась у больших ажурных ворот. Водитель посигналил, и их выпустили.

Подошедший молодой человек открыл дверцу и подал женщине руку.

– Ольга Лан? – спросил он.

Женщина кивнула и вышла из машины.

– Пожалуйста, ваше удостоверение.

Она вытащила из маленькой сумочки «корочки», блеснувшее словом «пресса». Молодой человек тщательно изучил его и попросил Ольгу:

– Снимите очки.

Ольга сняла их, вертя их в руках, повернула голову к дому. Большой трехэтажный особняк был погружен в темноту, свет горел лишь на третьем этаже, в двух окнах, и на большой застекленной веранде.

– Прощу вас!

Ей вернули удостоверение и повели к дому. Там подошел еще один молодой человек, он поздоровался и принял пальто. Через холл, заставленный шкафами (сквозь стеклянные дверцы виднелись керамические фигурки), они дошли до лифта. Ольга не видела, кнопку какого этажа нажал сопровождающий, и очень удивилась, почувствовав, что они спускаются. Дверь лифта открылась, перед Ольгой распахнулся широ-

кий коридор, застеленный мягкими зелеными дорожками, освещенный множеством трубок дневного света. Беззвучно шагая по коврам, провожатый довел ее до массивных дверей, открыл и, пропустив Ольгу вперед, сказал:

– Господин Крюс задерживается. Он просит подождать.

Ольга кивнула и прошла в кабинет. В отсутствие хозяина у нее было время осмотреться. Большой письменный стол, совершенно пустой, только громоздкая бронзовая чернильница в виде семи колоколов. Шкафы с керамикой, но, очевидно, более дорогой, нежели в холле. Лампы дневного света.

Бар. На одной из стен – тяжелые зеленые портьеры. Кондиционер молчал, выключенный.

Портьеры раздвинулись, и в кабинет шагнул мужчина. Доктор наук господин Ден Крюс. Высокий, тучный, такой же массивный, как и шкаф в кабинете. Оттого так странно выглядели на нем хрупкие и ненадежные очки в тонкой золотой оправе, словно бабочка, присевшая на мясистый нос.

– Здравствуйте, – звучным голосом человека, привыкшего к публичным выступлениям, сказал он, – сейчас нам принесут кофе, и мы побеседуем.

Ольга достала диктофон....

– Меня всегда занимала проблема человеческого счастья, – говорил Ден, постукивая по кофейной чашке перстнем, одетым на указательный палец, – и есть что-то справедливое в том, что именно я открыл закон сохранения эмоций. Для неспециалиста я бы сформулировал его так: если взять все положительные эмоции за плюс, а отрицательные за минус, то в сумме они неизбежно дают ноль. Как следствие этого закона, одни люди бывают счастливы только за счет других. Согласитесь, это неприемлемо. Нам дали возможность более детально изучить эту

проблему. Наше правительство вкладывает большие деньги в счастье человеческое. С технической стороной я вас знакомить не буду, вряд ли это интересно вашим читателям.

Журналистка кивнула, и Крюс продолжил:

– Нами был сконструирован распределитель, на один конец которого подаются отрицательные, на другом, естественно, возникают положительные эмоции.

– А как вы получаете отрицательные эмоции?

– Есть много способов, – Крюс пожевал губами и отставил чашку, – например, в специально оборудованном боксе страдает человек. К сожалению, труд таких добровольцев слишком дорог, и нашими услугами могут пользоваться только обеспеченные люди.

– Я слышала, что вы обещали существенно понизить стоимость услуг. За счет чего?

– Было внесено предложение использовать заключенных. Тех, кто приговорен к достаточно большому сроку. Им это засчитывается как год за два.

– А как вы заставляете страдать этих людей?

Крюс поморщился, показывая, что вопрос Ольги некорректен.

– Есть много способов, – повторил он.

– Например, физическое воздействие?

– Хотя бы, – раздраженно ответил доктор наук. – У вас есть еще вопросы?

– Да. Вы помните дело Артема Гордона?

– Признаться, нет.

– Гордон – один из таких «добровольцев» в вашем концерне. Его осудили за книгу «Один год в нашем квартале». Вы же были на суде.

– Нет, я не помню, – уже не скрывая раздражения, Крюс поднылся. – Теперь я ответил на все ваши вопросы?

– Вы не узнали меня, – женщина провела рукой по волосам, и парик упал ей на плечи, – мое имя Марта Гордон. Я его жена.

Доктор несколько секунд вглядывался в ее лицо, потом протянул руку к тускло поблескивающей кнопке в углу стола.

– Не надо, – попросила Марта.

Крюс замер. Маленький пистолетик казался дамской игрушкой в руках женщины, но Крюс не обманывался на его счет.

– Вы не выстрелите. В доме полно охраны.

– Мне все равно. Да, заключенным в два раза сокращают срок. Но разве хоть один дожил до его конца?

– Подождите! Я всего лишь ученый. Кабинетный ученый. Вся разработка в руках Стравинского, а за ним стоят очень серьезные люди.

Крюс нервно ослабил галстук и расстегнул пюговичку на рубашке. Он вспотел.

– Вы думаете, так легко убить человека? Марта, вы же женщина! Вы не сможете потом жить с этим!

Марте было противно. Она так часто представляла себе эту минуту. Но ни торжества, ни ярости не было. Было омерзение и желание покончить с этим как можно быстрее. Она спустила курок. Пистолет словно тихонько чихнул, и Ден повалился в кресло. Чуть выше опущенного узла галстука появилась багровая точка, плюнула сгустком крови, окрасив манишку в алый цвет.

Марта сунула пистолет в коробку с диктофоном и шагнула к двери

– Одну минутку, – прозвучал за ее спиной голос.

Марта обернулась. Раздвинув портеры, на пороге внутренней комнаты стоял человек, чье лицо было ей хорошо знакомо по телевизионным программам и газетным публикациям. Это был доктор Стравинский.

– Прекрасный выстрел, леди, – сказал он. – А теперь положите коробку на стол. И не дергайтесь, я не этот увальень.

Марта послушалась. Стравинский сел на край стола, постукивая пальцами рядом с кнопкой сигнализации.

– Не думал, что у Гордона такая хорошенькая жена. Я помню вашего мужа. Пренеприятнейший субъект. И ведет себя не совсем...хм, корректно. Боюсь, его скоро спишут.

Марта отрешенно смотрела в угол.

– Вы не производите впечатления глупой женщины. Неужели вы думали обмануть нас этим дурацким париком и липовым удостоверением? Смешно, право слово.

– Тогда почему вы не остановили меня? – Марта перевела взгляд на Стравинского. – Он вам самим мешал, да?

– Ну, вот! Я же говорю – вы неглупая женщина.

Стравинский засмеялся, показав белоснежные зубы.

– Мне очень жаль.

Он нажал кнопку и сказал вошедшим охранникам:

– Уведите даму к себе. А потом уберите это, – кивнул он на труп.

Охранники вышли, уводя безучастную Марту. Стравинский прошел к бару, открыл дверцу и достал маленькую бутылку.

– Так этот бренди ты хвалил, Ден?

Он налил себе и сказал, поднимая рюмку:

– Прости, что тебе не предлагаю. За мое здоровье!

Вернулся к столу, сел в то кресло, за которым недавно сидела Марта, и посмотрел на тело. Крюс висел, навалившись на подлокотник, легкие очки соскочили с носа и зацепились за губу.

– Видно ты не искренен, – Стравинский с раздражением поставил рюмку на стол, – не пошел твой бренди. Да и душно у тебя. Надо же так бояться, чтобы сделать кабинет в подвале.

Он взял пульт управления кондиционером, пощелкал кнопками. Снова откинулся в кресле. Его мучило. Потянулся было к рюмке, но глупая, нелепая мысль остановила руку. Вытерев пот со лба, Стравинский спросил нетвердым голосом:

– Ден, ты же не мог меня отравить?

И сам испугался своих слов и того, как они прозвучали. Ему вдруг показалось, что уголки губ мертвеца дрогнули в полуулыбке. Стравинский сжал рюмку. Тонкое стекло треснуло, впиваясь в ладонь, но он уже не чувствовал боли.

Осень. Пахнет мокрыми листьями и грибами. Толстыми сырыми грезами. Единственными грибами, которые Артем умеет собирать. Все просто – сшибешь с одного папаху из листьев, и рой дальше кругами – обязательно найдется семейство. А носиться по лесу, чтобы обнаружить один несчастный подберезовик – не его стихия. Вот Марта, та да! Темно-синий платок в горошек на шею свалился, на щеке грязь размазана, но она ничего не замечает. Азарт у Марты. Вот и остается Артему корзину таскать. Наташка прибежала, на голове шапка с помпонами, в глазах смешинки. Что-то тараторит на весь лес. Увидела полную корзину, заохала, завизжала. За ней Влад идет, тоже корзину тащит. А там полно синявок. Марта хохочет, Влад улыбается.

Мышь пробежала рядом с ногой. Артем хотел пнуть ее, но было больно шевелиться. Голова гудела, как колокол, губы пересохли. Прижимая к груди сломанную руку, он дополз до трубы и начал жадно слизывать тяжелые капли с привкусом пыли. В углу опять зашуршала мышь. Артем неловко растянулся на полу, прижал лоб к холодной трубе. Яркое осеннее воспоминание уходило, он из последних сил пытался поймать привкус того дня. Вот опять зазвучали голоса Марты, Влада, Наташи. Вспомнился запах дыма от костра.

...И комары. Даже не комары, а вампиры какие-то! Бросил на огонь охапку влажных листьев, повалил густой белый дым. Кровососы разлетелись, зато начала фыркать и чихать Наташка. Марта говорит, у них мальчик будет. Влад взял гитару. Он не очень

хорошо играет, но эти песни сочинял не музыкант, а поэт. И умения Влада хватает на то, чтобы повторить простенькую мелодию. Влад опять привез с Окраины новые песни. Последние. Больше не будет. Автора убили.

Воспоминания опять сбились, осенний лес гас. Влад... Их много связывало. Пятнадцать лет назад, они двенадцатилетние шкеты, вместе пробирались к дядьке Влада, в Южную Столицу, уходя с Окраины. Подальше от боевиков и мутантов – странных людей с белыми глазами, от одного взгляда которых на коже появлялась сыпь. Какие только силы их уберегли!

Артем замер: кто-то шел по коридору. В животе словно зашевелился ледяной еж. Шаги приблизились, и у него перехватило дыхание... Охранник прошел мимо. С полувздохом-полувсхлипом Артем откинулся на спину и закрыл глаза. Он хотел вспомнить лица друзей, но они ускользали. Мелькали разбитые дома родного города, армейские корпуса, душный зальчик пивного бара на углу Тополиной, редакторский кабинет. Артем напрягся, пытаясь вспомнить лицо главного редактора, кажется, одиннадцатого по счету, который взял его рукопись. Но и это лицо ускользнуло. Он потерял сознание.

Когда Артем очнулся, ему показалось, что он лежит в госпитале, куда «загрел» после разговора с генеральским сыном и компанией. Лечение было прощальным подарком армии, прежде чем его выбросили с «волчьим» билетом. Марта приходила со своим классом убирать больничный парк. Артем зажмурился, но опять не смог представить ее лицо. Вспомнился лишь завиток волос на виске, как он дрожал, когда Марта читала статью: «...некоторые журналисты ищут дешевую популярность, вытаскивая на страницы газет груды грязного белья. Гордон преуспел в этом больше других – он выпустил целую книгу, полную грязных намеков и инсинуаций. Кто его герои? Спившийся скрипач, беженец с Окраины, полусумасшедшая старуха, дезертир, прачка, вышибала в казино. И это неудивительно, ведь сам автор был выгнан из армии за грубое нарушение дисциплины и до недавнего времени...».

Спившийся учитель музыки был его соседом по лестничной клетке. На Окраине его бывшие ученики, ставшие наемниками, отрубили ему пальцы. И Артем не знал, что мучило музыканта больше – отлучение от скрипки или то, что это сделали выросшие мальчишки, в руки которых он первым вложил смычок.

Полусумасшедшую старуху он видел на пристани. Паром, где была ее семья, захватили террористы. Его разбомбили вместе с пассажирами, а старуха все ходила в порт, ждала.

Прачка, тетка Женя, приходила к Владу. Она отпускала с ними в рейд приемного сына, семнадцатилетнего мальчика. Боялась, что иначе его заберут в армию.

А вышибалой почти год был сам Артем, когда его «выперли» из армии. После той статьи, так напугавшей Марту, его уволили из редакции мелкой газетенки, благодаря которой он хоть как-то держался на плаву.

Марте кричали в учительской, что ее вообще нельзя подпускать к детям. В их доме поселился страх – удушьящий, противный, затормаживающий. Совсем не тот, который приходилось переживать Артему, когда он ходил в рейд с Владом. Или когда на него надвигалась кодла генеральского сыночка с ножами и кастетами. Страх, натягивающий нервы, обжигающе-яростно-веселый, слегка истерический. А потом приехал Влад...

Артем улыбнулся даже тут, в камере, вспоминая тот вечер. Улыбнулся разбитыми в кровь губами.

Влад прибежал поздно, уже стемнело. За спиной рюкзак, в руках книга Артема. На волосах тает снег и капает на бледное лицо. И с порога:

– Тебя посадят!

Марта спокойно сняла с него куртку, вышла на площадку стряхнуть снег. У Влада вокруг ботинок растеклась лужа. Артем смотрел на нее, потом перевел взгляд на дрожащие руки Влада и выдавил:

– Уходи.

Влад ошеломленно посмотрел на него. На его скулах выступила рваные красные пятна.

– Дурак ты, Темка.

Сказал и сел под дверь. Прямо в лужу. У Артема впервые за те дни стало чуть легче на душе.

– Ты знаешь, наш дом как чумной обходят.

Они решили уехать в Южную Столицу, к живущему там до сих пор дядьке Влада. Марту из школы уволили. Осталось дожидаться, когда родит Наталья. А Влада срочно вызвали в рейд.

Дальше Артем не хотел думать. Поджав сломанную руку, он уткнулся лицом в стиб другой, со стоном закусив рукав рубашки. И словно нарочно, он четко увидел лицо Марты, и уже не мог не вспоминать.

Когда рано утром раздался стук в дверь, Гордоны только уснули после бессонной ночи, полной напряженного ожидания ареста. На пороге стояла Наташка. В тапочках, в ночной рубашке, она бежала два квартала, не замечая первых весенних луж. В руках она комкала телеграмму.

... Подснежники мокрые, под пальцами расплзаются. Черно-белое кино. Глухой стук дождя.

Семь гробов, семь фотографий. На одной мальчишка восемнадцати лет, губу оттопырил, складочку меж бровей сделал. На его гробу женщина в тусклом платье лежит, из-под платка седые пряди выбились. Крупный план – руки, большие, с набрякшими венами – скользят по крышке гроба, словно гладят лицо. С другой фотографии мужчина улыбается, на викинга похож. А напротив рыжая девушка стоит, на каблучках шатается и все повторяет: «Он не любит дождь. Он не любит дождь». Гробы, гробы... Возле одного женщина стоит. Руку на живот положила, а сама – как барельеф на сером камне. Не плачет. Зря Марта говорит, что эта Наталья. Наташка девочка совсем, а у этой глаза, как у старухи. Черно-белое кино. Потому что такое не может быть правдой. Гробы начали опускать, рыжеволосая бросилась, вцепилась, не дает. Где-то туфелька потеряла, скользит босой ногой по мокрой глине. Артем землю в руку взял, Марта сказала, мол, брось в могилу. А земля грязью сквозь пальцы... И с фотографии – как выстрел в упор – глаза Влада. Правда, не кино.

Артему захотелось вжаться в угол камеры и поволчы завывать. Как хотел завывать тогда, дома, после похорон, но не успел. Его пришли арестовывать.

...Артем снова лизнул трубу, смачивая запекшиеся, покрытые засохшей кровью губы. Он пытался

вспомнить сцену ареста, чтобы снова увидеть лицо Марты. Но после похорон Влада Артема ничего не трогало, и он забыл, как его арестовывали и как обыскивали квартиру. Забыл суд. Помнил лишь сожаление, что так ничего и не узнает о сыне Влада. Наташку забрала родня, куда-то увезла, там она и рожала. Артема так измучило воспоминание, что он не услышал, когда подошли к двери. Из коридора хлынул свет, слепя его.

– Гордон, на сеанс, – сказал появившийся в проеме охранник.

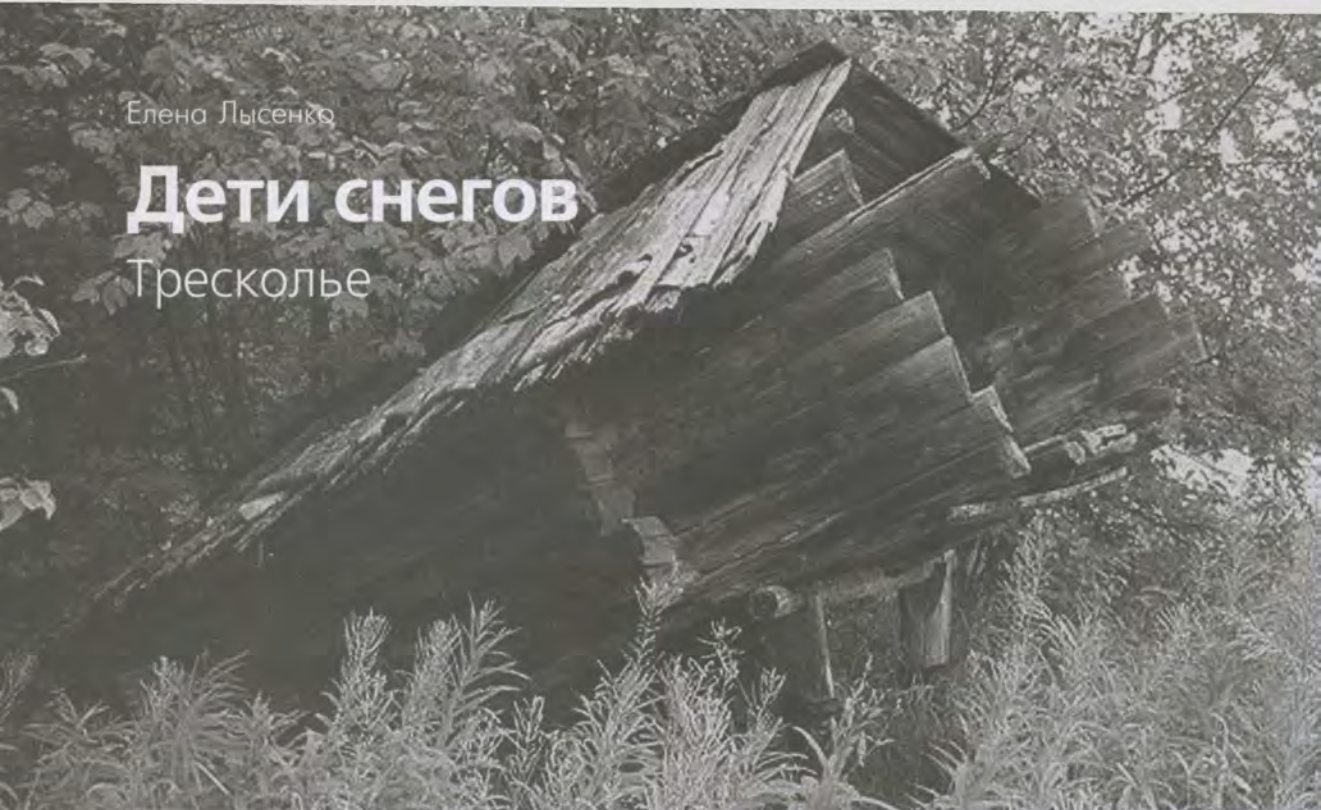
Артем с трудом поднялся, опять ощущая ледяного ежа под ребрами. Наручники надевать не стали. Повели длинными коридорами, лестницами, где каждый пролет затянут сеткой. Пыхтел позади охранник, мешая сосредоточиться. Артем не хотел быть маленьким винтиком в системе, дающей сильным мира сего детскую радость, и в такт шагам твердил про себя, готовясь: «Мне хорошо. Марта, Влад, слышите, мне хорошо. Мне хорошо, мне хорошо, черт возьми!»

Елена Лысенко

Дети снегов

Тресколье

Легенды и быльи

Солнышко. Кругом солнышко. Кажется, что им пропитана осенняя листва берез. Стволы сосен светятся, согревая собой пространство. Разноцветные горы соединяются дыханием с ярко-голубым небом. «На двоих у нас одно дыхание...». Контраст — черное (это не ветви деревьев, а колючая проволока). Мы в поселке Ушма. Место бывшей колонии. Заходим в полуразвалившийся изолятор. Здесь сохранились нары, прикрепленные цепями к стенам, решетки на окнах... Сыро, затхло, очень хочется обратно — под голубое небо.

Улицы поселка пусты, людей нет и в домах. Поселок брошен пять лет назад. На крылечке одного из домов сидит белка. «Кого здесь бояться?» — смотрит она на нас. Жителей в Ушме осталось всего трое — манси Степан Анямов, бойкая бабуля (бывшая «зечка»), да ее «дед». Чего делить им, казалось бы, — земли столько, на пятки никто не наступает. Так и здесь дружбы нет: дед гоняет бабку (как напьется), бабка ругается со Степаном: «Собаки эти его мансийские моих коз рвут!» Степан же молча собирается да в лес на охоту уходит.

Облюбовали здесь домик одни «верующие старообрядцы» — так нам бабка сказала. Видели мы на обратном пути этих «старообрядцев». Картинка была еще та: в глухом краю Северного Урала по дороге бредут, толкая перед собой тачку, два еврея: пейсы, шляпы, плащи — все при них. В общем — Израиль мелкого масштаба. Может, они ссыльные какие из своей «священной земли», этакие «раскольники», прячущие свою веру во ее спасение подальше от цивилизации. Хорошо: перевезут сюда жен, детей нарожают, землю вскопают, и заживет

поселок по-новому — без нар, да ссор... (Да, мечты о всемировом счастье!).

Но пройдем «Израиль», ведь путь наш лежит дальше от него и поселка Ушма — восемь километров вверх берегом Лозьвы, в мансийский поселок Тресколье.

Вдоль дороги — бусинки брусники, кое-где попадает не склеванная птицами черника. Август. Бабье лето, осень. В лесу взлетают большие глухари, ветками хрустят, а может это кто другой? Становится страшновато. Идем-то без ружья.

— Интересно, а медведи здесь есть?

— Есть, да они сейчас не свирепые, сытые.

— А когда они свирепые?

— После спячки (в апреле), когда голодные, и в брачный период.

— Ну все как у людей!

Принимаемся подсчитывать, когда у медведя может быть брачный период? Дружно решаем, что в октябре, и смело идем дальше.

На привале Савелий Павлович Анямов (наш проводник) рассказывает, как раньше уважали его местные жители и высшее начальство. Ведь он 12 лет был председателем сельсовета в Бурмантово. «Десятью поселками я руководил, всегда всем помогал. А начальство меня на правительственные дачи приглашало, на вертолете туда летал — были времена».

Расспрашиваю его на любимую туристами тему: «о девяти дятловцах» (место их гибели недалеко от Тресколья). Рассказывает: «Я в то время в армии служил, а мой брат оленей пас как раз в тех краях, в те дни много оленей погибло. А его за то чуть не посадили — говорили: сам уничтожил, съел, про-

Продолжение. Начало в № 12, 2004 г.

дал». Я думаю, что это ракеты запускали. Ракетное топливо сжигает воздух — вот олени и задохнулись — те, которые в низине были; а которые выше забралась — те спаслись, и сам брат тоже. Много манси тогда в связи с этим делом загребли, думали, что это они «нашаманили чего-то». Вот так мы в советские времена «не верили» в сверхъестественные силы!

С разговорами подходим к Лозьве, на другом берегу в километре — поселок. Но и лодка, к сожалению, на том берегу. Когда-то здесь даже пристань была — видны остатки деревянного помоста. Валерий Алексеевич перебирается вброд за лодкой. Благодаря его стараниям, удачно переправляемся.

Исток Лозьвы и Тресколье — некогда родовые угодья Анямовых. Сейчас в поселке 8 домов, где проживают и Бахтияровы, и Тасмановы, и Дунаевы. Интересно происхождение некоторых фамилий: Анямовы — произошла от слова «Аням» — красивый, нарядный; Пакин — шишки имеющий, Тасманов — заносчивый. У каждого рода свой катпос (родовой знак). Катпос ставят на границах охотничьих угодий, на домах, в общем, «метят все свое».

Вот и Тресколье. Керасколья — «река у дома над скалой» — примерно так переводится с мансийского. Название поселка происходит от одноименного ручья, протекающего рядом, в низине.

— Паца рума, Керасколья! — беззвучно дрогнули губы Савелия Павловича.

— Здравствуй, Тресколье! — облегченно выдохнули и мы.

Из-за расстувившихся корабельных сосен на освещенной ярким солнцем возвышенности показались первые срубовые дома с двускатными низкими крышами. Попадаем в сказку. Лишний раз убеждаюсь: зря Бабой-Ягой детей пугают, ведь доброй она была. Не могла она злой быть, живя в такой красотище и детей так редко видевши. Рада она им всем была — царевичей в бане мыла, чаем поила, да советом помогала. А жила она здесь, на Урале, в глухой тайге, это точно. Вот здесь, в Тресколье и избушка ее «на курьих ножках» на солнышке золотится. Правда, рядом на дереве черепа висят (не человеческие, разумеется) так это, чтобы злым духам страшно стало, а не добрым людям. Охраняет «священная избушка» покой деревни — стало быть, не все еще забыли манси. Чтут своих предков, в избушке их изображения хранят.

Главный дух — предок трескольцев. Его изображение хранится в священном амбарчике. Это Вит Ялпынг аки — «водяной святой хозяин». В списках известных духов-предков исследовательница Е. Ромбандеева называет Вит Ялпынг пупыг ойку, жившего на притоке Лозьвы, от которого пошли семь верхнедозьвинских богатырей...

Помнят о прошлом манси, молятся — пока есть в селении старики, хранящие мудрость веков...

А стариков-то как раз и нет, остались одни старушки. Нас встречает одна из них — хлопчущая у

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для

био-библиографического словаря)

(Эпидемия в Астрахани. Паника среди горожан. Подавление войсками «холерного бунта»).

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 5172.

А.К., авт. воспоминаний.

Учительница земской школы в одной из центральных губерний. «В голодную зиму: Из записок учительницы». - Русская школа. 1909. № 4. С.51-64 (Около 1908-1909. Создание автором столовой для учеников сельской школы. Наблюдения за народной жизнью. Влияние школы на взрослое население).

ИДРДВ. Т. 4. Ч.3. № 6084.

А.С., авт. воспоминаний.

Друг семьи Г.И.Успенского. Оставила «Воспоминания о г. Успенском г-жи А.С.». - Голос минувшего. 1915. № 5. С.221-225 (в публик. Ч.Ветринского «Глеб Успенский в его переписке». «Глеб Успенский в Сербии») (1880-1893. Знакомство с Успенским в доме С.Н.Кривенко. Посещение автором Успенского в больнице). Другие ее воспоминания касаются жизни Г.И. Успенского в Самарской губ. - Лит. вестник. 1902. Т.3. Кн. 4. С.449-450 (1878-1880. Педагогич. деятельность автора и жены Успенского в сельской школе при имении помещика Сибирякова. Помощь Успенского автору. Посещение семьи Успенских в СПб.).

ИДРДВ. Т.3. Ч.4. Ук. им.

А.Ш.

В издании «Альманах» лит.-научного кружка при женском медицинском ин-те (СПб.,1914) напечатаны: «Женщина. (Этюд)» и «Дина» - под криптоним. А.Ш.

Голубева.

А - АЯ, М., поэтесса.

Печатала стихи в «Пермских губ. ведомостях» (1900).

Голдин.

А - ВА А., поэтесса.

Авт. басни «Роза и репейник» («Между репейником, в леску...»). «Невский альбом, издаваемый Николаем Бобылевым». СПб.,1840.

Смирнов-Сокольский.

А - КАЯ М., переводчица.

Пер. с нем. кн. И.Шерра «Переселение народов». СПб.,1898.

Ал. А., авт. воспоминаний.

Учительница в частной женской гимназии. Написала воспоминания «Первое десятилетие моего учительства». Русская школа. 1900. № 12. Отд. 1. С.30-42 (1888-1898. Отношения с ученицами. Постановка учебного процесса. Преподавание различных предметов, приемы обучения и воспитания).

ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 4151.

(Продолжение в следующем номере)

уличной печурки Александра Васильевна Анямова. В национальном платье, волосы ее ничем не покрыты и заплетены в две длинные косы. Она, да еще одна женщина соблюдают здесь традиции народа. Совсем недавно уехал из поселка Костя «шестипалый», колоритная личность. «Очень умный был, сейчас живет хорошо. С косами ходил, не стригся. Раньше все мужчины мансийские косатыми ходили. В косах-то и сила. Сейчас молодежь не понимает — все стригутся, в покупной одежде ходят, музыку из магнитофона слушают чужую. Шить не умеют, оленей пасти не хотят, пьют только», — и здесь жива вечная проблема отцов и детей. Стоит при-

слушаться к «стариковскому ворчанию». Ведь правду говорят — спивается народ.

Русские тоже пьют немало, да нас-то ведь много. А манси осталось — всех можно по пальцам пересчитать. Пропадут, как олени. И останутся пустые поселения и деревья с развешанными на них оленьими ошейниками и колокольчиками. Такие деревья мы увидели в Тресколе, да еще загон олений с травой по пояс.

— Когда оленей пасти?

— Муж мой тогда еще жив был (лет 6 назад).

Кончились старики — кончились и олени, — говорит Александра Васильевна.

Сейчас она осталась одна. Шестерых детей вырастила, мужа всегда уважали. Внучку год назад отправила учиться. «Сшила ей тучан, приедет — пусть заберет».

Тучан — сумка для рукоделия, помощница, и в какой-то степени подруга, которой (в которую) можно выплакаться в случае обиды. А случись большое горе — сумка эта тоже должна быть «в трауре»: с нее снимают все украшения и поворачивают «лицом» к стене. «Лица» могут быть разными: мы видели сумки, украшенные узорами «паук», «коршун». В тучанах хранят швейные принадлежности, украшения, бывает даже и пуповины детей. Как с таким сокровищем расстаться? Вот и Александра Васильевна не продала нам свой тучан. Зато вынесла одно из старых платьев и берестяную люльку. А Савелий Павлович еще и санквылтап старенький отдал.

В доме был и новый инструмент, на котором Анямов наиграл «песню охотника» и «песню пьяной женщины», а Александра Васильевна ему подпела.

Санквылтап — музыкальный инструмент. Удлиненной формы, напоминает модель лодочки или

гусли. Посредине вырезано круглое отверстие, на колках натянуты 4 струны. Играют на нем, ударяя по всем струнам и перебирая их.

После санквылтапа, Савелий Павлович взялся за гармонию: «До свиданья, мой ласковый Миша!» — понеслось по деревне.

«Какой чудесный вечер, а не сходить ли нам на кладбище?» — услышала я однажды такую фразу. Вот и теперь вечер был чудесный, и мы решили сходить на мансийское кладбище, расположенное неподалеку.

«А не испугаетесь, на ночь глядя?» — спросила Нина Ивановна, сопровождавшая нас. Не испугались. Место такое, будто это маленький лесной полуразвалившийся поселок. Все очень не похоже на русское кладбище. Нет ни крестов, ни фотографий с притягивающими потусторонними взглядами. Есть лишь небольшие деревянные срубы, на которых кое-где лежат нарты. В таких могилах похоронены старики, у которых олени были. А вообще, в эти срубы складывают одежду, посуду, тучан (женщинам) — все, что может пригодиться в другом мире.

Помянули сына Нины Ивановны по-русски (традиционные «сто грамм»), по-мансийски угостили и покойного (открыли маленькое окошечко в могиле, положили туда пять кусочков хлеба — по числу душ человека. У мужчины пять душ, у женщины — четыре).

Отправляемся обратно в деревню. Поперек тропинки у выхода с кладбища лежит палка. Нина Ивановна подняла ее, подождала, пока мы все прой-

дем и снова положила палку: «Лежите здесь, а с нами не ходите», — сказала она в сторону кладбища покойным, закрывая им вход в мир живых.

Надвигалась ночь. От леса медленно ползла темнота, а над горой Тумп-копай («величественной») еще долго стоял свет уходящего солнца. Высыпали звезды.

«У каждого человека на небе есть своя звезда, чем заметнее человек, тем ярче его звезда. Если она падает, нужно плюнуть и сказать: «Не моя звезда упала!». Ведь это падает чья-то жизнь, человек умирает вместе со своей звездой». Есть такое мансийское поверье. Грустное, так как в этот вечер их падало очень много...

Хозяйка дома развела огонь на своей кухне под открытым небом: надумала накормить нас супом из глухаря. Получился вкуснейший суп «под звездным небом, с домашним хлебом». Довольным и сытым, всем захотелось спать. Ночевали мы в доме Александры Васильевны. В доме манси нет перегородок, но дом делится на две половины — мужскую и женскую. Интересно, как же у них дети получаются, на разных половинах?

Справа, в «мужском» углу над кроватями висят большие олени рога. Наши мужчины долго отказывались спать под рогами, но потом, решив, что лучше рога на стене, чем на голове, улеглись.

...Мы уходили из поселка утром, в тумане, когда все трескольцы еще спали. Уходили с разными мыслями о поселке Тресколье, и о том долго ли еще осталось стоять ему — «дому у скалы на реке»?

Ирина КОПЫТОВА

Горнист с «Варяга»

8–9 февраля 2004 г. в России прошли торжества посвященные 100-летию героического подвига крейсера «Варяг». Среди членов экипажа этого корабля был уроженец Чердынского уезда Пермской губернии, деревни Лёкмортовой Иван Федорович Ярославцев.

Родился будущий горнист «Варяга» 20 июля 1877 г. в старообрядческой семье.

В семь лет остался без матери, жил с отцом и матерью. Грамоту постигал «самоуком». С ранних лет вместе с отцом пахал, сеял, убирал хлеб.

На 22 году, в октябре 1898 г. Иван Федорович был призван в армию, записан в 15 флотский экипаж в г. Кронштадте и в течение четырех месяцев обучался военно-морскому делу.

В Порт-Артуре, на крейсере «Варяг» служил 4 года. Сначала был строевым матросом, потом стал горнистом. Из Порт-Артура «Варяг» отправили в бухту Чемулько (Корея) с приказом взять на себя обязанности старшего стационара.

Перед началом русско-японской войны, 26 января 1904 г. (по старому стилю) в бухту Чемулько прибыла японская эскадра, состоявшая из 6 крейсеров и 8 миноносцев. Она преградила путь и обстреляла канонерскую лодку «Кореец», которая вышла с почтой в Порт-Артур.

На следующий день командир «Варяга» Всеволод Руднев получил сообщение о начале военных действий Японии с Россией и ультиматум от японцев: очистить бухту к 12 часам дня, в противном случае русские корабли будут обстреляны на рейде.

Когда капитаны иностранных судов отказались сопроводить русские корабли до нейтральных вод, Руднев собрал команду и сообщил о своем решении вместе с канонерской лодкой «Кореец» прорваться к русской эскадре в Порт-Артуре. «Варяг» с гордо развивающимся парадным Андреевским флагом снялся с якоря. «Матросы с английских и французских кораблей криками: «Ура!», приветствовали нас», — вспоминал впоследствии И.Ф.Ярославцев. У нас же играли гимн «Боже, царя храни». Прошли верст пять. «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» совсем близко подошли к японской эскадре. Японцы подняли сигнал с предложением сдаться. В ответ командир крейсера «Варяг» приказал поднять боевые стенговые флаги. Горнисты проиграли боевую тревогу. В 11.45 с японского крейсера раздался первый выстрел. Завязался неравный бой. Русские матросы проявили неслыханную храбрость. Под ураганным огнем противника они подводили под пробоины пластыри, вели борьбу с проникавшей внутрь водой; тушили пожары, при этом непрерывно вели огонь по врагу. Были подбиты многие орудия и выведены из строя лучшие комендоры.

Во время боя Ярославцев помогал заряжать пушки. От разорвавшегося снаряда рядом убило трех товарищей, Ярославцева и еще одного матроса ранило.

Когда снарядом перебило рулевое управление, крейсер все больше и больше кренился на один борт и не слушался руля. За час боя «Варяг» выпустил 1105 снарядов, из строя вышло 120 человек. Русские моряки смогли потопить один японский миноносец и повредить два крейсера. «Варяг» и «Кореец» повернули в Чемулько и встали на якоря. Команду перевели на английские и французские суда, после чего на «Варяге» открыли кингстоны, и крейсер потонул. «Кореец» взорвался.

3 декабря 1905 года Иван Ярославцев вернулся домой, женился. Долгое время вместе с женой работал на лесозаготовках. При организации колхозов вошел в колхоз. Иван Федорович сторожил склады с зерном, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В семье Ярославцевых было четверо детей: дочь и три сына, причем двое у них погибли на фронте в годы Великой Отечественной войны.

О том, что служил на легендарном «Варяге» Иван Федорович впервые рассказал директору Чердынского музея И.А.Луногову в 1947 г., предъявив подтверждающие документы и награды. Пояснил свое молчание тем, что в 1924–25 гг. на р. Пильве у богатых мужиков стали конфисковывать серебро и золото, Ярославцев боялся, что отберут медаль и Георгиевский крест, состоящие из серебра. Ему было жаль расставаться с наградами, заслуженными кровью.

В 1947 г. Ярославцев переехал на жительство в с. Покчу Чердынского района, к сыну Зотею. В 1954 г. Иван Федорович участвовал в торжествах, посвященных 50-летию героического подвига крейсера «Варяг».

До конца жизни он не расстался с морской формой, которая была подарена ему в Москве.

В 1958 г., на 82-м году жизни И.Ф.Ярославцева не стало, он похоронен на кладбище в с.Покча.

В Чердынском музее хранится бескозырка, фотографии, документы и боевые награды горниста с легендарного «Варяга».

Городской пейзаж

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. Соответствие темам:

- Урал – горная страна
- Городской пейзаж
- Мы – уральцы
- Заповедные земли
- На грани...
- По следам предков

2. Предоставление информации о снимках:

- Условное название снимка, краткое пояснение
- Дата съёмки (если известно)
- Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- Объект (если известно)
- Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- ФИО автора, почтовый адрес, контактный телефон
- Характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

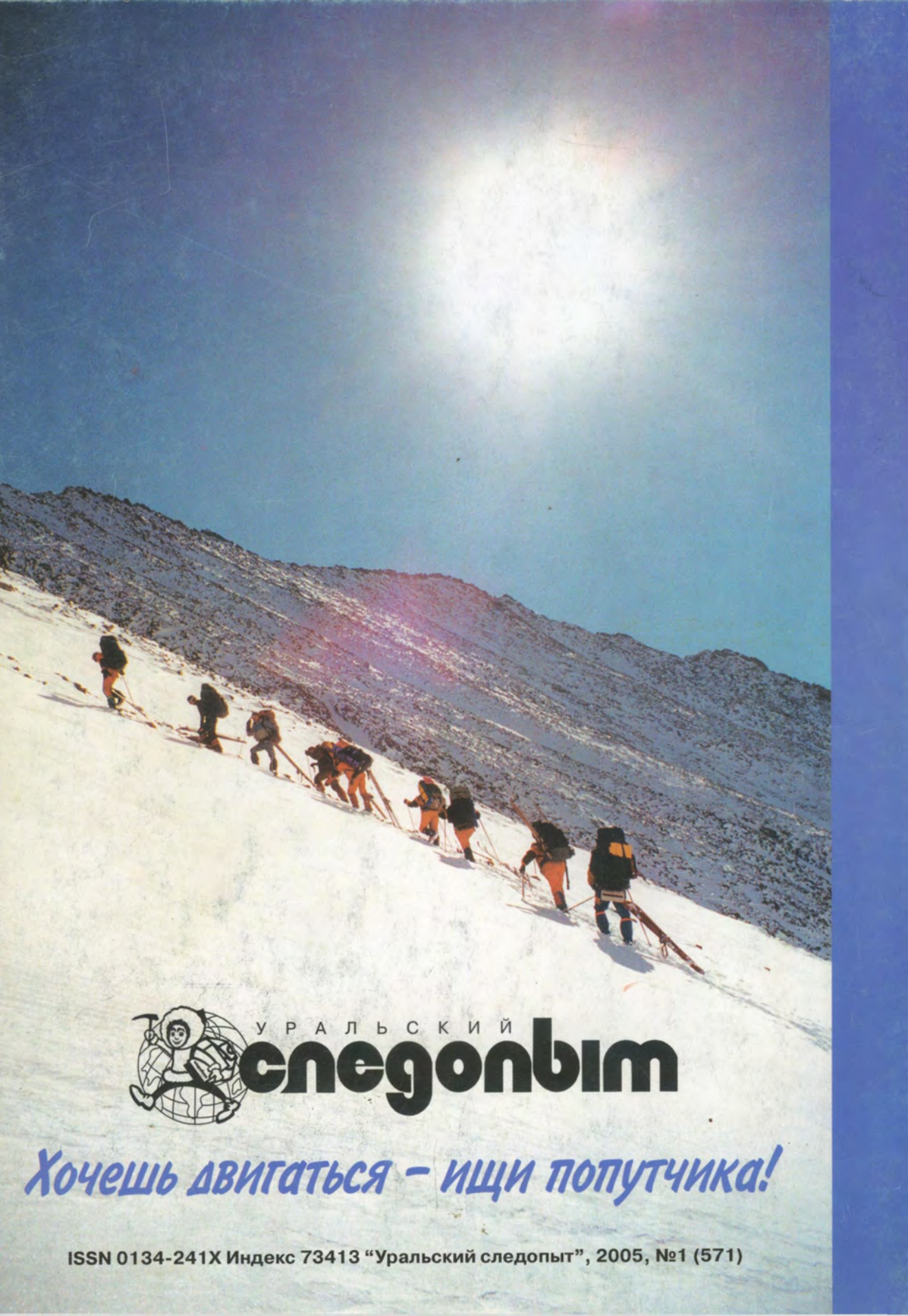
4. Формат снимка

- не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
- файлы, записанные на CD-R, DVD в форматах *.jpg 3072 x 2048, *.tif 300 dpi 200 x 300 мм

**Победитель
фотоконкурса
Елена
Парамонова**

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС".
Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации. Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

ISSN 0134-241X Индекс 73413 "Уральский следопыт", 2005, №1 (571)